

Семантические переходы в языках мира

Институт языкознания
Российской академии наук

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ЯЗЫКАХ МИРА

Материалы
к лингвистическому форуму 2024 года

21–23 ноября 2024 г.

Москва – 2024

УДК 81-13
ББК 81.2я28
С30

<https://elibrary.ru/fsiifl>

*Конференция проводится в рамках работы над проектом
РНФ № 22-18-00586
«Построение типологии полисемии с применением частично-
автоматизированной системы кросс-языковой идентификации
семантических переходов»*

Редакционная коллегия:

Т.А. Михайлова (отв. ред.), Анна А. Зализняк, М.М. Руссо

С30 Семантические переходы в языках мира : материалы к лингвистическому форуму. 21–23 ноября 2024 г. / Отв. ред. Т. А. Михайлова. – Москва : МАКС Пресс, 2024. – 274 с.
ISBN 978-5-317-07279-7
<https://doi.org/10.29003/m4248.978-5-317-07279-7>

Сборник по материалам ежегодного лингвистического Форума Института языкознания Российской академии наук. Форум 2024 г. посвящен разнообразию семантических переходов в языках мира, а также призван выявить в них системные типологические универсалии. Семантический переход рассматривается в оптике различных подходов: лексической семантики, полисемии, этимологии и языковой реконструкции, лексической типологии, грамматикализации, когнитивной лингвистики, культурной антропологии. Также рассматриваются семантические кальки, мотивационные модели и стратегии номинации в ряде конкретных языков.

Ключевые слова: семантический переход, полисемия, лингвистическая типология, стратегия номинации, культурная антропология.

УДК 81-13
ББК 81.2я28

На первой стороне обложки
картина Виктора Вазарели (1906–1997) «Две зебры» (1975)

ISBN 978-5-317-07279-7

© Коллектив авторов, 2024
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2024

Содержание

З.К. Айбазова, З.К. Алжанбекова

Семантические переходы в базисной лексике языков куманской группы: от гор до рек.....7

Е.В. Буденная, Л.А. Баркова, А.М. Дугричилов, М.О. Бажуков

База данных “Diachronicon” и ее возможности для исследования семантических переходов в русском языке.....18

Е. А. Гаврилова, А.Ю. Милитарев

Семантические переходы на необычном лексическом материале – нерегулярных корневых вариантах в афразийских языках.....28

Т.И. Давидюк, А.И. Крюкова

Семантические переходы ‘зад, спина — после — причина’ и ‘говорить — комплементаризер — причина’ на материале татышлинского удмуртского.....36

О.В. Донина, Е.В. Куренкова

Исследование семантических переходов при помощи параллельного подкорпуса национального корпуса русского языка.....46

Н.А. Илюхина

Сценарная метонимия как лингвокогнитивный механизм семантического перехода.....51

Е.Р. Иоанесян

Семантические переходы, базирующиеся на инцидентных следствиях прототипической ситуации эмоции.....59

В.В. Каприелова

Семантические переходы в венгерских терминах родства....67

Egor Kashkin, Maria Emilia Winkler

“Clean & pure” semantic shifts (evidence from Uralic and lexical typology).....75

Ю.В. Кожуховская

Элементы мифопоэтического мировосприятия в структуре когнитивных метафор (на материале новогреческого языка).....86

В.В. Кондратьева

Применение этнолингвистического подхода для осмысления полисемии на примере культуроспецифичных семантических переходов в семитских языках.....93

А.А. Корчуганова, И.Б. Котеняткина **Маринизмы в испанском языке: путешествие во времени и пространстве.....103**

К.С. Кравцов, М.В. Турилова

Семантические переходы в лексико-семантическом поле «Безумие».....109

М.А. Кузина

Продуктивные модели апелляции: на примере образования названий тканей в английском языке.....115

В.Г. Кульпина **Семантические переходы на основе цвето- и светолексем: проекции истории языка в современность...121**

Т.А. Михайлова **О семантических сдвигах в области базовой лексики: ‘большой’ - ‘великий’.....127**

Е. К. Молчанова **О семантической эволюции в западноиранских языках.....136**

D. Mordashova

Polysemy pattern of a simulative marker *-mn'äs'k* in Tatyshly Udmurt.....142

А.С. Панина **О некоторых случаях метонимии японских глаголов.....151**

А.Д. Подгорная

Семантические переходы в близкородственных языках: глаголы бросания в русском и чешском.....157

<i>Е. В. Разумных</i>	
Семантико-грамматический переход как основа формирования неопределенно-личного местоимения <i>man</i> в древне-ском.....	167
<i>М.М. Руссо</i>	
База <i>DatSemShifts</i> как каталог лексических мотиваций...	174
<i>М.М. Руссо</i>	
Проект семантико-типологической анкеты.....	181
<i>А.В. Савельев</i>	
Об эффектах калькирования в этимологии: некоторые случаи из мари́йско-тюркской контактной зоны	186
<i>Т.В. Сивова</i>	
Семантический переход в пространстве флоросемантики цвета (на фоне текстов различных дискурсов).....	196
<i>А.А. Смирнитская</i>	
К построению типологии семантических переходов с точки зрения механизма мотивации: глаголы восприятия в языке кхойкхой.....	204
<i>Г.С. Старостин</i>	
Формализация семантических переходов в базисной лексике и ее значение для верификации гипотез языкового родства ..	212
<i>С. М. Толстая</i>	
Мотивационные модели в символическом языке Культуры	219
<i>И.В. Фуфаева</i>	
Семантические переходы словообразовательного значения «уменьшительность» на материале русского языка.....	223
<i>Е.Н. Цветаева</i>	
Семантическая диффузность: путь к интенсификации и конверсии.....	233

<i>В.Н. Шапошиников</i> Сдвиги значений слов в современном русском языке.....	239
<i>А.А. Шахаева</i> Структура логограммы как мотивационная модель много- значности китайского языка.....	245
<i>А.Д. Шмелев</i> Семантические переходы и внешне сходные явления.....	253
<i>Д.И. Эдельман</i> Ареальный и этнокультурный компоненты в семантиче- ском переходе.....	262
<i>И.В. Яковлева</i> Глаголы звука в семантическом поле глаголов речи.....	266

З.К. Айбазова

НИУ «Высшая школа экономики»
Соискатель, Институт языкознания РАН, Москва
zuhra_aybaz@bk.ru

З.К. Алжанбекова

Институт языкознания РАН, Москва
zarema_k@iling-ran.ru

Семантические переходы в базисной лексике языков куманской группы: от гор до рек

Базисная лексика, согласно концепции М. Сводеша, считается наиболее устойчивой к изменениям и заимствованиям. Однако даже эта лексика подвержена семантическим сдвигам под влиянием интра- и экстралингвистических факторов. В результате этих изменений, как показывает актуальный диалектологический материал, в языках формируются:

- новые синонимы с нечетким разграничением в употреблении;
- новые термины, полностью вытесняющие предыдущие;
- цепные реакции, при которых один семантический сдвиг провоцирует другой, изменяя спецификацию задействованных в процессе лексем.

В данной работе рассмотрены семантические переходы в базисной лексике языков куманской (западно-кыпчакской) группы: карачаево-балкарского, кумыкского, крымскотатарского, караимского. А также предпринята попытка семантической и ономазиологической реконструкции пракуманских лексем для некоторых случаев.

I. Пары ‘вода’ → ‘река’ и ‘река’ → ‘ущелье’

Первая группа рассматриваемых лексем касается обозначений природно-географических объектов, которые претерпели горизонтальные семантические сдвиги. Эти сдвиги характеризуются переносом наименования одного объекта на другой, тесно с ним связанный.

Некоторые из этих процессов развивались в куманских языках независимо, другие же имеют общее происхождение и, вероятно, начались до разделения языков.

Так, в карачаево-балкарских диалектах слово *suw* ‘вода’ является основным обозначением и для ‘реки’. В кумыкских диалектах *suw* ‘вода’ в значении ‘река’ выступает редким синонимом к основному термину *oz'en* ‘река’. Также лексема *oz'en* и ее фонетические варианты выступают основным обозначением для ‘реки’ в крымскотатарском и караимском языках, согласно лексикографическим и диалектным материалам (см. Табл. 1 – 4)

Табл. 1

	карач.	бакс.	бакс.-чег.	чегем.	хул.-без.	черек.
река	suw, qoban, özen, köl	suw, ilpin	suw	suw, čerek	suw, čerek	suw, barğan suw, cerək, zayal, kol'
вода	suw	suw	suw	suw	suw	suw

Табл. 2

	терс.	хасав.	буйн.	подгор.	кайт.	лит.
река	suw	oz'en	oz'en	kol'	oz'en, suw	oz'en
вода	suw	suw	suw	suw	suw	suw

Табл. 3

	крымтат.Ю	крымтат.Ор	крымтат.Ст	Словар.
река	oz'en	oz'en (3)	ırmaq	özen, nehir, derya, çay
вода	suw	suw	suw	suw

Табл. 4

	кар.К	кар.Т	кар.Г
река	özen, dere, çirniq	öz'an	ezen, reka
вода	suv	suv	suv

Семантический переход 'вода' → 'река' нередко встречается и в других языках мира, в том числе и в тюркских: The Database of Semantic Shifts in the languages of the world (datsemshift.ru). Однако он отсутствует в крымскотатарском, караимском и крымчакском языках. Таким образом, в контексте куманских языков этот переход ограничен карачаево-балкарским и кумыкским языками. Поэтому реконструкция *suv/suv* в значении 'река' на пракуманском уровне представляется невозможной, но вполне оправдана на пракарачаево-балкаро-кумыкском уровне.

Лексема *özen* в значении 'река' является основным кандидатом для восстановления в пракуманском состоянии, так как широко распространена в куманских языках по сей день, за исключением карачаево-балкарского. В последнем наблюдается хорошо очерченный по границам употребления семантический сдвиг *özen* 'река' → *özen* 'ущелье'. В Толковом словаре [ТСКБЯ 1996: 716] *özen* в значении 'река' помечен как карач. диалектизм, однако согласно актуальным полевым материалам за 2018-2019 гг. это значение зафиксировано только у одной респондентки из а. Верхняя Мара в Карачаево-Черкесии (из 11 карач. и 42 балк. анкет). В данном случае можно констатировать, что и в карач. говоре семантика лексемы значительно сужается. И хотя слово *özen* в значении 'река' выпадает из собственно карачаево-балкарских реконструкций, оно имеет принципиальное значение для реконструкции на более глубоком уровне.

Примечательно, что семантический сдвиг 'река' → 'ущелье' также характерен для турецкого, крымскотатарского языков и крымского диалекта караимского, но с использованием другой лексемы:

- крымтат. *dere* 'ручей' → *dere* 'балка', 'горная долина', 'овраг';
- тур. *dere* 'ручей', 'речка, пересыхающая летом' → *dere* 'овраг', 'ущелье', 'теснина';
- кар.К. *dere* 'река' → *dere* 'ущелье'.

Наличие слова *dere* и семантического перехода *dere* ‘река’ → *dere* ‘ущелье’ только в крымском караимском при отсутствии в галицком и тракайском диалектах, а также практически полное совпадение значений в обоих семантических пучках между крымскотатарским и турецким, может свидетельствовать о заимствованном характере лексемы (и, возможно, всего семантического перехода) *dere* ‘река’ → *dere* ‘ущелье’ в крымском караимском. Этимологически *dere* восходит к перс. *daryā* ‘море’, ‘большая река’. Еще несколько примеров этого перехода в языках мира представлены в материалах базы данных: [The Database of Semantic Shifts in the languages of the world \(datsemshift.ru\)](http://datsemshift.ru)

К другим типам семантических переносов, основанных на семантической деривации и отмеченных в природно-географических терминах куманских языков, относятся апелляция и онимизация. Оба процесса зафиксированы в западной и восточной оконечностях кбалк. диалектного ареала.

Так, в карачаевском говоре название реки Кубань *qoban* может использоваться для обозначения любой реки, но чаще - к крупным (пример потенциальной апелляции).

В черекском диалекте, предположительно, наблюдается обратный процесс: слово *ĉerek/cerek* ‘река’ стало основой для названий рек Черек Балкарский и Черек Безенгийский.

Важно отметить, что в настоящее время отсутствует общепринятая точка зрения относительно этимологии слов *cerek* и *qoban*. Установление их происхождения позволило бы точнее определить, в каком из случаев имеет место апелляция, а в каком – онимизация.

II. Пары ‘гора’ → ‘лес’ и ‘север’ → ‘лес’

В различных языках мира часто наблюдается полисемия лексемы со значением ‘гора’, которая приобретает дополнительное значение ‘лес’, см.: [The Database of Semantic Shifts in the languages of the world \(datsemshift.ru\)](http://datsemshift.ru). В группе куманских языков этот переход реализовался только на ограниченном участке западно-куманского ареала, а именно: в Крыму.

Прежде всего, он отмечен в крымскотатарских диалектах, где *ortan* ‘лес’ может выступать и основным термином, и низ-

кочастотным синонимом к *dağ/taw* ‘лес’. Одновременно с этим *dağ/taw* ослабляется в значении ‘гора’ на фоне второго частотного синонима – *bayır*. (См. Табл. 5).

Табл. 5

	крымтат.Ю	крымтат.Ор	крымтат.Ст	Лит.
гора	dağ, taw	dax, dağ, bayır	taw, bayır	bayır, dağ
лес	dağ (еще и orman)	orman, dağ	taw (иногда orman)	ağaç, dağ, orman

Из караимских диалектов процесс перехода *dağ/tav* ‘гора’ → *dağ/tav* ‘лес’ отмечен только в крымском диалекте, тогда как для галицкого и тракайского диалектов сохраняются лексемы *orman*, *ormanlıq*. (См. Табл. 6). Таким образом, это еще один случай сближения крымского диалекта караимского с крымско-татарскими диалектами, и отсутствие подобных процессов в галицком и тракайском диалектах указывает на контактный характер этих сближений

Табл. 6

	кар.К	кар.Т	кар.Г
гора	dağ, tav, taw	tav, taw	tav, taw
лес	dağ, tav	orman	ormanlıq, orman

Таким образом, несмотря на расширение семантики лексемы *dağ/taw/tav* в ряде современных языков, для пракуманского состояния надежно реконструируется исходное значение ‘гора’.

Другой, менее распространенный, семантический сдвиг ‘север’ → ‘лес’ осуществился в границах карачаево-балкарских диалектов. В группе балкарских говоров ‘лес’ обозначается словом *ağaç* с прозрачной тюркской этимологией и восстанавливаемым значением ‘дерево’ [ЭБТЯ, № 85]. Карач. *çeget* ‘лес’, балк. *çeget* ‘север, теневая сторона’ > осет. *цагат* ‘север, северный’.

Предположительно, смещение значения в карачаевском говоре могло происходить в следующей последовательности: ‘северная сторона’ > *‘северные склоны гор’ > *‘лес на северных склонах’ > ‘лес’. Такое развитие лексики может быть связано с особенностями природно-географического ландшафта, где более влажные северные склоны гор являются благоприятными для произрастания лесов.

Табл. 7

	карач.	бакс.	бакс.- чег.	чегем.	хул.- без.	черек.
гора	taw, qaya	taw	taw, tōš	taw	qaya, taw	taw, qaya, tōš, duppur
лес	čeget	ağaç, sirt	ağaç	ağaç	ağaç	ağaç
север, теневая сторона	šimal	čeget, šimal	čeget, šimal	čeget, šimal	čeget, šimal	čeget, šimal

III. Пары ‘птица → ‘орел’, ‘воробей → ‘птица’ ‘птица’ → ‘перо’, ‘лебедь’/’гусь’ → ‘пух’, ‘перо’

В орнитологической лексике куманских языков можно выделить семантические сдвиги на основе метонимических переносов двух типов:

1) перенос значения с целого на часть, как в случае с ‘крыло → перо’;

2) перенос названий различных птиц на их пух, оперение.

Семантический сдвиг *qanat* ‘крыло’ → *qanat* ‘перо’ широко представлен в крымскотатарском и кумыкском языках. Неожиданным стало выявление этого процесса в карачаево-балкарских диалектах, учитывая, что до настоящего времени *qanat* ‘перо’ не было зафиксировано в лексикографических материалах.

Очевидное сближение карачаево-балкарского и кумыкского языков в контексте орнитологической лексики проявляется сразу в нескольких случаях. В первую очередь, это семантические переносы ‘птица’ → ‘орел’, ‘воробей’ → ‘птица’:

- кбалк.: *quš* (устар.) ‘птица’ → *quš* ‘орел’; *čirčiq* ‘воробей’ → *čirčiq* ‘птица’

- кумык.: *quš* ‘птица’ и *qaraquš* ‘орел’ (досл. ‘черная птица’); *žimčiq/čimčiq* ‘воробей’ → *žimčiq/čimčiq* ‘птица’.

Помимо этого, в обоих языках отмечены переносы названий птиц на их оперение и пух.

Кбалк.:

- *quw* устар. ‘лебедь’ > *quw tiik* ‘лебяжий пух’ > *quw* ‘пух’;

- *quš* ‘орел/устар. птица’ > *quš tük* ‘птичий пух, мелкие перья’ > *quš* ‘пух’.

Кумык.:

- буйн. и подгор. диал. *qiv* ‘лебедь’, ‘лебяжий’ > **quw tük* ‘лебяжий пух’ > *quw* ‘перо’;

- буйн. и диал. *qaz* ‘гусь’, ‘гусиный’ > *qaz yastuq* ‘пуховая подушка’, где *qaz* ‘пуховый, из пуха’.

IV. Пара ‘цедить’ → ‘плавать’

Особый интерес представляет случай семантического сдвига, обусловленного паронимической аттракцией. Данный процесс реализовался в различных, географически удаленных друг от друга тюркских языках, закрепившись на разных стадиях развития. Это позволяет детально проследить эволюцию значения. Рассматриваемый случай касается концепта ‘плавать’ из списка Сводеша, который в карачаево-балкарских диалектах выражен общетюркским глаголом *jüz-*, за исключением черекского диалекта, где данный глагол принял форму *süz-*.

Табл. 8

	че- рек.	хул.-без.	чегем.	бакс.- чег.	бакс.	ка- рач.
плавать	süz-	žüz-, süz-	žüz- /žüz-	žüz- /žüz-	žüz-	žüz-
плыть	süz-, bar-	žüz-, bar-, süz-	žüz- /žüz-, bar-	jüz-, bar-	žüz-, bar-, žüzüp kel-	žüz-, bar-, žüzüp bar-

Рефлексы глагольной основы *süz-* в значении ‘плавать’ встречаются в чаг., тат. (диал.), кирг., узб. (диал.). В тув., тоф. *süs-* ‘ходить по воде’, в чув. *sər-* (кирилл. *сёр-*) ‘ловить рыбу сетью’ < ‘цедить’, в кирг., ккалп., тат. ‘ловить рыбу бреднем’ (*balıq süz-*), в крымтат.Ст. *sız-* ‘плавать’ (о рыбе); см. также в тур., гаг., кар.К, кумык., каз., уйг. *süz-* ‘цедить’; кар.Г ‘черпать, вылавливать ковшем’; тат., башк. ‘вылавливать’ (плавающее в жидкости) [ЭСТЯ 2003: 366-367].

Рефлексы глагола *jüz-* в значении ‘плавать’ фиксируются в др.-уйг., крх.-уйг., чаг., хорезм., кып., куман., кумык., кар.К,

каз., ккалп., башк., тат., туркм., аз., тур., хак., шор. и др. [ЭСТЯ 1989: 261].

На основе имеющихся данных можно предположить, что паронимическая аттракция спровоцировала семантический сдвиг, при котором значение глагола *jüz-* частично перенеслось на глагол *süz-*, расширяя его семантическое поле. Примеры чувашского, тувинского, тофаларского и киргизского языков демонстрируют, как процесс процеживания (*süz-*) мог переосмыслиться через призму рыболовства сетью/бреднем и хождения по воде при закидывании сети. Далее можно предположить постепенное смещение значения ‘передвижение по воде’ → ‘плаванье’, а также смешение фонетически сходных *jüz-* и *süz-*.

V. ‘Пузо’ → ‘живот’: случай амелиорации в базисной лексике кбалк. языка

Табл. 9

	черек.	хол.-без.	чегем.	чег.-бакс.	баксан.	карач.
живот	qarın, bıdır	qarın, bıdır	qarın, bıdır	qarın, bıdır	qarın, bıdır	qarın
живот внешний	qarın, bel, bıdır	bıdır, qarın, bel	qarın, bıdır, bel	qarın, bıdır, bel	qarın, bel, bıdır	qarın, bel, bıdır

Несмотря на то, что в карачаево-балкарских словарях лексема *bıdır* ‘пузо’ помечена как грубая лексика, полевые данные показали значительное смягчение её негативного значения в балкарских диалектах, что сильно отличается от употребления этого слова в карачаевском говоре. Пока это единственный пример амелиорации в списке базисных слов в куманских языках, и является он локальным балкарским феноменом.

VI. Пары ‘пар’ → ‘пыль’ и ‘пыль’ → ‘дым’

В базе данных семантических сдвигов в языках мира зафиксированы примеры переходов ‘дым’ → ‘пыль’ [The Database of Semantic Shifts in the languages of the world \(datsemshift.ru\)](http://TheDatabaseofSemanticShiftsinthelanguagesoftheworld.datsemshift.ru) и ‘пыль’ → ‘пар’ [The Database of Semantic Shifts in the languages of the world \(datsemshift.ru\)](http://TheDatabaseofSemanticShiftsinthelanguagesoftheworld.datsemshift.ru). Однако в карачаево-балкарских диалектах наблюдаются противоположные переходы в этих парах. Рассмотрим соответствующие номинации:

- кбалк. *tıprw* 'пар', *tütün* 'дым', *buqu* 'пыль': но в чегем. говоре *buqu* 'пыль' → *buqu* 'дым';

- крымчак. *tütün* 'дым', *buqu* 'пар', *toz* 'пыль';

- крымтат. *tutun/tutin*, *duman* 'дым', *buv* 'пар', *toz*, *şaj* 'пыль';

- караим. *tütün/titin* 'дым', *buv* 'пар', *toz* 'пыль'.

Также:

- туркм. диал *bu:q*, чаг. *buh/bux* 'пар', 'испарение';

- тур. диал. *buhu* 'пар', 'испарение', осм. *buğu* 'пар', 'испарение', 'дым' [ЭСТЯ 1978: 229-230].

Основной узел значений для чегем. диал. *buqu* 'пыль', 'дым' в других тюркских языках сконцентрирован вокруг терминов 'пар', 'испарение'. В ЭБТЯ праформа восстанавливается как **büg* «пар», «туман» (ЭБТЯ, № 1888). Это позволяет предположить, что лексема *buqu* в значении 'пыль' появилась в карачаево-балкарском языке позднее, в результате первого семантического сдвига, тогда как в крымчакском языке она сохранила своё первоначальное значение 'пар'. Впоследствии, в чегемском говоре произошёл второй семантический сдвиг: *buqu* 'пыль' → *buqu* 'дым', при этом оба значения остались в употреблении. Хотя значение 'дым' для *buğu* фиксируется ещё в османском языке, трудно установить прямую связь с процессами, происходившими в карачаево-балкарских диалектах. Как показывают примеры, такие семантические переходы могут происходить в обоих направлениях в различных языках мира.

Полевые и лексикографические материалы по куманским языкам показывают, что развитие значений в базисной лексике может быть обусловлено как внутренней логикой языка, так и внешними воздействиями, а иногда сочетанием обоих факторов. Расширение диалектологической базы значительно обогащает лексикографические источники, позволяя уточнять имеющуюся информацию и пополнять базу данных по семантическим переносам. Сравнительный и сопоставительный анализ, включая диахронический подход, способствует более точным реконструкциям. Такой методологический подход создает надежную основу для понимания эволюции базисной лексики, выявляя как общие закономерности, так и уникальные особенности, характерные для отдельных диалектов и языков.

Сокращения

аз. – азербайджанский, бакс. – баксанский говор, бакс.-чег. – баксано-чегемский говор, буйн. – буйнакский диалект, гаг. – гагаузский, др.-уйг. – древнеуйгурский, каз. – казахский, кайт. – кайтакский диалект, карач. – карачаевский говор, кар.Г – караимский галичский, кар.К – караимский крымский, кар.Т – караимский тракайский, кбалк. – карачаево-балкарский, кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, крх.-уйг. – караханидско-уйгурский, крымтат.Ор. – крымскотатарский орта диалект, крымтат.Ст. – крымскотатарский степной диалект, крымтат.Юж. – крымскотатарский южнобережный диалект, крымтат. – крымскотатарский, крымчак. – крымчакский, куман. – куманский, кумык. – кумыкский, кып. – кыпчакский, лит. – литературный, подгор. – подгорный диалект, терс. – терский диалект, тат. – татарский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, узб. – узбекский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, хасав. – хасавюртовский диалект, хорезм. – язык хорезмийско-тюркских памятников, хул.-без. – хуламо-безенгиевский говор, чаг. – чагатайский, чегем. – чегемский говор, черек. – черекский диалект, чув. – чувашский, шор. – шорский язык

Материалы

1. Балкарская экспедиция 2018 года (Отдел урало-алтайских языков ИЯз РАН)
2. Карачаевской экспедиции 2019 года (Айбазова З.К., ИЯз РАН);
3. Кумыкская экспедиция 2019 года (Алжанбекова З.К., Ияз РАН);
4. Дистанционное анкетирование кумыкских и крымскотатарских респондентов (Айбазова З.К., ИЯз РАН)

Литература

- Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: В двух томах. I том. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015..
- Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: В двух томах. II том. – Казань: Магариф-Вақыт, 2015.
- Бамматов З.З.* Русско-кумыкский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960.
- Бамматов З.З., Оразаева Г.М.* Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.

- Баскаков Н.А., Зайончковский А.А., Шапшал С.М.* Караимско-русско-польский словарь. – М.: Русский язык, 1974.
- Дыбо А.В.* Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана: Prosper Print, 2013.
- КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1989.
- Реби Д.* Крымчакский язык. Крымчакско-русский словарь. – Симферополь: Доля, 2004.
- РКБС 1965 – Русско-карачаево-балкарский язык. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
- ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. I том. – Нальчик: Эль-Фа, 1996.
- Усеинов С.М.* Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь. – Симферополь: Тезис, 2007.
- ЭБТЯ – Этимологическая база тюркских языков в Starling
- ЭСТЯ 1989 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Б'. – М.: Наука, 1978.
- ЭСТЯ 1989 – *Севортян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Ж', 'Ж', 'Й'. – М.: Наука, 1989.
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'Л', 'М', 'Н', 'П', 'С'. – М.: Восточная литература РАН, 2003.
- Egorov I.* Basic vocabulary of closely elated languages in contact: case study of Turkic languages on he Crimean Peninsula // Journal of Language Relationship. – 2020. – No. 18/3, 170–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/basic-vocabulary-of-closely-related-languages-in-contact-case-study-of-turkic-languages-on-the-crimean-peninsula/viewer> (access date: 17.06.2024).
- Polinsky M.* Crimean Tatar and Krymchak: Classification and Description // The Non-Slavic Languages of the USSR. – Chicago: The Chicago Linguistic Society, 1992, 157–188.
- [The Database of Semantic Shifts in the languages of the world \(datsem-shift.ru\)](http://datsem-shift.ru)

Е.В. Буденная

НИУ «Высшая школа экономики»
Институт языкознания РАН, Москва
jane.sdrv@gmail.com

Л.А. Баркова

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
labarkova@hse.ru

А.М. Дугричилов

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
akhmed1797@yandex.ru

М.О. Бажуков

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
mbazhukov@hse.ru

База данных “Diachronicon” и ее возможности для исследования семантических переходов в русском языке

1. О базе “Diachronicon”

База данных “Diachronicon”, разрабатываемая коллективом ученых НИУ ВШЭ, представляет собой первый электронный ресурс, позволяющий системно исследовать механизмы идиоматизации в диахронической перспективе. Объектом изучения данной базы являются конструкции – идиоматизированные единицы на пересечении лексики и грамматики, состоящие из преимущественно неизменяемой, или якорной части, и слотов, которые могут заполняться различными лексемами [Fillmore et al. 1988; Croft 2001; Рахилина 2010; Эндресен и др., 2020]:

Бог/черт/хрен/... знает + wh-word; NP-GEN (хоть) пруд пруди и др. По своей сути, “Diachronicon” является продолжением ранее разработанного ресурса «Русский конструктор» [Janda et al. 2018; Эндресен и др. 2020], который в базе данных “Diachronicon” расширяется в область исторических изменений. В основе базы “Diachronicon” лежат данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), который использовался как дополнительный источник в случае недостаточной выборки данных XX-XXI вв., а также сервиса Google Ngram Viewer, к которому обращались в случае недостаточной выборки, с дальнейшей верификацией даты вхождения. По своей сути база данных “Diachronicon” представляет собой самый полный ресурс, с помощью которого оказывается возможным одновременное сравнение отдельных сюжетов и осуществление поиска по заданному списку конструкций и их характеристик в динамике. На данный момент объем базы данных “Diachronicon” составляет около 150 конструкций.

2. База данных “Diachronicon” и нестандартные семантические переходы

С содержательной точки зрения, база данных “Diachronicon” позволяет выявить и объяснить нестандартные семантические переходы. Так, в древнерусском языке конструкция *день ото дня* означала ‘постоянно’ [Аванесов 1988], см. (1-2), а в современном русском имеет семантику постепенного изменения ситуации (3):

(1) блѣговѣстите *днѣ ѿ днѣ*. спѣсение е(г)о [Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е)]

(2) <...> Не жди обратитисѧ къ боу и не отълагаи *днѣ отъ днѣ* напрасно бо изидеть <гнѣ>въ гнѣ: [Изборник 1076 г. (перевод Х в. [Болгария])]

(3) Настроение горбуна менялось *день ото дня*. [Гузель Яхина. Дети мои (2018)]

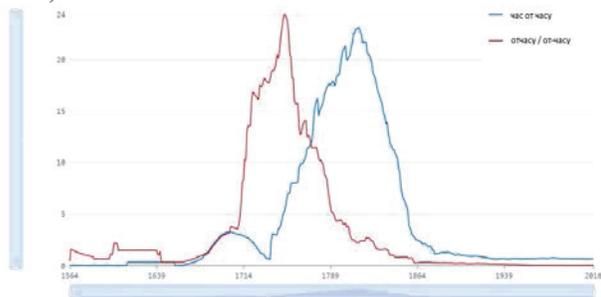
Подобный переход значения – от ‘постоянно’ к ‘постепенно’ – представляется необычным и заслуживает отдельного исследования. Однако по базе “Diachronicon” можно проследить, что в XVI-XVII вв. в языке существовали две конструкции – *от*

часу (и ее орфографическая вариация *отчасу*) со значением постепенности (4) и *день ото дня* с семантикой постоянства, тогда как современная конструкция *час от часу* появляется позже. Так, первое вхождение конструкции *час от часу* в корпусе датируется 1634 г. (4), а вариант *от часу* впервые встречается в панхроническом корпусе на 70 лет раньше, в 1564 г. (5):

(4) А вамъ бы, брату нашему, вашему королевскому величеству <...> братская дружба и любовь множилась и ***часъ отъ часу прибавлялась***. [Царская грамота к датскому королю Христиану IV с извещением о кончине патриарха Филарета Никитича (1634.08.20)]

(5) И тако убо намъ в сицевомъ гонении и утеснении пребывающимъ, и такова злая не токмо от дни до дни, но ***от часу*** растяху; и еже убо намъ сопротивно, сия умножахуся, а еже убо намъ послушно и покойно, сия умаляхуся. [Иван Грозный. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (1564)].

В дальнейшем, на протяжении первой половины XVIII в., в текстах НКРЯ конструкция *от часу* существенно преобладает над инновативным вариантом *час от часу*, однако к последней четверти XVIII в. последняя конструкция уже начинает доминировать, тогда как ранняя версия *от часу* постепенно выходит из употребления, см. Рис:

Распределение конструкций *час от часу* и *отчасу* в панхроническом корпусе НКРЯ (частота на миллион словоформ, сглаживание 20).

Возникновение у конструкции *день ото дня* значения постепенности соотносится с первыми вхождениями конструкции *час от часу*. Данные конструкции иногда могут сосуществовать в одинаковых контекстах XVIII в. в рамках одной клаузы (6):

(6) Продолжение средней комедии было от Лизандра Лакедемонянина до времен Александра Великого, который, утвердив за собою Греческую державу разбитием тебанцев, был причиною, что и сие своеволие пиитов обуздано, кое *день от дня* и *от часу* более умножалось. [В. К. Третьяковский. Рассуждение о комедии вообще (1750)]

По-видимому, именно середине XVIII в. конструкция *от часу* начинает взаимодействовать с конструкцией *день ото дня*. Учитывая примеры вида (6), предшествующие закреплению конструкции *час от часу*, с одной стороны, и конструкции *день ото дня*, с уже современным значением постепенного изменения ситуации, можно предполагать взаимную интерференцию обеих конструкций: синтаксис *час от часу* развился по аналогии с *день ото дня*, а семантика конструкции *день ото дня* – наоборот, путем аналогического выравнивания с конструкцией *час от часу*, где соответствующее значение уже развилось на момент XVIII в. Данные процессы привели к развитию двух разных конструкций вида *X от X-a*, на которые распространяется инвариантная семантика постепенности. Развившуюся схему вида *X от X-a* можно считать так называемым аттрактором [Traugott 2008: 237-238; Traugott, Trousdale 2013: 118], по аналогии с которым начинают интерпретироваться отдельные частные конструкции – в частности, *год от года*.

3. “Diachronicon” и новые пути грамматикализации

Также возможности базы “Diachronicon” позволяют определить не описанные ранее пути грамматикализации. Примером такого пути может быть история развития неглагольного предиката *айда*. Изначально слово *айда* использовалось для того, чтобы погонять лошадей (7):

(7) — Живей, — закричал он, — **айда, айда!** — и сам стал подергивать какие-то веревки и ремешки у упряжи. [А. И. Герцен. Бывшее и думы. Часть вторая. Тюрьма и ссылка (1854-1858)]

Затем оно стало использоваться для обращения к людям. В этом случае у него возникала гортативная семантика, а именно говорящий приглашал слушающего пойти куда-либо. Впервые такие контексты фиксируются во второй половине XIX века, один из них приведен в (8).

(8) — **Айда**, говорит, в Касимов, бери плакат и езжай в Ямудию! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадуриши (1863-1874)]

В (8) *айда* является не частицей, как в (7), а неглагольным предикатом, который управляет предложной группой *в Касимов*. При этом *Айда* получает возможность управлять не только предложными группами (и другими адьюнктами со значением места), но и инфинитивными клаузами (9). Такие контексты впервые фиксируются в НКРЯ в начале второй половины XIX века, тогда же, когда и контексты типа (8). В (9) инфинитив означает цель движения, как и предложная группа в примере (8).

(9) Только скажет: «Ребя, **айда коров мучить!**» — и побежали за город с гиком да лаем <...> [Ф. М. Решетников. Горнозаводские люди (1863)]

Семантика движения часто становится источником для грамматикализации гортатива. Так, в [Heine, Kuteva 2004] показано, что маркеры гортатива часто грамматикализуются из глаголов *приходить*, *идти* и *уходить*. Однако *айда* интересен тем, что после получения гортативного значения он подвергается еще одному семантическому переходу. В [Heine, Kuteva 2004] гортатив рассматривается только как цель, но не как источник грамматикализации. Нам также неизвестны другие работы, где бы описывалась дальнейшая эволюция инхоативных показателей.

В начале 2-й четверти XX в. в корпусе фиксируются контексты, в которых у *айда* возникает значение инхоатива (10). В дальнейшем инхоативное значение у предиката *айда* сохраняется, хотя и встречается реже, чем каузативное.

(10) Все облегченно вздохнули... и **айда работать**. [В. В. Маяковский. Баня (1929-1930)]

Пример (10) содержит важное отличие от примеров (8) и (9): если гортативное *айда* употребляется в репликах - части диалога, то инхоативное *айда* употребляется в предложениях, которые являются частью нарратива. Это наблюдение верно и для остальных контекстов нашей выборки: в диалоге у *айда* гортативное значение, в нарративе – инхоативное.

Подобный семантический переход можно объяснить следующим: гортативная семантика напрямую связана с каузацией совместного действия. О связи каузативной и инхоативной се-

мантики часто писали в рамках каузативно-инхоативной альтернации [Lakoff, 1968; Недялков, 1969; Hale & Keyser 2002; Levin & Rapoport Hovav, 1994; Lundquist, Corley, Tungseth, Sorace & Ramchand, 2016; Tubino-Blanco, 2020]. Данный процесс связан с особенностью глагольных основ выражать как начало какого-либо действия (11), так и каузацию этого действия (12).

(11) Дверь открылась.

(12) Вася открыл дверь.

При каузативно-инхоативной альтернации маркированным может быть как каузативный глагол, так и некаузативный, а также оба варианта или ни один из них [Tubino-Blanco 2020]. В большинстве случаев у глаголов, которые подвергаются каузативно-инхоативной альтернации, в инхоативном варианте имеется неагентивный S-участник. Однако в японском языке существует альтернация между каузативными глаголами и некаузативными глаголами с агентивным A-участником (13-14). При этом морфема, которой при такой альтернации переходные глаголы отличаются от непереходных, не совпадает со стандартным маркером [Horvath, Siloni 2011].

(13) Yosi-wa it-ta

Yoshi-TOP go-PST

‘Йоши ушел.’ [Horvath & Siloni, 2011: 660]

(14) Hanako-wa Yosi-o ik-ase-ta.

Hanako-TOP Yoshi-ACC go-CAUS-PST

‘Ханако заставил Йоши уйти.’ [Horvath, Siloni 2011: 660]

Полисемия конструкции *aida V-Inf* похожа на каузативно-инхоативную альтернацию в японском тем, что инхоативное значение конструкции не ограничено глаголами с пациентивным S-участником.

Тем не менее у конструкции *aida V-Inf* есть несколько ключевых отличий от случаев каузативно-инхоативной альтернации, которые мы рассмотрели выше. Во-первых, полисемия между каузативом и инхоативом свойственна не глагольной основе, а конструкции, вершина которой – неглагольный предикат. Во-вторых, в конструкции *aida V-Inf* могут занимать переходные глаголы (15), а при альтернации глагольных основ инхоативная основа должна быть непереходной.

(15) В одну ночь собрались, покидали на подводу, что в доме было, детей на узлы, лошадь под уздцы, дом подпалили — и **айда счастья искать**. [Светлана Василенко. Дурочка (1998)]

В-третьих, для глаголов выбор между каузативной и инхоативной формой не зависит от иллюкутивной цели предложения, а у конструкции *айда V-Inf* каузативная интерпретация возможно только в предложениях, иллюкутивная цель которых – предложить сделать что-либо.

Таким образом, база данных “Diachronicon” позволяет видеть, как полисемия, которая раньше описывалась для глагольных основ, может развиваться и у конструкций.

4. Дополнения к семантическим переходам: “Diachronicon” и синтаксические закономерности

Помимо собственно семантических переходов, база данных “Diachronicon” также позволяет выявлять и ряд синтаксических закономерностей. Известно, что русский язык обладает большим набором идиом и лексических единиц, позволяющим выразить семантику незнания чего-либо: идиомы с этим значением имеют тенденцию сближаться друг с другом синтаксически – перенимая у прототипических глаголов знания (*знать, понимать* и др.) способы присоединения аргументов и другие характеристики. Мы сосредоточимся на трёх конструкциях: *ни в зуб, не в курсе* и *ни сном, ни духом*, история которых позволит нам отследить изменения, описанные выше.

Конструкция *ни сном, ни духом* изначально употреблялась (и до сих пор встречается) с другими предикатами – в основном *знать* (и его синонимами) и *быть виноватым*. Со временем идиома сама стала предикатом, а уже после этого начала перенимать у *знать* его синтаксические характеристики, такие как присоединение именных аргументов с помощью РР с предлогом *про* и *о* и клауз при помощи различных комплементаризеров. Первые примеры без комплементов в корпусе появляются в конце XIX-го века (16-17), а с ними – через сто лет (18-19):

(16) Он тут **ни сном, ни духом не виноват**... [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

(17) Через три дня надо было играть сговор, а она **не знала** о своей участи **ни сном ни духом**. [А. А. Бестужев-Марлинский. Латник (1832)]

(18) То есть иду я себе спокойненько по Губернаторскому, и **ни сном ни духом, какие** тут, в двух шагах, бушуют страсти! [Сергей Шикера. Стень (1998) // «Волга», 2009]

(19) Прокурор **про** беспорядки **ни сном ни духом**, только по поводу Кобякова этого озабочен. [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

История *ни в зуб* и его вариантов *ни в зуб ногой* и *ни в зуб толкнуть* схожа с *ни сном, ни духом*: уже в XIX-ом веке эти идиомы могли принимать аргументы и выступать без дополнительных глаголов. Кроме того, даже несмотря на то, что по корпусу нельзя сделать вывод о том, что идиома ранее использовалась только с другим предикатом (второй пример 1855-го года уже употреблен без него), на это указывает главная версия о происхождении выражения: ‘оборот — усечение более пространныго выражения *ни в зуб толкнуть не смылит*, которое употреблялось еще в прошлом веке’ [Историко-этимологический справочник 1998]. Кроме того, можно ожидать, что выражение смогло бы присоединять также и клаузы в качестве аргументов – несмотря на то, что в корпусе подобных примеров не найти, они есть в Интернете (22).

(20) Я **ни в зуб не знал** ничего. [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)]

(21) Ведь он только по полям с собаками ездит; ведь он **по хозяйству ни в зуб толкнуть...** [А. В. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского (1855)]

(22) Ты либо банкир (ну не клерк же такой солидный чел), либо миллионер. Я лично **ни в зуб, как** это дельце аферист Прай обтяпал, ... [URL: <https://akniga.org/gardner-erl-stenli-ubiyca-vyshivayuschiy-krestom>, дата обращения: 20.08.2024.]

Последняя конструкция (*не*) *в курсе* изначально должна была присоединять аргумент в родительном падеже, но в начале XX-го века это перестало быть необходимым и с этого времени выражение либо употребляется как самостоятельный предикат, либо принимает аргументы – так же, как глаголы знания.

(23) Так как телеграмма была получена оть бухгалтера, то можно было предполагать о причастности управляющего

отдѣленіемъ; я былъ, конечно, **въ курсѣ дѣла** и понималъ, что, въ случаѣ смѣщенія управляющаго, могъ быть назначенъ на эту должность, которая оплачивалась хорошимъ содержаніемъ. [В. Г. Старостин. Наше счастье (1870)]

(24) Многие мужики, очевидно знавшие, в чем дело, были спокойны. Горячились только некоторые, **бывшие не в курсе**. [С. Т. Семенов. Односельцы (1917)]

(25) — Мистрис Смит идет по бульвару, в кафэ, — ее джентльмен, с тростью в руках, уже был утром на бирже, он **в курсе, как** пляшут доллары, фунты и франки, он уже потрудился. [Б. А. Пильняк. Третья столица (1922)]

Диахронические изменения в этих идиомах демонстрируют, как адъюнкты предикатов могут становиться самими предикатами при употреблении в схожих контекстах. Кроме того, эти случаи показывают, как конструкции могут изменять свой синтаксис под влиянием более распространенных и прототипических синонимов [Рахилина 2010].

Эти и другие данные, визуализация которых стала возможна благодаря базе данных “Diachronicon”, позволят систематизировать и упорядочить ранее известные точечные семантические переходы, а также проследить их связь с синтаксисом в типологической перспективе.

Список сокращений

ACC – аккумулятив, CAUS – каузатив, PST – прошедшее время, TOP – топикальность.

Литература

Аванесов Р. И. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 3: добродѣтельно — изгечиса. // Р. И. Аванесов (ред.). М.: Русский язык, 1988.

Историко-этимологический Справочник. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998.

Недялков В. П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании / Вардуль И.Ф. (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969, 106-114.

Рахилина Е.В. (ред.) Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.

- Эндресен А., Жукова В., Мордашова Д., Рахилина Е., Ляшевская О. Русский конструктивизм: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2020». М.: РГГУ, 2020. Т. 19, 226–241.
- Croft W. Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language 1988. Vol. 64(3), 501–538.
- Heine B., Kuteva T. World Lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Lakoff G. Some verbs of change and causation. Harvard: Harvard University, 1968.
- Levin B., Hovav M. R. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Vol. 26. Cambridge MA: MIT press, 1994.
- Lundquist B. et al. Anticausatives are semantically reflexive in Norwegian, but not in English //Glossa: a journal of general linguistics. 2016. Vol. 1 (1).
- Lundquist B., Corley M., Tungseth M., Sorace A., Ramchand G. Anticausatives are semantically reflexive in Norwegian, but not in English// Glossa: a journal of general linguistics 1(1): 47.
- Hale K., Keyser S.J. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge, MA: MIT press, 2002.
- Horvath J., Siloni T. The Causative-anticausative alternation revisited // Penn Linguistics Colloquium, University of Pennsylvania. 2011.
- Traugott E.C. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English // Variation, Selection, Development: Probing the Evolutionary Model of Language Change. / R. Eckardt, G. Jäger, T. Veenstra (eds.). Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2008, 219–250.
- Traugott E.C., Trousdale G. Constructionalization and constructional change. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Tubino-Blanco M. Causative-inchoative in morphology // Oxford research encyclopedia of linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Е. А. Гаврилова

Институт языкознания РАН, Москва
HamsiG_Boss@yahoo.com

А.Ю. Милитарев

Институт языкознания РАН, Москва
amilitarev@gmail.com

Семантические переходы на необычном лексическом материале – нерегулярных корневых вариантах в афразийских языках¹

Статья посвящена теме корнеобразования, или корневой вариантности в семитских (и шире – в афразийских) языках и ее семантическому аспекту – проблеме, впервые поставленной и подробно разработанной С.С. Майзелем [Майзель 1983] и, по словам И.М. Дьяконова, «задающей серьезнейшие загадки лингвистической науке». При том, что типология семантических переходов как будто та же, что и между ‘правильными’ когнатами, основанными на регулярных звукосоответствиях, семантические переходы, о которых идет речь, реализуются на совершенно другом лексическом материале – нерегулярных корневых вариантах. Описан феномен спорадического корнеобразования в афразийских языках, а также способ разграничения корневого варьирования и корневого родства на всех уровнях реконструкции, позволяющий учитывать и анализировать многочисленные случаи этого неординарного феномена, не отходя от базовых принципов лингвистической компаративистики.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 20-18-00159, <https://rscf.ru/project/20-18-00159/>; организация, осуществляющая финансирование – ИЯЗ РАН.

Отношение немногочисленных российских лингвистов-компаративистов – как семитологов или афразистов, так и тех, кто включает афразийские языки в сферу своих лексических исследований в силу широкого диапазона научных интересов², к затронутым здесь вопросам, начиная с 80-х гг. прошлого века, колеблется от полного неприятия корнеобразования как явления³ (А.Б. Долгопольский: «работа Майзеля – вне науки»), и менее категорического мнения С.А. Старостина и С.Л. Николаева⁴ о том, что корневые варианты – маргинальное и редкое явление, возможно, объяснимое какой-то афразийской спецификой, до апологетической позиции И.М. Дьяконова, который после первого знакомства с рукописью Майзеля оценил эту работу так же, как Долгопольский, и следующим образом после второго знакомства: «ознакомление с рукописью убедило нас в том, что значение исследований С.С. Майзеля необыкновенно велико как раз в наши дни, после того как в сравнительном афразийском и семитском языкознании в 60–70-е гг. намечился коренной поворот и давно известные и, казалось бы, как бы раз навсегда установленные истины теперь предстали в новом свете... что действительно ценно в работе Майзеля – это огромный фактический материал, мимо которого прошли поколения европейских семитологов... Это – факты, с которыми спорить невозможно, а загадки лингвистической науке они задают серьезнейшие»(Предисловие к [Майзель 1983]).

Авторитетный представитель семитологического мейнстрима и один из авторов Этимологического семитского словаря Л.Е. Коган: «Для семитского корня характерны два типа спорадических консонантных мутаций: варьирование и метатеза. Под

² Даже у наиболее квалифицированных зарубежных афразистов нам не удалось обнаружить каких-либо свидетельств интереса к теоретическим проблемам корнеобразования, хотя примеры корневых вариантов встречаются в работах Вацлава Блажека (Blažek, Václav) и Габора Такача (Takács, Gabor), а спорадически и у других авторов.

³ Не считая, конечно, общеизвестных случаев звукоизображения, ‘лепетного’ языка, сознательного корнетворчества и т. п.

⁴ Оценки этих трех лингвистов мирового уровня высказаны ими в устных обсуждениях с А.Ю. Милитаревым.

консонантным варьированием понимают наличие в языке двух или нескольких корней, состоящих из фонетически близких согласных и выражающих одинаковые или близкие значения... Обширный материал содержится в классическом исследовании С.С. Майзеля, а также в ряде работ А.Ю. Милитарева. По мнению Майзеля, особое значение имеют те случаи консонантного варьирования и метатезы, при которых имеет место лексикализация вариантов с закреплением за ними более частных конкретных значений (согласно Майзелю, такие случаи фактически являются примерами спонтанного корне- и словообразования). Анализируя возможные причины возникновения и широкого распространения варьирования и метатезы, А.Ю. Милитарев (во Вступительной статье к [Майзель, 1983]) стремится учесть такие разноплановые факторы, как межъязыковые и междиалектные контакты, действие позиционных факторов, контаминация, однако ни один из них он не признает как решающий. Согласно установленной А.Ю. Милитаревым закономерности, чаще всего варьирование наблюдается среди согласных, наиболее близких друг другу фонетически (за редкими исключениями выделяются те же консонантные группы, что и при анализе совместимости согласных в составе корня)» [Коган 2009: 48-49]⁵.

Что касается афразийских языков, то в монографии Майзеля они очень мало представлены; составитель и автор дополнений добавил всего около полутора сотен египетских и берберских когнатов и три десятка общеафразийских к семитским корневым вариантам, что не удивительно, учитывая, что в период работы Майзеля над докторской диссертацией, легшей в основу его книги (с конца 30-х до начала 50-х гг. прошлого века), афра-

⁵ См. также краткое обсуждение проблемы корневых вариантов со спонтанным чередованием и/или метатезой корневых согласных и связанным с ней в ряде случаев интереснейшим и не намного лучше изученным явлением контаминации в SED I [Militarev, Kogan 2000: 1.13.-1.14]. Что касается причин возникновения корневых вариантов, сейчас Милитарев предполагает, что главная из них – напластование во многих поколениях производительных вариантов в экзогамных семьях при детском билингвизме.

зистика еще находилась в зачаточном состоянии, а в период подготовки рукописи к изданию (70-е – начало 80-х) только начала вставать на ноги. Но даже эти неполные и не всегда точные афразийские параллели указывали на реальность корневых вариантов и на более глубокое, чем прасемитский, уровне и положили начало поиску, фиксации и анализу корневых вариантов – сначала как ‘побочного продукта’ работы над установлением регулярных когнатов не только в семитских, но практически во всех афразийских ветвях. Спорадические ссылки на зафиксированные корневые варианты вскоре появились в очередных выпусках афразийского словаря, а частые – во многих работах Милитарева; одной из целей было продемонстрировать масштабность этого необычного феномена не только в арабском и других семитских языках, но и в других афразийских ветвях, а также, что особенно интересно, в межафразийском плане на всех уровнях реконструкции вплоть до праафразийского.

Эти выводы, как и сами идеи Майзеля, поддержали и такие лингвисты, как одна из ведущих фигур современной отечественной арабистики А.Г. Белова и О.В. Столбова, крупнейший в мире специалист по чадско-афразийским этимологиям, подтверждая, что это явление характерно не только для арабского и других семитских языков, но является общеафразийским⁶.

⁶ Ср. Белова А.Г., Столбова О.В. К вопросу о корневых вариантах в семитских и чадских языках // Сборник памяти К. Церетели. Тбилиси, 2003. С. 38-50; Столбова О.В. Корневые варианты в арабском языке как основа афразийской лексической реконструкции (корни с чередованием гуттуральных в анлауте) // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 27: Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Азии и Африки. М.: ИВ РАН, 2020. С. 198-207. В последней статье приводятся 12 общесемитских или только арабских корней с одним ‘твердым’ согласным в поствокальной позиции и одним гуттуральным в качестве первого корневого (в ряде примеров в качестве еще одного корневого выступает ‘слабый’ согласный – w, y или гортанная смычка); слабая сохранность гуттуральных во многих семитских и афразийских языках и их сложные, а иногда и спорные чадские рефлексивы делает эти примеры менее убедительными, чем корни с тремя или двумя из трех ‘твердых’ согласных.

Чтобы ограничить и структурировать обширный материал по корневым вариантам, мы будем применять это понятие (в отличие от Майзеля, использующего его более «расширительно» и, тем самым, менее строго) только к лексемам с тремя или двумя твердыми из трех корневых согласных, различающихся только одним согласным в любой позиции; этот согласный в любой сравниваемой паре корневых вариантов должен совпадать фонетически (по одинаковому месту и/или способу образования) и семантически (иметь одинаковые или сопоставимые значения). Выявленная взаимосвязь между корневыми вариантами может быть горизонтальной (в одном и том же языке или на одном таксономическом уровне), когда мы не можем определить, какой из них представляет более глубокий уровень, или вертикальной, когда можно установить иерархические отношения между корневыми вариантами на разных таксономических уровнях от самого глубокого – в нашем случае реконструированной общеафразийской праформы – до лексем, реально засвидетельствованных в том или ином афразийском языке; установление вертикальных связей существенно увеличивает возможности анализа семантических переходов, включая выявление неочевидных случаев семантической и фонетической контаминаций (см. примеры).

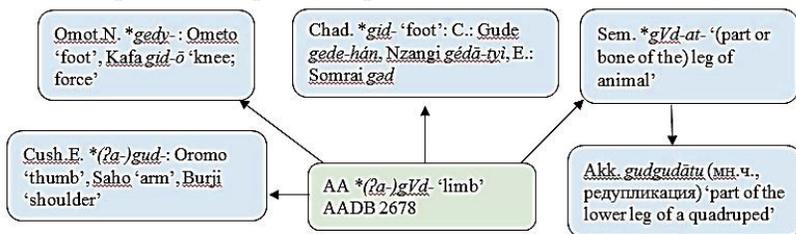
Наш анализ афразийской этимологической базы⁷ (AADB) выявил сотни подобных «цепочек», образующих вместе с горизонтальными связями целые «сетки» корневых вариантов, буквально пронизывающие практически все уровни афразийской реконструкции, а также встречающиеся только в пределах от-

⁷ Составленная в период с 1990-х примерно до середины 2010-х О.В. Столбовой и А.Ю. Милитаревым (в первые годы в рамках проекта Института Санта-Фе «Эволюция человеческих языков») и в дальнейшем разрабатываемая Милитаревым независимо, в последние годы в соавторстве с Е.А. Гавриловой. В настоящее время рабочая версия основной (общеафразийской) базы содержит свыше 4 000 записей (подверженных значительному сокращению в окончательном варианте) и около 15 000 записей в подбазах более низкого уровня, связанных с основной базой.

дельных африканских языков⁸. Ниже представлены примеры (значения приводятся без перевода в том виде, как они даны в соответствующих двуязычных словарных статьях):

(1)

Деривация корня (от праязыка к языкам-потомкам):

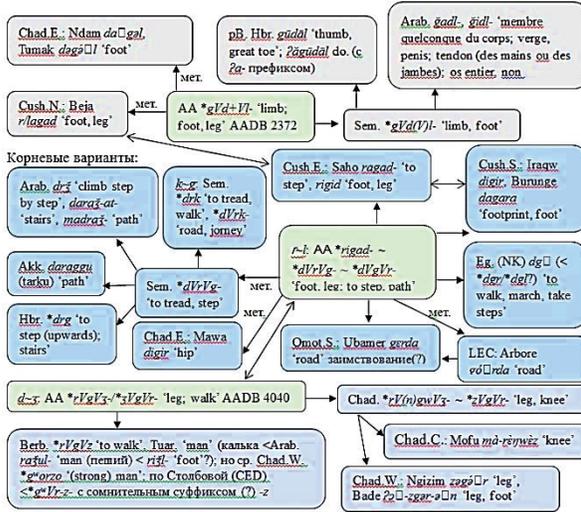

⁸ Масштаб корневой вариантности в каждом отдельном языке пока трудно оценить. В арабском с его огромным лексиконом, представленном в работах средневековых арабских филологов, она очень распространена (конечно, какая-то часть корневых вариантов может быть фиктивной). Еще труднее выявить влияние, которое это явление должно оказывать на формирование и развитие лексической системы каждого отдельного языка и реконструированного праязыкового уровня, но сложно представить себе, что при таких масштабах корневая вариантность на ней никак не сказалась.

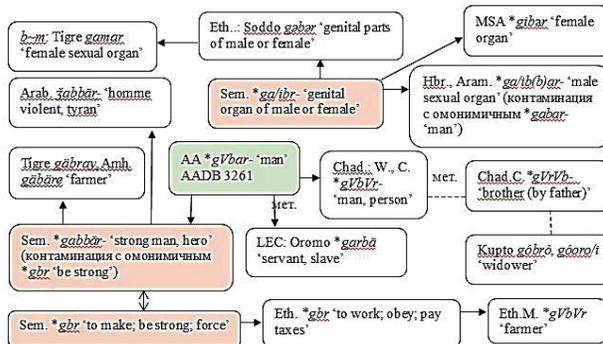
(2)

Корневая деривация с помощью непродуктивных аффиксов и «расширителей корня»:

1.

2.

Литература

- Коган Л.Е.* Семитские языки. Языки мира. Москва: Academia, 2009.
- Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков (Вступительная статья А.Ю. Милитарева). Москва: «Наука», 1983.
- Militarev, A., Kogan L.* Semitic Etymological Dictionary. Vol. I. Anatomy of Man and Animals. Münster: Ugarit-Verlag, 2000.

Список сокращений и аббревиатур:

мет. – метатеза

AA – афразийский, Akk. – аккадский, Amh. – амхарский, Arab. – арабский, Aram. – арамейский, Verb. – берберский, С. – центральный, Cush. – кушитский, Chad. – чадский, E. – восточный, Eg. (NK) – египетский (Н.Ц.), Eth. – эфиопский, Hbr. – еврейский, LEC – равнинные восточно-кушитские, M. – современный, MSA – современные южно-аравийские языки, N. – северный, Omot. – омотский, pB. – постбиблейский, Sem. – семитский, Tuar. – туарегский, W. – западный
do. – ditto

Т.И. Давидюк

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Институт языкознания РАН, Москва
rachekit@yandex.ru

А.И. Крюкова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Институт языкознания РАН, Москва
nastyakryukova0077@gmail.com

**Семантические переходы ‘зад, спина — после — причина’ и
‘говорить — комплементаризер — причина’ на материале та-
тышлинского удмуртского¹**

1. Введение

В статье на примере татышлинского говора удмуртского языка рассматриваются семантические переходы, финальным звеном которых являются маркеры причины: союз *bere* и послелог *berti*, грамматикализованные формы существительного *ber* ‘задняя часть чего-либо’ с показателем илллатива и пролатива соответственно, а также союз *šüsa*, исходно являющегося формой деепричастия на *-sa* глагола *šüññä* ‘говорить’.

Татышлинский говор включается в периферийно-южный диалект южного наречия удмуртского языка [Кельмаков 1993: 239]. Говор находится в длительном и близком контакте с татарским, башкирским и русским языками, носители зачастую дву- и три-

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда (проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации»).

язычны [Кашкин, Винклер 2024: 29-37]; многие отличия татышлинского удмуртского от литературного обусловлены именно влиянием тюркских языков. Данные получены методом анкетирования носителей в Татышлинском районе Респ. Башкортостан в 2024 г. Часть примеров взята из корпуса устных текстов татышлинского удмуртского (URL: udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus). В примерах используется фонологическая транскрипция, в основном соответствующая системе [Baidoullina 2003].

В разделе 2 мы рассматриваем причинные клаузы, вводимые комплементаризером *šusa*. В разделе 3 обсуждается единицы, образованные от основы *ber-*. Наконец, в разделе 4 подводятся итоги исследования.

2. Комплементаризер *šusa*

Основная функция комплементаризера *šusa* — вводить сентенциальные актанты (1), однако он также может вводить причинные клаузы (2).

- (1) *vas'a tod-e pet'a košk-i-z šu-sa*
 Вася знать-PRS.3SG Петя уйти-PST-3SG говорить-CVB
 'Вася знает, что Петя уехал'.
- (2) *klass-jos-ân kez'ât šu-sa, tunneškola-jân*
 класс-PL-LOC холодный говорить-CVB сегодня школа-LOC
ug dâšet-is'k-o
 NEG.PRS.3 учить-DETR-PRS.3PL
 'Из-за того что в классах холодно, в школе сегодня не учатся'.

Для литературного [ГСУЯ 1974: 80] и бесермянского [Serdobolskaya, Toldova 2011: 286–287, 289] удмуртского также отмечены употребления показателя, соответствующего *šusa*, в значении причины. Конструкции с комплементаризером, образованным от глагола 'говорить', существуют в ареально и типологически близком финно-угорском языке — луговом марийском [Толдова, Сердобольская 2014; Эрцикова 2020], а также в ареально близких тюркских языках — татарском и башкирском [Bartens 2000: 311]. Можно предположить, что эволюция значения *šusa* происходит под влиянием тюркских языков (где у подобных единиц имеется и причинное, и целевое значение), что

не является новым наблюдением для подобных конструкций, см. [Шутов 2002: 177].

На основании данных о стратегиях оформления зависимого предиката и его актантов С. Ю. Толдова и Н. В. Сердобольская [2014] предполагают два направления грамматикализации луго-марийской единицы *manən* (исходно деепричастие от глагола речи *manaš*), которые привели к синхронно наблюдаемому разнообразию ее значений: первый путь наблюдается в контексте глаголов речи, ментальных и эмотивных глаголов, второй — в контексте (речевой) каузации и потенциальной ситуации (в актантных предложениях) и в обстоятельственных предложениях цели и причины. Мы полагаем, что для удмуртского языка отождествление путей грамматикализации для единицы *šusa* в контекстах обстоятельственных предложений цели и причины не совсем правомерно.

Во-первых, в зависимых целевых клаузах глагол, как правило, имеет форму оптатива (3), что сближает данные конструкции с контекстами речевой каузации (4) (аналогичную связь отмечают С. Ю. Толдова и Н. В. Сердобольская для марийской единицы). Однако в причинных клаузах, согласно нашим данным, в основном используются индикативные формы (5). Отметим, что в [Толдова, Сердобольская 2014] в большинстве примеров с целевыми клаузами также используется оптатив, тогда как в единственном примере с причинной клаузой использован индикатив.

- (3) *mon gorod-e mən-i-Ø ton ekzamen-e med*
я город-ILL идти-PST-1SG ты экзамен-ILL OPT
das'a-s'k-o-d šü-sa
готовить-DETR-FUT-2SG говорить-CVB
'Я поехал в город, чтобы ты смог подготовиться к экзамену'.
- (4) *maša kos-i-z pet'a škola-je med lâkt-o-z*
Маша велеть-PST-3SG Петя школа-ILL OPT прийти-FUT-3SG
šü-sa
говорить-CVB
'Маша велела, чтобы Петя пришёл в школу'.
- (5) *mon ton-e jarat-is'ko-Ø šü-sa podarok*
я ты-ACC любить-PRS-1SG говорить-CVB подарок
bas't-i-Ø

взять-PST-1SG

‘Я купил тебе подарок, потому что я люблю тебя’.

Во-вторых, в целевых клаузах с *šüsa*, в отличие от причинных клауз, в татышлинском удмуртском возможна конструкция с аккумулятивным субъектом, ср. (6)-(7). Опора на структурное сходство целевых и причинных клауз не позволяет объяснить наблюдаемое различие.

(6) *vas'a košk-i-z [ton med kâl'-o-d] / [ton-e*

Вася уйти-PST-3SG ты OPT остаться-FUT-2SG ты-ACC

med kâl'-o-z] šü-sa

OPT остаться-FUT-3SG говорить-CVB

‘Вася уехал, чтобы ты остался’.

(7) *[ton košk-i-d]/ *[ton-e košk-i-z]šü-samon dor-ân*

ты уйти-PST-2SG ты-ACC уйти-PST-3SG говорить-CVBя дом-LOC

puk-is'ko-Ø

сидеть-PRS-1SG

‘Из-за того, что ты уехал, я сижу дома’.

Мы полагаем, что в татышлинском удмуртском причинное значение у комплементаризера *šüsa* могло развиваться под влиянием его употреблений при конструкциях с сентенциальными актантами при эмотивных глаголах (8), где ситуация, выраженная зависимой клаузой, осмысливается как причина действия в главной клаузе. В качестве объяснения возникновения целевого значения комплементаризера *šüsa* правдоподобным выглядит путь развития от конструкций речевой каузации (4), предложенный С. Ю. Толдовой и Н. В. Сердобольской для марийского комплементаризера.

(8) *maša voža-Ø pet'a äjbät dâšet-sk-e*

Маша завидовать-PRS.3SG Петя хорошо учить-DETR-PRS.3SG

šü-sa

говорить-CVB

‘Маша завидует тому, что Петя хорошо учится’.

Отметим, что употребление при эмотивных глаголах зачастую остается за пределами типологических работ. Так, в иерархии функций образованных от глагола речи показателей [Saxena 1995: 351], основанной на гипотезе о пути их грамматикализации, оно отсутствует вообще.

DIRECT QUOTE < SAY < KNOW < BELIEVE < WANT < PURPOSE, REASON < CONDITIONAL < COMPARATIVE MARKER

В [Герасимов 2022] на материале языков Евразии сформулировано обобщение, что в семантике грамматикализованных деепричастий глагола речи сохраняется “субъективность” действия. Это частично верно для показателя *šusa* — он не употребляется в контекстах без одушевленных участников, однако, по-видимому, его сочетаемость нельзя объяснить только этим параметром или параметром (не)контролируемости. Ср.:

- (9) *mašina-jez sôr-is'k-i-z šû-sa ruslan ber*
 машина-POSS.3SG ломать-DETR-PST-3SG говорить-CVB Руслан
 поздний
bert-i-z
 возвращаться-PST-3SG
 ‘Руслан опоздал, потому что у него сломалась машина’.
- (10) *ruslan kal'len mân-i-z šû-sa ber*
 Руслан медленно ходить-PST-3SG говорить-CVB поздний
vii-i-z
 приходить-PST-3SG
 ‘Руслан опоздал, потому что медленно шел’.

3. Причинные конструкции с единицами с основой *ber-*

Союз *bere* является примером типологически редкого трехчленного семантического перехода *задняя часть — после — причина*. Широко распространено развитие у показателей таксиса значения причины, см. [World Lexicon... 2019: 66, 425 о родственных и ареально близких языках см. [Шутов 2002: 162]; засвидетельствованы также переходы *спина — после* [World Lexicon... 2019: 64] и *позади — после* [World Lexicon... 2019: 71], однако нам неизвестно об аналогичных трехчленных переходах в других языках. Послелог *berti* ‘после’ не отмечен в литературе как имеющий причинное значение, но встретился нам при переводе некоторых русских стимулов с союзами *потому что, из-за*.

Помимо *bere* и *berti*, лексема *ber* в удмуртском языке является основой для образования целого ряда послелогов, например, *berân* ‘позади’, *beris'* ‘[двигаться] из-за (какого-то места)’, *beroz'* ‘до (какого времени)’.

Аналогов единицы *bere* в ареально близких языках мы не обнаружили. У луговомарийского и горномарийского послелогов *шойык* и *шайык* (формы иллатива от основы, связанной со

словом *шойыл / шайыл* ‘зад’) имеются только пространственные значения.

Подобно комплементаризму *šusa*, синтаксические свойства *bere* зависят от его значения. Временные и причинные клаузы с единицей *bere* различаются по финитности присоединяемой клаузы: клаузы с временным значением являются нефинитными (11), тогда как *bere* в причинном значении сочетается преимущественно с финитными клаузами, ср. (11)–(12) (встречаются отдельные примеры с нефинитными клаузами (13)). Для уральских языков финитные подчинительные предложения в целом редки и сравнительно новы, их появление связывают с влиянием языков других семей [É Kiss 2023]. Поэтому можно предположить, что более ранним является употребление *bere* в нефинитных конструкциях со значением временного следования, а причинное значение в финитных клаузах у единицы *bere* возникло на базе её временного значения [Серебренников 1963: 376–377; Шутов 2002: 162]. Кроме того, единица *bere* имеет именное происхождение, поэтому наличие у неё финитного зависимого представляется более поздним развитием.

(11) *mon lăkt-em / #lăkt-i-Ø ber-e zorâ-nâ*
я прийти-NMLZ прийти-PST-1SG зад-ILL дождить-INF
kutsk-i-z

начаться-PST-3SG

‘Дождь пошёл после того, как я пришла

/ #из-за того, что я пришла’.

(12) *gurt peres'-m-e ber-e, skal*
деревня стареть-INCH-PRS.3SG зад-ILL корова
vord-is'-jos ôžât

разводить-PTCP.ACT-PL мало

‘Из-за того, что деревня стареет, мало тех, кто держит коров’.

[Корпус: ShKI_GRG_03072019_VI_MW_dialog]

(13) *gurt-ân kâl'l'-em ber-e kâtč'ăkar-is'ko-d na*
деревня-LOC лежать-NMLZ зад-ILL куда делать-PRS-2SG ещё

‘Раз в деревне живешь, куда денешься’.

[Корпус: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni]

Среди уральских языков подобное развитие единицы со значением ‘после’ в союз, вводящий придаточное причины, засвидетельствовано только в венгерском [Шутов 2002: 162] (*mi*

- (15) *pet'a egzamen-ze äjbät zdavat' kar-i-z*
 Петя экзамен-ACC.POSS.3SG хорошо сдавать делать-PST-3SG
ber-e, anaj-ez so-je makta-Ø-z
 зад-ILL мать-POSS.3SG тот-ACC хвалить-PST-3SG
 'Мама похвалила Петю, потому что он хорошо сдал экзамен'.
- (16) *s'äs'ka-jos šuja-Ø-zâ ta-ja-z tolez'-ân*
 цветок-PL завясть-PST-3PL тот-LOC/ILL-POSS.3SG месяц-LOC
ôžât zor-i-z ber-e
 мало дождить-PST-3SG зад-ILL
 'Цветы завяли, потому что в этом месяце было мало дождей'.
- (17) *so dor-â âš-ez lâkt-i-z ber-e*
 тот край-ILL товарищ-POSS.3SG приходит-PST-3SG зад-ILL
vas'a šumpot-e
 Вася радоваться-PRS.3SG
 'Вася радуется, потому что к нему пришел друг'.
- По-видимому, *ber-e* присоединяет информацию, находящуюся в пресуппозиции, а не в ассерции (ср. (18)–(19)), что можно считать аргументом в пользу развития причинного значения на основе темпорального.
- (18) **pojezd-e ud vütt-is'kâber-e, zämän*
 поезд-ILL NEG.PRS/FUT.2 доставить-PRS зад-ILL быстро
das'a-s'kâ-Ø
 готовить-DETR-IMP
 ожд. 'Собирайся быстрее, а то не успеешь на поезд.'
- (19) *pojezd-e ud vütt-is'k-is'kâ ber-e, zämän*
 поезд-ILL NEG.PRS/FUT.2 доставить-DETR-PRS зад-ILL
 быстро
das'a-s'kâ-Ø
 готовить-DETR-IMP
 'Если ты всегда опаздываешь на поезд, собирайся быстрее.'
- Послелог *berti*, хотя и был использован несколькими носителями при переводе контекстов с отношениями причины, выражает только отношения следования, а причина оказывается имплицитированной, ср. (20)–(22).
- (20) *pijosmurt kul-i-z âb-em ber-ti*
 человек умереть-PST-3SG стрелять-NMLZ зад-PROL
 'Мужчина умер от выстрела'.
- (21) *van'a-len pivo ber-ti ž'âr-âz vis'-e*
 Ваня-GEN пиво зад-PROL голова-POSS.3SGболеть-PRS.3SG
 'У Вани от (=после) пива болит голова'.

- (22) *so grippber-ti kul-i-z kōj*
 тот грипп зад-PROL умереть-PST-3SG жирный
li-em-is't-âz
 статья-NMLZ-EL-POSS.3SG
 ‘Он умер после гриппа от ожирения’.

4. Заключение

Маркер *šüsa*, хотя и иллюстрирует распространенный семантический переход *говорить — комплементайзер — причина*, только частично соответствует типологическим ожиданиям с точки зрения семантики. Кроме того, причинные клаузы с *šüsa* демонстрируют некоторые отличия от целевых клауз с этим показателем, что может говорить в пользу различных путей развития данных значений у *šüsa*.

Что касается единиц *bere* и *berti*, семантический переход *зад, позади — после — причина* реализован только у первой, во втором случае семантика причины лишь имплицирована контекстом.

Условные сокращения

1, 2, 3 лицо — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; DETR — детранзитив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; OPT — опта-тив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROL — про-латив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; SG — единственное число.

Литература

- Герасимов Д. В. О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии) // Вопросы языкознания. 2022. № 2, 7–29.
- Грамматика современного удмуртского языка: синтаксис сложного предложения / В. И. Алатырев (отв. ред.). Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1974.
- Давидюк Т. И. Причинные конструкции в финно-угорских языках : маг. дисс. Москва, 2021.

- Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А.* Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ // Родной язык. 2024. № 1, 16–43.
- Кельмаков В. К.* Удмуртский язык // Языки мира. Уральские языки / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1993, 239–255.
- Серебрянников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В.* Глагол речи *manaš* в марийском языке: особенности грамматикализации // Вопросы языкознания. 2014. № 6, 66–91.
- Шутов А. Ф.* Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке : дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2002.
- Эрцикова Г. А.* Причинные союзы в марийском языке // «Чавайн в XXI веке». Том 1: сб. ст. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2020, 183–188.
- Baidoullina A.* Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология : маг. дисс. Тарту, 2003.
- Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: SUS, 2000.
- É Kiss K.* The (non-)finiteness of subordination correlates with basic word order: Evidence from Uralic // Acta Linguistica Academica. Vol. 70(2), 171–194.
- Saxena A.* Unidirectional grammaticalization: Diachronic and cross-linguistic evidence // Sprachtypologie und Universalienforschung. 1995. № 48(4), 350–372.
- Serdobolskaya N. V., Toldova S. Yu.* Grammaticalization of the verb of speech in Finno-Ugric languages // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum / eds. Csúcs S. et al. Budapest : Reguly Társaság, 2011, 285–293
- World Lexicon of Grammaticalization. 2nd ed. / Kuteva T. [et al.]. Cambridge: Cambridge University press, 2019.

О.В. Донина

Воронежский Государственный Университет, Воронеж
olga-donina@mail.ru

Е.В. Куренкова

Воронежский государственный Университет, Воронеж
kurenkova.elena94@mail.ru

**Исследование семантических переходов
при помощи параллельного подкорпуса
национального корпуса русского языка**

Типологическое изучение языков — это раздел лингвистики, который исследует языковые системы с целью выявления их общих характеристик и закономерностей. Это направление фокусируется на сравнении различных языков, не обязательно принадлежащих к одной языковой семье, чтобы понять, как они могут быть классифицированы и какие у них есть сходства и различия. Семантическая типология — это область лингвистических исследований, посвященная сравнительному анализу значений слов и выражений в различных языках. Она фокусируется на выявлении общих закономерностей и категорий в семантических системах разных языков, исследуя, как различные культуры и языковые сообщества выражают и категоризируют знания о мире. Семантическая типология важна для понимания того, как язык формирует наше восприятие мира. Она позволяет лингвистам не только выявлять общие логические и структурные принципы, лежащие в основе семантики разных языков, но и понимать культурные и когнитивные аспекты, которые влия-

ют на использование языка, а также содействовать в изучении перевода и интерпретации языковых единиц [Грунтов 2007]. Одним из ключевых понятий семантической типологии является *семантический переход*, который впервые был предложен и описан Анной Андреевной Зализняк в работе [Зализняк 2001]. Под семантическим переходом понимается наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями [Зализняк 2001]. Семантические переходы обнаруживают себя в различных типах, в зависимости от того, какие языковые единицы являются носителями сопоставляемых значений [Зализняк 2006]. Если сходное совмещение значений наблюдается в нескольких словах (одного или разных языков), возникает *семантическая параллель* [Зализняк 2001]. Семантические параллели — это сходства или аналогии в значениях слов и выражений в разных языках или в разных употреблениях одного языка. Они позволяют выявить общие черты в восприятии и отражении действительности через язык. Семантические параллели могут возникать как на уровне лексики, так и на уровне более крупных единиц, таких как фразеологизмы и устойчивые выражения.

В нашем исследовании мы применили метод контрастивно-корпусного анализа, суть которого состоит в том, что перевод на другой язык рассматривается как свидетельство значения анализируемой единицы. Было решено рассмотреть параллельные подкорпусы как инструмент сопоставления метафорических образов. В результате проделанной работы были обнаружены различные семантические параллели. Исследование проводилось на примере сочетаемости группы глаголов схватывания в английском языке с 517 абстрактными именами и их русскоязычных аналогов в англо-русском параллельном подкорпусе национального корпуса русского языка.

Анализ примеров показал, что только в 17% примеров авторский метафорический образ «схватывания», присутствующий в английских примерах, актуализируется и в текстах на русском языке, т.е. в русскоязычных текстах используются дериваты глагола *схватить* (примеры 1, 2):

1) *But the child could not **grasp** all these **sounds** together, in their oneness. He could not unite them, could not arrange them in proper perspective.* – Но мальчик не мог **схватить** этих звуков в их целом, не мог соединить их, расположить в перспективу.

2) *"Roman Ivanovich," I said, **grasping at a new idea**.* – Роман Иванович, – **ухватился я за новую идею**.

В 83% образ «схватывания» не сохранялся в русском языке, т.е. либо этот образ заменялся другой метафорой (примеры 3, 4), либо, что происходило намного чаще (в 65% примеров) в русском языке метафорические образы отсутствовали и заменялись единичным глаголом (примеры 5, 6) и в этих случаях мы смогли наиболее явно наблюдать семантические переходы и семантические параллели:

3) *I transcribe them here only because they **cast** a fascinating **light** on his attitude toward the subject.* - Я переписываю их здесь только потому, что они **проливают** интереснейший **свет** на его отношение к этому предмету.

4) *'Lose an hour and you can't catch it up in a year,' he added, remembering the grove and the dealers who might **snatch** that **deal** from him.* - Час упустишь, годом не наверстаешь, — добавил он, вспоминая о роце и о купцах, которые могли **перебить** у него эту **покупку**.

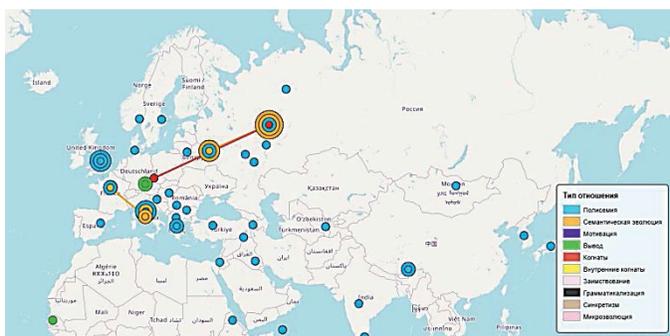
5) *Miss Temple's whole attention was absorbed by the patients: she lived in the sick-room, never quitting it except to **snatch** a few hours' **rest** at night.* – Все внимание мисс Темпл было поглощено больными: она все время находилась в лазарете и уходила только ночью на несколько часов, чтобы **отдохнуть**.

6) *"I am Russian, Russian! An airman. The Germans shot me down." Alexei **cast** all **caution** to the winds now.* — Я русский, русский, я летчик, меня немцы сбили. Теперь Алексей **не осторожничал**.

Также в группе примеров, где метафорические образы заменялись одним глаголом, хотелось бы отдельно отметить группу примеров семантического перехода *grasp* русск. *схватить, хватать* – русск. *понимать, осмысливать, осознавать, обрабатывать*. Всего было найдено и проанализировано 115 примеров, 14 из которых сохраняли образ схватывания в русском языке, а 59 примеров (68%) имели значение понимания, например: *Grasp + position: понять, понимать, понять положение; Grasp + notion:*

понимать; *Grasp + cause*: понять причину; *Grasp + principle*: понять принцип; *Grasp + proposal*: понять предложение; *Grasp + question*: понять вопрос; *Grasp + condition*: понять, что положение... ; *Grasp + mistake*: понять ошибки; *Grasp + operation*: понять замысел; *Grasp + purpose*: понять цель, понять назначение; *Grasp + truth*: понять истину, постичь истину; *Grasp + fact*: понять, что...; постичь; осознать факт; осознать; *Grasp + secret*: понять тайну, узнать тайну; *Grasp + idea*: понять идею, понять суть, понять, соображать; *Grasp + situation*: понять, понимать, понять все, понять обстановку; понять, в чем дело; всё сообразить, сообразить положение вещей, смекнуть; *Grasp + difference*: понять разницу, осмыслить разницу; *Grasp + point*: понять смысл, понять, осмыслить факт; *Grasp + reform*: осмыслить реформы; *Grasp + role*: осмыслить роль; *Grasp + impact*: осмыслить значение.

Распространение подобного перехода подтверждается материалами базы данных каталога семантических переходов (<https://datsemshift.ru/shift0242>), где было найдено 55 реализаций перехода *to grasp – to understand* в разных языках мира (см. рис.):

Семантический переход ‘grasp – understand’

Таким образом, мы видим, что наличие семантических переходов и параллелей говорит о том, что данное совмещение значений отражает некоторую модель языковой концептуализации. Все они представляют собой важный аспект лингвистического исследования, позволяя более глубоко понять, как разные

языки и культуры описывают и воспринимают мир. Они могут служить основой для многих лингвистических дисциплин и могут применяться на практике в области перевода, лексикографии и когнитивной лингвистики. Поскольку наиболее явно семантические изменения проявляются при сопоставлении различных языков, одним из инструментов выявления семантических переходов может послужить корпус параллельных текстов, поскольку та или иная языковая структура, интересующая исследователя, может быть найдена во всех представленных в корпусе контекстах с их переводами на соответствующий язык. Таким образом, исследователь получает в свое распоряжение набор аутентичных контекстов, представляющих интересующую его структуру в ее естественном окружении, а также самые разнообразные эквиваленты этой структуры в языке цели. [Добровольский 2015]. Мы убедились в том, что обращение к параллельным корпусам помогает выявить как нетривиальные семантические и дискурсивные особенности слов, не имеющих в других языках стандартных эквивалентов, так и специфику их кросс-лингвистических функциональных соответствий.

Литература

- Грунтов И.А.* Каталог семантических переходов – базы данных по типологии семантических изменений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2007. М.:2007, 157-161.
- Добровольский Д.О.* Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология // Труды института русского языка ИМ. В.В. Виноградова, №6, 2015, 413-449.
- Зализняк А.А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, №2, 2001, 13-25.
- Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления // М.: «Языки славянских культур», 2006.

Н.А. Илюхина

Самарский
национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, Самара
ilnadezhda@rambler.ru

**Сценарная метонимия
как лингвокогнитивный механизм
семантического перехода**

Семантические переходы являют собой результат варьирования – чрезвычайно важного механизма, который обеспечивает функционирование и развитие языковой системы.

Применительно к лексическим единицам традиционно, наряду с другими, используется термин *семантическое варьирование*, представленное двумя разновидностями: семемным (порождающим полисемию) и семным (речевым), приводящим к актуализации тех или иных компонентов в рамках прямого значения [Стернин 2015]. При этом границы между семным и семемным варьированием слова обычно очевидны, поскольку последнее выражается в замене архисемы (категориально-лексической семы).

Семемное варьирование (полисемия) наиболее ярко и массово представлено метафорой и метонимией, имеющими, как известно, принципиально разные механизмы.

Семантические переходы метонимического типа обусловлены ментальными единицами и когнитивными процессами: восприятием фрагментов действительности как смежных в рамках некоего целого (того или иного типа концепта), актуализацией определенного аспекта обозначаемой реалии путем сдвига фокуса внимания [Падучева 2004; и др.], предопределенностью вектора переноса типом концепта, организующего знание о соответствующем фрагменте действительности: фреймом, пропозицией, сценарием [Илюхина 2023].

В данном случае речь пойдет об особом типе метонимической трансформации лексического значения, которая predetermined одним из принципов организации знания о мире – концептом сценарного типа.

Если фреймовый и пропозициональный типы метонимии в различных терминологических обозначениях (*вместилище – вместимое; действие – результат действия* и др.) имеют длительную историю изучения и многочисленные опыты описания, то сценарная метонимия нуждается в исследовании и разработке принципов семантизации.

Логика такого переноса лексемы и ее семантического изменения обусловлена структурой сценария как типа концепта, организующего знания о ситуации в аспекте ее развертывания. Этот тип семантических изменений характерен прежде всего для глагольной лексики: глаголов движения, изменения положения, восприятия и т.д. Так, в составе высказывания *Завтра я пойдю в поликлинику (в банк – в театр – на пляж* и мн. др.) глагол, буквально именующий лишь акт перемещения, метонимически обозначает многоактное событие (частью которого является), представляющее собой сценарий, в частности: запись к врачу, приход в лечебное заведение, беседа с врачом, обследование, медицинские назначения и т.д. Другие акты составляют сценарии посещения иных учреждений: банка, театра, пляжа, парикмахерской, магазина, ресторана и т. д.

На характер и набор сценарных действий, известных коммуникантам из жизненного опыта и конкретной ситуации общения, в составе высказывания указывает прежде всего существительное в локальной позиции: лексемы *банк, театр, пляж, парикмахерская, магазин, ателье, ресторан* и т.п., а также *врач, парикмахер, директор, гадалка* (в конструкциях *ходил к врачу* и под.), *грибы, хлеб* (в конструкциях *пойдем за грибами* и под.), *море, горы, Памир* и т.д. (в конструкциях *ездили на море* и под.) и многие другие. Подробнее о составе таких конструкций см. [Илюхина 2024].

Приведем текстовые примеры сценарной метонимии глаголов движения из ресурсов Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]:

*Есть одна аспирантка Она будет принимать у нас датский Ой нет, оговорился — зарубежку. И по совпадению она интересуется датским языком и **ходит** с нами на датский (переписка в icq между agd-ardin и Колочий друг (16.01.2008)); В Центризбиркоме схватились за голову: модель грозила сорвать 70-80 % всех региональных выборов (народ у нас не любит **ходить** к урнам для голосования) (Александр Садчиков. Партийный дестабилизатор. Александр Беспалов привел «Единую Россию» к краху // «Известия», 2003.02.24);*

*Недавний пример: сын учительницы закончил Костромской педагогический университет; вернулся в Шарью, но учителем работать не захотел — мало денег; **пошел** на «Кронастар» охранником ... (Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005); *Может быть, это связано с тем, что в Новом Уренгое нет палитры развлечений, существует очевидный дефицит мест, куда можно **пойти*** (Надежда Шагрова: «Я -- мал» ищет единомышленников // «Экран и сцена», 2004.05.06);*

*По сообщению областной прокуратуры, депутат Горлов незамысловато **съездил** к морю вместе с дочуркой (Преступная власть Коврова // «Криминальная хроника», 2003.07.24);*

*Командир Бауэрсокс до МКС четырежды **летал** на орбиту, трижды **выходил** в открытый космос, дважды участвовал в уникальных операциях по ремонту телескопа «Хаббл» (Сергей Лесков. Наш космонавт здоров, но в космос не выйдет // «Известия», 2003.01.08).*

Рассматриваемый тип семантического перехода представляет интерес в аспекте не только когнитивного механизма порождения (о котором речь шла выше), но в не меньшей степени – с точки зрения дальнейшего семантического перехода – от метонимии к возникающей на ее основе метафоре.

Обратимся к тому, как представлен семантический переход от прямого значения глаголов движения к метонимически производному. Сравним два соотносительных по значению высказывания:

*После школы Саша **пошел** подавать документы на заводские курсы, а Михаил – в приемную комиссию университета;
После школы Саша **пошел** на завод, а Михаил – в университет, на филологический факультет.*

В первом предложении глагол *пойти* используется в исходном значении – называет лишь акт перемещения, а во втором он обозначает начало деятельности в определенной сфере, (техническим актом всего события сценарного характера) которым выступает перемещение. Акт перемещения использован для представления определенного этапа деятельности лица, то есть деятельность получает метонимическое обозначение через свою часть – начальный акт.

Незаметный характер семантического перехода в приведенных и подобных высказываниях объясняется тем, что содержание этих высказываний является соотносительным и выражается оно общей лексико-синтаксической конструкцией.

Столь же мало заметным является и следующий семантический переход глагола движения при выражении значения, соотносительного со значением высказываний, приведенных выше:

Выпускник школы пошел в мастера, в учителя, в филологи, в ученые – и следом: в филологию – в науку.

Если первая часть приведенного высказывания (*пошел в филологи, в ученые*) допускает, на наш взгляд, двойственное восприятие и интерпретацию (как метафоры или метонимии), то финальная часть – *пошел в науку* – представляет собой метафору, порожденную тем же глаголом в сочетании с абстрактным существительным в локальной позиции.

Обратим внимание на то, что семантический переход от метонимического к метафорическому употреблению глагола для участников коммуникации не связан с принципиально иным механизмом. Метафора возникает в ходе лексического варьирования в позиции локального указателя при глаголе: заменой слов *университет, факультет*, связанных с обозначением пространственных реалий, – на слова с абстрактным значением: *филология, наука*.

Приведем аналогичный пример, демонстрирующий логику перехода от прямого значения глагола *уйти* к производному: сначала метонимически производному, затем метафорически производному – при сохранении общего содержания высказывания в его соотносительных вариантах:

После 20 лет работы Смолин ушел из оперного театра в драматический – из певцов в актеры – из оперы в драму – из оперного искусства в драматическое искусство – от музыкального репертуара к драматическому.

Обратим внимание на то, что рассматриваемые семантические переходы (особенно от метонимического к метафорическому) имеют нечеткие границы – некоторые конструкции кажутся семантически диффузными (метонимических и метафорических): *ушел из певцов в актеры, из оперы в драму.*

Таким образом, в соотносительных высказываниях представлены три лексико-семантических варианта глагола движения: прямое (исходное), метонимически производное и метафорическое, при этом отмечен двойной семантический переход глагольной лексемы. Логика перехода на этапе порождения метонимически производного значения диктуется сценарным типом концепта, а на этапе порождения метафорического значения обеспечивается лексическим варьированием – варьированием лексем в локальной позиции. Лексическое варьирование при этом не выходит за рамки обозначений элементов одного концепта. Думается, что именно этим объясняется стихийность, незаметность для говорящего семантических переходов рассматриваемых типов.

Показательно для семантических переходов, в основе которых лежит сценарная логика, отсутствие установки говорящего на порождение метафорического эффекта.

Как показывают наблюдения, метонимическое значение сценарного типа, чрезвычайно широко распространенное в речи, и прежде всего в обыденном общении, представляет трудности для семантизации в процессе лексикографического описания. Его отражение в толковых словарях наблюдается непоследовательно, что характерно, как известно, и для лексикографического описания метонимических значений в целом. В отдельных, редких, случаях наблюдается фиксация метонимического значения в статусе отдельного ЛСВ, в других случаях это значение не отделяется от основного и отражается в иллюстрациях в ряду иных семантических употреблений слова в рамках основного значения, в третьих случаях данное метонимическое значение

не получает отражения даже в иллюстрациях, хотя, по нашим наблюдениям, в речи имеет место.

Покажем это на примере словарных толкований некоторых глаголов движения: *ходить*, *зайти*, *поехать*, *плыть*, *плавать*, *лететь*, *летать*, – в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова.

Так, в лексикографическом толковании многозначного глагола *ходить* среди 17 ЛСВ (включая производные метафорические значения) на фоне близких ЛСВ – таких как «1. Обладать способностью, быть в состоянии двигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке, животном)» (*Ребёнок начал ходить в десять месяцев*) и «2. Передвигаться, ступая ногами, делая шаги в разных направлениях или в разное время (о человеке, животном) (*Больному разрешили ходить*)» сценарный характер обнаруживают 2 ЛСВ:

- 3-й ЛСВ, который описывается следующим образом: «3. Направляться куда-л. с какой-л. целью; бывать где-л., посещать кого-либо, что-л.» и иллюстрируется выражениями *Ходить по магазинам. Ходить на охоту. Ходить в гости. Ходить в атаку* и т.д.;

- 9-й ЛСВ, который описывается следующим образом: «9. (св. сходить). Отправлять естественную потребность; испражняться, мочиться» и иллюстрируется выражением *Ходить в туалет*.

Приведенные ЛСВ отражают сложные события, состоящие из нескольких актов и представляющие собой оригинальные сценарии. Однако каждое сложное событие называется именем одного из актов – акта перемещения, начинающего (и часто завершающего) соответствующий сценарий. Иначе говоря, многоактное событие как целостный сценарий обозначается по одному акту, составляющему его часть, то есть номинация строится на основе партитивных отношений, типичных для метонимии.

Прокомментируем состав актов некоторых указанных в иллюстрациях типичных событий, обнажающий сценарный характер метонимического обозначения этих событий.

Ходить по магазинам: приход в магазины, осмотр, выбор, возможно примерка товаров, оплата, получение товаров, уход из магазинов;

Ходить на охоту: подготовка снаряжения, возможно – собаки, чистка ружья, выбор места охоты, приезд, ориентировка на местности, ожидание или поиск животного либо птицы, выстрелы, погрузка животного либо приготовление пищи на месте охоты, оставление места охоты, возвращение домой.

При описании семантической структуры глагола *зайти* в словаре явно метонимическое значение представлено в словаре в качестве основного на фоне второго ЛСВ:

1. Идя по пути, побывать где-л., посетить кого-, что-л., наведаться к кому-л., куда-л. (обычно с какой-л. целью). *Зайти в парикмахерскую. Зайти к массажистке, к врачу. Зайти на чайку чая.*

2. Войти, проникнуть куда-л. *Зайти через дверь, через калитку. Зайти в дом, в комнату, в подъезд.*

На наш взгляд, соотношение этих ЛСВ должно быть иным: ЛСВ, указанный первым, на самом деле является производным от более конкретного исходного значения «войти, проникнуть куда-либо», в данном случае квалифицированного как производный.

Приведем в качестве примера недифференцированности прямого и метонимически производного значения словарное толкование глагола *поехать*:

1. Начать двигаться, перемещаться в определённом направлении по суше или по воде с помощью каких-л. средств передвижения или отправиться куда-л. с помощью этих средств передвижения.

П. поездом. П. в город. П. своим путём. П. на курорт, в дом отдыха. П. в круиз с друзьями. Поедем ко мне обедать! Верхом поедете?

В этом случае при семантизации слова указываются как буквальное (перемещение), так и метонимически производное (многоактное событие) значения. Среди иллюстраций так же присутствуют примеры воплощения обоих значений, ср.:

- *П. поездом. П. своим путём. Верхом поедете?*

– о перемещении с акцентом на способе и направлении;

- *П. на курорт, в дом отдыха. П. в круиз с друзьями.*

– о перемещении как начальном акте многоактного события – организованного отдыха.

Что касается выражения *Поехать в город*, то в разных контекстуальных условиях оно может выразить оба значения, ср.: *Пока не решили, стоит ли нам в город поехать, или поплыть* [на теплоходе], *или полететь* [самолетом] – *Здесь у нас таких врачей нет, поэтому придется поехать в город.*

Наконец, при лексикографическом описании некоторых глаголов движения метонимически производное значение или употребление не представлено даже в иллюстрациях. Примером могут служить описания лексем *плыть, плавать, лететь, летать*.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка. (1998) Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Илюхина Н.А.* Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении: монография / Н. А. Илюхина. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023.
- Илюхина Н.А.* Сценарная метонимия глаголов движения в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Вып. 3. 973–979.
- Национальный корпус русского языка – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2024).
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Москва – Берлин: Директ-Медиа, 2015.

Е.Р. Иоанесян

Институт языкознания РАН, Москва
ioanevg@mail.ru

Семантические переходы, базирующиеся на инцидентных следствиях прототипической ситуации эмоции

В основе номинации эмоций во многих случаях лежат семантические переходы трех типов: 1. Семантические переходы, базирующиеся на компонентах прототипической ситуации эмоции. В основе семантического развития слов может лежать не только исходное значение слова, но и соответствующая прототипическая ситуация. 2. Семантические переходы, базирующиеся на импликациях из прототипической ситуации эмоции – следствиях из прототипической ситуации соответствующих эмоций. 3. В основе номинации эмоций во многих случаях лежат семантические переходы, базирующиеся на инцидентных следствиях прототипической ситуации эмоции, стандартные ассоциации, которые в картине мира конкретного языка, связывают данную ситуацию с некоторой другой. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не об актуализации этих компонентов в тексте, а об их роли в семантическом развитии слова.

На материале нескольких языков рассматриваются семантические переходы вида ‘X’ – ‘эмоция Y’, в которых X является инцидентным следствием прототипической ситуации эмоции Y (радости и удовольствия) и планом выражения которых является множество реализаций данного перехода в номинациях эмоций. Мы называем инцидентными следствиями стандартные ассоциации, которые в картине мира конкретного языка, в сознании конкретного языкового сообщества, связывают данную ситуацию с некоторой другой.

«Один из источников инцидентных следствий – аксиомы человеческого поведения, которые могут объяснять мотивы поведения человека, причины его состояния и др. Такого рода аксиомы лингвоспецифичны, поскольку они мотивированы контекстом культуры» [Падучева 2004: 131]. Так, компонент ‘испытывать угрызения совести’ не входит в толкование русского слова *вина*, он возникает в контексте выражения *чувствовать вину*. Указанный компонент является инцидентным следствием аксиомы «Человек должен испытывать угрызения совести по поводу своих дурных поступков». Это, как представляется, определило семантические переходы вида ‘раскаяние’ → ‘наказание’ / ‘самонаказание’. Французское существительное *pénitence* ‘раскаяние; покаяние’ происходит от лат. *pænitentia* ‘раскаяние’: «1050; lat. pænitentia, de pænitere «se repentir» [PR: 1265]. От значения ‘раскаяние’ произошел переход к значению ‘епитимья’: «Une pénitence: peine que le confesseur impose au pénitent», а затем – к значению наказания в обычном, не религиозном смысле: «châtiment, punition. Pénitence infligée à un coupable. Pour ta pénitence, tu copieras cent lignes» [там же].

Итак, объектом нашего рассмотрения являются семантические переходы вида ‘X’ – ‘эмоция Y’, в которых X является инцидентным следствием прототипической ситуации Y и планом выражения которых «является множество реализаций данного перехода, т.е. список слов (или пар родственных слов), в которых он представлен – синхронно или диахронически» [Зализняк 2006: 406].

В качестве примера рассмотрим указанный тип семантических переходов на примере эмоций радости и удовольствия. Отметим, что в психологии радость и удовольствие четко разграничены. Радость причисляется к классу базовых эмоций, в то время как удовольствие определяется как чувство, «несомое нам сенсорными ощущениями, такими как тактильные и вкусовые» [Изард 1999].

1. ‘Удовольствие’ / ‘радость’ – ‘желание’.

Одним из инцидентных следствий прототипической ситуации удовольствия является желание испытать это удовольствие

еще раз: Удовольствие как положительная чувственная реакция предполагает возможность *ж е л а н и я* переживать его вновь и вновь. С другой стороны, желание осуществления какой-то ситуации Р может быть обусловлено оценкой субъектом этой ситуации как способной доставить ему удовольствие или радость. См., например, толкование глагола *любить* 2 в [Апресян 2006: 180], в котором связь между желанием и удовольствием выражена эксплицитно: «Х любит Р = ‘Х имеет свойство хотеть Р, потому что всякий раз, когда Х делает Р, использует Р или находится в контакте с Р, он испытывает большое удовольствие’».

Связь между желанием, с одной стороны, и удовольствием и радостью, с другой, обусловила, как представляется, семантические переходы вида ‘желание’ – ‘удовольствие’ / ‘радость’. Например: (1) Немецкое существительное *Lust* демонстрирует полисемию ‘желание’ (в том числе сексуальное) – ‘удовольствие’ (в том числе сексуальное):

1. inneres Bedürfnis, Wunsch: ich habe große Lust, ihn anzurufen; b) heftiges (sexuelles) Verlangen, (sexuelle) Begierde.

2. Vergnügen, Befriedigung. a) nur im Singular. Freude, Wohlgefallen: *es war ihm eine (wahre) Lust, ihr zuzusehen. Ich hatte meine Lust daran, an diesem Spiel*; b) (sexueller) Genuss, Erfüllung der (sexuellen) Begierde» [DWDS].

Приведем примеры из художественной литературы:

(a) *Seine Lippen formten die Worte mit einer gewissen Lust* (Thomas Mann. *Der Zauberberg* (1924)). Ему даже как будто доставляло удовольствие выговаривать слова [НКРЯ].

(б) “*Ich wollte fragen, ob Sie nicht Lust hätten, ein wenig mit mir zu musizieren*”, *sagte er freundlich* (Hermann Hesse. *Peter Camenzind* (1904)). – Я только хотел спросить, нет ли у вас оХОТЫ немного помузыцировать со мной, – промолвил он дружелюбно [там же].

Аналогичная полисемия характерна для английского *lust*: ‘сильное желание’ (в том числе сексуальное, похоть, вожделение) – ‘удовольствие; наслаждение’ (это значение в словарях указывается с пометой «устар.»):

1. Intense sexual desire. 2.a. An overwhelming desire or craving: *a lust for power*. b. In-tense eagerness or enthusiasm: *a lust for life*. 3. Obsolete. Pleasure; relish» [AHD].

(2) Первое значение слова *rad* в словенском языке – ‘любить’, что соответствует русскому *любить* 2: «1. avec plaisir; ràd jem/spim j'aime manger/dormir» [PONS]. Как и русский глагол *любить* 2, *rad* 1 указывает «на свойство субъекта, состоящее в том, что «субъект обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации (*любить прогулки по лесу; любить, чтобы все вещи лежали на своем месте*)» [Шмелев 2012: 457]. Таким образом, русск. *любить* 2 и слов. *rad* 1 включают смысл ‘удовольствие’. Второе значение слова *rad* – ‘желать, хотеть’: «želja» [PONS]; «navadno v zvezi z bi izraža voljo, željo, kot jo določa sobesedilo» [SSK]; «Klingonski poveljnik, nekdo bi rad govoril z vami. Commandant, quelqu'un souhaite vous parler» [[https:// fr.glosbe.com](https://fr.glosbe.com)]. См. также в [ФЭ] в словарной статье русск. *рад*: «ра́ да, ра́ до, укр. ра́ дий, рад, блр. рад, др.-русск., ст.-слав. радъ *περιχαρής* (Остром., Супр.), болг. рад, сербохорв. ра̀д, ра̀да, ра̀до “охотный”, словен. ràd, ráda “рад, охотный”, чеш. rád – то же, слвц. rád, польск., в.-луж., н.-луж. rad». Ср. русское выражение рад-радехонек, у которого тоже выделяют значение ‘желание, готовность, намерение’ [Словарь-тезаурус: 471–472].

(3) Русское слово *охота* имело значения ‘желание’ и ‘удовольствие’. Выражение *в охоту* в русских диалектах использовалось в значении «с удовольствием, в охотку. *Голодному Федоту и репа в охоту*. Архив АН СССР» [СРНГ]; *с охоткой* – в значении «с чувством удовольствия (главным образом о пище). Урал, 1930. *Щи с охоткой хлебали*» [там же]. *Охотно* имело два круга значений:

1. «Приятно, весело. *Во Казани-то жить привольно, Жить привольно, гулять охотно, У нас денежек предовольно*. Арх., Соболевский, Моск. 1904. *Пойдем вместе, охотней будет*. Костром. *Все будет охотней нам, все веселей*. Ряз. 3» [там же]. 2. «В знач. безл. сказ. Хочется, охота. *Жарко, а холодного-то охотно* (хочется). Твер. Твер., 1910» [там же].

В русском литературном языке наречие *охотно* на протяжении всего XIX в. функционировало в качестве дублета выражения *с удовольствием* [Пеньковский, 2004: 252], например:

- (а) *Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мной, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неяс-*

ные речи, в которых так охотно разливается русский человек (И. С. Тургенев. Ася (1858)) [НКРЯ]. (б) Савелий тем охотнее начал сокрушаться о семействе, что ничто уже его не развлекало (Д. В. Григорович. Кошка и мышка (1857)) [там же].

Однако в современном языке *охотно* принадлежит «волевой, а не чувственной сфере. Охотно сегодня – это знак положительной волевой реакции» [Пеньковский 2004: 253].

(4) Латинское существительное *libido* (*lubido*) сочетало значения ‘желание’ и ‘удовольствие’:

1. «Желание, влечение, стремление» [ЛРС]; «*Envie, désir. – libido ulciscendi*, Cic. Tusc. 4, 44: *désir de la vengeance. – libido bonorum futurorum*, Cic. Tusc. 4, 11: *envie des biens à venir*» [JWH]. 2. «*libidinem in aliqua re habere* SI находить удовольствие в чём-л.» [ЛРС]; «arch. *est libido + inf. = libet: il plaît de. – Plaut. Pers. 808; Trin. 626, etc.*» [JWH]; «*Ad libidinem fingere aliquid. Cic. A son plaisir*» [EDL].

(5) В статье праслав. **olkomiti* (*se*) [ЭССЯ 32] отражено разное семантическое развитие соответствующих славянских глаголов: некоторые предикаты имеют волитивное значение, другие – значение удовольствия, например: **olkomiti* (*se*): цслав. *лакомити са* *cupere* (Mikl. LP), макед. *лакоми се* ‘зариться на что, жадно хотеть чего’ (Макед.-русск.), сербохорв. *lâkomiti se* ‘жаждать, сильно желать’, русск. *лакомиться* ‘наслаждаться (сластями, чем-н. особенно вкусным)’, укр. *лакомитися* ‘лакомиться’ (Словн. укр. мови, IV, 433).

2. ‘Удовольствие’ / ‘радость’ – ‘благодарность’.

Избавление человека от каких-то неприятностей или, наоборот, достижение каких-то целей, в результате действий стороннего лица часто, связывает воедино чувство радости и благодарности. Это отражается в языке в форме семантического перехода ‘благодарность’ ↔ ‘радость’. Примером указанного перехода является английское прилагательное *thankful*:

1. Благодарный, «The definition of *thankful* is someone feeling or showing gratitude» [WNW]; *О, как я вам благодарна!* (Братья Карамазовы. Достоевский, Фёдор). Oh, how thankful I am to you! [НКРЯ].

2. Довольный, радующийся, «Glad that something has happened or not happened, that something or someone exists, etc.» [MWD], например: (a) *I could just barely see her. I felt ever so thankful. In another second I would a been aboard of her, but just then the door opened* (Mark Twain. *The Adventures of Huckleberry Finn* (1884)). Я едва разглядел ее в темноте. Ну и обрадовался же я! Еще секунда, и я бы в нее забрался, но тут как раз открылась дверь [НКРЯ]. (б) *Бутлер ехал верхом рядом с своим ближайшим начальником, майором Петровым, с которым он и жил вместе, и не мог нарадоваться на свое решение выйти из гвардии и уйти на Кавказ* (Хаджи-Мурат. Толстой, Л.Н.). Butler rode beside the officer next in rank above him, Major Petrov, with whom he lived, and he felt he could not be thankful enough to have exchanged from the Guards and come to the Caucasus [там же].

Латинское прил. *gratus* имело значение ‘приятный, желанный’ (см. выше). Указанное значение, как представляется, послужило основой перехода к значениям ‘принимаемый с благодарностью’ и ‘благодарный, испытывающий благодарность’: «accepté avec reconnaissance; reconnaissance» [JWH]. Английское *grateful*, восходящее к лат. *gratus*, имеет те же значения:

Appreciative of benefits received; thankful: *I'm grateful for your help.*
 2. Expressing gratitude: *a grateful look.* 3. Affording pleasure or comfort; agreeable» [AHD].

Глагол *gratulari*, о котором мы уже говорили, имел значение ‘радоваться’ и ‘благодарить’: «Remercier [arch.]. – *gratulari diis*, Cato, d. Cic. Fam. 15, 5, 2: remercier les dieux. – *gratulari* + prop. inf.: remercier de ce que... – Тер. Haut. 879» [JWH]. Французское существительное *gré*, тоже происходящее от лат. *gratus* используется в значении ‘то, что нравится, то, что подходит’ в выражениях вида *au gré de*. Кроме того, у слова отмечается устаревшее значение ‘благодарность, признательность’, сохранившееся в выражении *savoir gré à qn*: «Vx Gratitude, reconnaissance. Mod. SAVOIR GRÉ à qqn: avoir de la reconnaissance pour qqn. *Il faut en savoir gré à l'auteur. Nous vous saurions gré de nous répondre rapidement*» [PR: 804].

Итак, на материале нескольких языков мы рассмотрели семантические переходы, в основе которых лежат инцидентные следствия прототипической ситуации эмоций радости и удо-

вольствия. Инцидентные следствия – это стандартные ассоциации, которые в картине мира конкретного языка, связывают данную ситуацию с некоторой другой. Как отметила Е.В. Падучева, одним из источников инцидентных следствий являются – аксиомы человеческого поведения, часто лингвопецифичные. В качестве объекта анализа были выбраны эмоции радости и удовольствия.

Список источников и сокращений

- ЛРС – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976 // <https://translate.academic2.ru>
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru/new>.
- Словарь-тезаурус – Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / Ин-т русск. яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 25. / под ред. Ф. П. Сороколетова. Ленинград: Наука, 1990 // http://www.iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_25.pdf.
- ФЭ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987 // <https://academic2.ru>.
- ЭССЯ 32 – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Вып. 32. М.: Наука, 2005 // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja32>.
- AHD – The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // <http://education.yahoo.com/reference/dictionary>.
- EDL – R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522 // <http://ru.scribd.com>.
- JWH – Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français // <http://www.prima-elementa.fr>.
- MWD – Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition // <http://www.m.-w.com>.
- PONS – PONS Online-Wörterbuch // <http://de.pons.com/übersetzung>.

- PR – Robert P., Rey-Debov J., Rey A. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Paris : Dictionnaire LE ROBERT, 1970.
- SSK – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. Ljubljana: Založba ZRC, 2000 //http://www.fran.si.
- WNW – Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition //http://websters.yourdictionary.com.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Любить 2, Обожать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: «Языки русской культуры», 2006, 180–185.
- Изард К.* Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999 //http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy
- Иоанесян Е.Р.* Исследования по семантике эмоциональных предикатов в типологическом аспекте М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2022. 304 с. ISBN: 978-5-907590-27-4. УДК 81. ББК 81.055.1.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Шмелев А. Д.* Язык любви // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012, 456– 461.

В.В. Каприелова

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
nikakap@mail.ru

Семантические переходы в венгерских терминах родства *

Термины родства в венгерском языке неоднократно становились предметом лингвистических изысканий, но в основном или с точки зрения представления самой системы терминов родства [Szépe 1972; Gunda 1949], или с точки зрения их этимологии [A. Kövesi 1960; Fügedi 1980; Metsäranta et al. 2023]. Целью данного исследования стало описать семантические переходы, произошедшие при образовании или при дальнейшем употреблении терминов родства в венгерском языке.

В качестве материала использовались данные толкового и этимологического словарей, базы семантических переходов DatSemShift 3.0. и приведенных выше исследований.

Большая часть терминов родства в венгерском языке образована от названий человека (в зависимости от его пола и возраста): *gyermek/gyerek* ‘ребенок (мальчик или девочка)’→‘ребенок (сын или дочь)’, *fiú* ‘мальчик’→‘ребенок’, *lány* ‘девочка’→‘дочь’, *férj* (‘муж’, дериват от *férfi* – ‘мужчина’) ‘мужчина’→‘муж’, *ember* ‘человек’→‘муж’, *asszony, nő¹, hölgy* ‘женщина’→‘жена’. Значение ‘член семьи’ актуализируется при присоединении к данным словам показателя притяжательности (ср., *fiú* – ‘мальчик’, (*a*) *fia* – ‘его сын’). Заметим, что перечис-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-18-00586

¹ Значение ‘жена’ закрепилось и в дериватах от слова *nő*: *nős* – ‘женатый’, *nősül* – ‘жениться’, *nőtlen* – ‘неженатый’ (суффикс *-tlen* имеет значение ‘отсутствие названного признака’) и т.д.

ленные термины родства обозначают таких родственников, «приобретение» которых так или иначе зависит от самого человека (он влияет на выбор супруга, рождение собственных детей; обозначения же родителей или, к примеру, родственников супруга в данную группу не входят).

Приведенные переходы не являются уникальными для венгерского, а фиксируются базой DatSemShift 3.0 в большом количестве языков: так, переход #5224 child (son or daughter) — child (young person) имеет 80 реализаций, переход #0575 girl ↔ daughter – 201, переход #0966 woman ↔ wife – 160 реализаций, а переход #0933 man (male) ↔ husband – 148 реализаций.

С другой стороны, есть тенденция к использованию терминов родства в значениях ‘мужчина’ или ‘женщина’: *apa* ‘отец’ → ‘мужчина (возраста старше говорящего)’, *anya* ‘мать’ → ‘женщина (возраста старше говорящего)’, *néni* ‘тетя’ → ‘женщина’, *bácsi* ‘дядя’ → ‘мужчина’. Такие переходы зачастую проходят в языке детей.

Эта же тенденция прослеживается, когда некоторые термины родства употребляются в обращениях. Так, для слов *bátya*, *bácsi* проходит переход ‘дядя’ → ‘обращение к мужчине’ (ср. обращения детей к взрослым «*doktor bácsi*» [Bárczi 1959-1962] – ‘дядя доктор’), для слова *néni* происходит переход ‘тетя’ → ‘обращение к женщине’ (из детского языка: «*tanító néni*» [Там же] – ‘тетя учительница’).

В подобных семантических переходах признак ‘старшинства в семейной иерархии’ коррелирует с признаком ‘старшинство по возрасту’: *húg* ‘младшая сестра’ → ‘обращение к женщине младше говорящего’, *papa* ‘отец’ → ‘обращение к незнакомому мужчине старше говорящего’, *mama* ‘мать’ → ‘обращение к пожилой женщине’.

Обращения также моделируют отношения внутри семьи мужа как внутри родной семьи: ср. *mama* ‘мать’ → ‘обращение к теще’, *lány* ‘дочь’ → ‘обращение к невестке’ и т.д.

Интересный случай представляет слово *fiú*, которое в притяжательной форме *fiam* – ‘мой сын’ функционирует как ‘обращение к человеку младшего возраста или более низкого соци-

ального статуса безотносительно пола' [Bárczi 1959-1962] (так, например, еще недавно было принято обращаться к девочкам).

Это же слово являлось распространенным обращением к супругу или супруге: «*Fiam, mi lesz ebédre?*» – ‘Дорогая, что у нас на обед?’. Другим «супружеским» обращением служит слово *papa* (переход ‘отец’ → ‘обращение жены к мужу’).

Источником для образования терминов родства, связанных с обозначением братско-сестринских отношений, является значение ‘кровь’: *testvér* – ‘брат или сестра’ (образовано от *test* – ‘тело’ и *vér* – ‘кровь’), *nővér*² – ‘старшая сестра’ (дериват от *nő* – ‘женщина’ и *vér* – ‘кровь’), *fivér*³ – ‘брат’ (от *fiú* – ‘мальчик’ и *vér* – ‘кровь’).

Значение ‘дом’ служит источником для обозначения супружеских отношений. Так, дериватом от слова *ház* (‘дом’) является слово *házas* – ‘женатый’, производными от которого выступают слова *házasság* – ‘брак’, *házasodik* – ‘жениться’, *házastárs* – ‘супруг(а)’, *házaspár* – ‘супружеская чета’.

Значение ‘половина’ является источником в переходе ‘половина’ → ‘жена’: слово *feleség* – ‘жена’ образовано от *fele* – ‘половина’ с помощью субстантивирующего суффикса *-ség*. То же *fél* (фонетический вариант *fele*), присоединяясь к слову *testvér* (или другому обозначению брата или сестры), участвует в переходе ‘половина’ → ‘неполнородный’ (ср. *testvér* – ‘брат или сестра’ → *féltestvér* – ‘неполнородный брат или сестра’, *bátya* – ‘старший брат’ → *félbátya* – ‘неполнородный старший брат’). Интересно, что речь идет о двух разных «половинах»: если ‘жена’ – это половина, дополняющая мужа, создающая с ним еди-

² Изначально слово *nővér* имело значение ‘родная сестра’ безотносительно признака ‘старше/младше’ [Szépe 1972: 186, 189], но позже для этого слова произошел переход ‘сестра’ → ‘старшая сестра’, в результате в венгерском языке выровнялась система обозначения родных братьев и сестер, построенная не только на противопоставлении по полу, но и по признаку старшинства.

³ Слово образовано искусственно во время реформы языка в первой половине XIX века по образцу перечисленных выше лексем [Zaicz 2006: 209].

ное целое, то в случае с неполнородными братьями и сестрами, маркируется как бы «неполноценное» родство.

Богаты семантическими переходами обозначения степеней родства. Названия старших родственников второй степени родства (дедушки, бабушки) образуются путем сложения слова *nagy* – ‘большой’ и обозначений родителей (*tata*, *anya* и *papa*, *apa*): *nagytata*, *nagyanya* – ‘бабушка’, *nagypapa*, *nagyapa* – ‘дедушка’ (переход ‘большой’ → ‘представитель второй степени родства’). Интересно, что это же значение у слова *nagy* сохраняется и в производном *nagycsalád* (буквально ‘большая семья’). Употребляясь как этнографический термин, данное слово имеет значение ‘семья, в которой вместе живут [три] поколения: от бабушек и дедушек до внуков’ [Bárczi 1959-1962]. Для обозначения внуков используется славянское заимствование *unoka*, для которого нерелевантным оказывается признак пола.

Интерес представляет тот факт, что со временем способы обозначения родственников второй степени (*nagy* и *unoka*) начинают применяться для обозначения непрямых родственников первой степени (тети, дяди, племянники, двоюродные братья и сестры). Так, если раньше слова *néni* и *bátya* использовались в значениях ‘тетя’ и ‘дядя’, то со временем исследователи фиксируют необходимость добавления к ним показателя *nagy* для передачи данных значений [Szépe 1972: 189]. Так, в современном венгерском языке в значении ‘тетя’ употребляется лексема *nagynéni*, а в значении ‘дядя’ – *nagybátya*. В свою очередь, функционируя в составе сложного слова, *unoka* приобретает значение ‘двоюродный’: *unokatestvér* – ‘двоюродный брат или сестра’, *unokanővér* – ‘старшая двоюродная сестра’, *unokabátya* – ‘старший двоюродный брат’ и т.д. Также *unoka* используется в словах со значениями ‘племянник’ и ‘племянница’ – *unokaöcs* и *unokahúg* соответственно (причем вторыми компонентами в них являются обозначения младших брата и сестры).

Для обозначения третьей степени родства (прадедушки, прабабушки, правнуки) используется слово *déd*, присоединяющееся к соответствующим лексемам: *dédapa* – ‘прадедушка’, *dédanya* – ‘прабабушка’, *dédszülő* – ‘прадедушка или прабабушка’, *dédunoka* – ‘правнук’ [Szépe 1972: 184-185]. Само слово *déd*

является славизмом, причем изначально в венгерском языке, как и в языке-доноре, оно имело значение ‘дедушка’ [Zaicz 2006: 139]. Впоследствии для него проходит переход ‘дедушка’→‘представитель третьей степени родства’. Интересно, что, употребляясь в форме деминутива не в составе сложного слова (например, *dédike*, *dédi*), это слово значит ‘прабабушка’ [Там же]. Обратим также внимание на то, что данные термины родства – достаточно поздний конструкт, этимологический словарь фиксирует их появление уже в середине XIX в.

Номинация родственников четвертой степени (прапрадедушки, прапрабабушки, праправнуки) происходит с помощью присоединения слова *szép* – ‘красивый’ к соответствующим терминам: *szérapa* – ‘прапрадедушка’, *szépanya* – ‘прапрабабушка’, *szépunoka* – ‘праправнук’ [Szépe 1972: 184-185] (переход ‘красивый’→‘представитель четвертой степени родства’).

Существует специальное обозначение и для пятой степени родства – *ük*: *ükapa* – ‘прапрапрадедушка’, *ükanya* – ‘прапрапрабабушка’, *ükunoka* – ‘прапраправнук’ [Там же]. Слово *ük* первоначально обладало значением ‘бабушка’, из которого затем развились значения ‘далекий родственник’ [Zaicz 2006: 780], ‘представитель пятой степени родства’.

Внимания заслуживают и семантические переходы, лежащие в основе обозначения кровных и некровных родственных отношений. Так, в [Gunda 1949: 232] приводятся два слова, использующиеся для обозначения кровного родства *édes* – ‘сладкий’ (*édestestvér* – ‘родной брат или сестра’) и *tej* – ‘молоко’ (*tejttestvér* – ‘родной брат или сестра’). Отметим, что слово *édes* может обозначать родство самостоятельно, не только в составе сложного слова: «*vkinek édes gyermeke v. testvére*» [Bárczi 1959-1962] – ‘чей-то родной ребенок или родной брат или сестра’. Таким образом, мы можем фиксировать переходы ‘сладкий’→‘родной’ и ‘молоко’→‘родной’.

Некровное родство обозначается с помощью славянского заимствования *mostoha* – первоначально ‘мачеха’: *mostohaanya* – ‘мачеха’ (от *anya* – ‘мать’), *mostohaapa* – ‘отчим’ (от *apa* – ‘отец’), *mostohalány* – ‘падчерица’ (от *lány* – ‘дочь’), *mostohafű* –

‘пасынок’ (от *fíú* – ‘сын’). Таким образом, для этой лексемы произошел переход ‘мачеха’ → ‘некровный родственник’.

Значительный пласт терминов родства в венгерском языке составляют славизмы. Так как в большинстве случаев ученым не удается установить, из какого именно славянского языка заимствовалось слово (порой сомнению подвергается и сам факт заимствования), мы можем предполагать осуществление одного из нескольких переходов.

Само слово со значением ‘семья’ (*család*) в венгерский язык попало из одного из славянских языков, где оно могло иметь значение ‘домочадцы, домашние’ или ‘челядь, прислуга’ [Zaicz 2006: 116]. Таким образом, можно предположить, что в венгерском языке значение данного слова претерпело следующее развитие: [‘прислуга’] → ‘домашние, домочадцы (все, кто живет в доме)’ → ‘семья’.

Неочевидно происхождение слова *bátya* – ‘старший брат’, которое либо имеет финно-угорское происхождение, либо было заимствовано из одного из славянских языков (наиболее вероятно, из болгарского), где оно могло иметь значение ‘отец’ или ‘дядя’ [Там же: 72]; таким образом, при заимствовании для него осуществился переход ‘отец’ → ‘старший брат’ или ‘дядя’ → ‘старший брат’. Причем второй переход был бы особенно примечательным, так как с течением времени слово *bátya* стало употребляться в значении ‘дядя’ (правда сейчас лишь с показателем *nagy* – *nagybátya*), т.е. в результате для него произошел переход в обратном направлении.

Другим славянским заимствованием является слово *mátka*, которое в языке-доноре значило ‘мать’, а в венгерском сначала приобрело значение ‘невеста’, а затем и – ‘жених’ [Там же: 467]. Таким образом, для данного слова можно восстановить такую цепочку переходов: ‘мать’ → ‘невеста’ → ‘жених’.

Без семантического перехода могло быть заимствовано слово *koma* – ‘крестный отец’, но предположителен переход ‘крестная мать’ → ‘крестный отец’ [Там же: 382].

Без перехода заимствуются слова *déd* – ‘дед’, *unoka* – ‘внук’ и *mostoha* – ‘мачеха’, но затем получают семантическое развитие (см. выше).

Есть пример, когда слово, являвшееся термином родства в славянском языке, приобретает иное значение в венгерском, – для слова *barát* (ср. рус. *брат*) фиксируется переход ‘брат’→‘друг’.

Целый ряд переходов происходит при образовании обозначений супругов: (помимо переходов в обращениях – см. выше) *úr* ‘господин’ → ‘муж’, *hitves* (от *hit* – ‘клятва, слово чести’) ‘клятва’ → ‘жена’, *pár* ‘пара’ → ‘супруг(а)’, *élettárs* (от *élet* – ‘жизнь’, *társ* – ‘товарищ’) ‘жизнь’ → ‘супруг(а)’ и ‘товарищ’ → ‘супруг(а)’.

При образовании терминов для обозначения новых типов семьи фиксируются переходы *csonka* ‘обрубленный’ → ‘неполный (о семье без одного из родителей)’ (*csonkacsalád* – ‘неполная семья’) и *mozaik* ‘мозаика’→‘смешанный (о семье)’ (*mozaikcsalád* – ‘семья повторного брака’).

Интересно, что венгерские слова *apa* (‘отец’) и *anya* (‘мать’) могут функционировать как ругательства (в скобках приводится дословный перевод таких выражений): *az apád!* (‘твой отец’), *apád lelke!* (‘душа твоего отца’), *az anyád!* (‘твоя мать’, ср. рус. *твою мать!*), *az anyja kínja!* (‘мука его/ее матери’) и др. Таким образом, для данных лексем прошли переходы ‘отец’→‘бранное слово’ и ‘мать’→‘бранное слово’.

Перечислим также другие переходы, осуществившиеся для различных терминов родства: *apa* ‘отец’→‘автор, создатель’, *anya* ‘мать’→‘источник (чего-то)’, *testvér* ‘брат’→‘похожий’, *nagyapapa* ‘дед’→‘предок’, *nővér* ‘сестра’→‘монахиня’, ‘сестра’→‘медсестра’; в некоторых венгерских диалектах также произошли переходы *tata* ‘мать’→‘бабушка’ и *papa* ‘отец’→‘дедушка’.

Таким образом, система венгерских терминов родства является динамичной, до сих продолжающей свое развитие структурой, дальнейшее исследование которой может дать информацию о представлениях о семье в венгерской культуре.

Литература

- Арискина Т.П., Фомина А.И.* Система терминов родства в эрзянском и венгерском языках (на материале эпоса «Масторава» / «Masztorava») // Финно-угорский мир. 2016. № 1, 6–11.
- A. Kövesi Magda.* Adalékok rokonságneveinek történetéhez // Nyelvtudományi közlemények. 1960. № 62, 281–300.
- Bárczi Géza et al.* A magyar nyelv értelmező szótára. Budapest: Akadémiai kiadó, 1959-1962. URL: <https://www.arcanum.com/en/online-kiadvanyok/Lexikonok-a-magyar-nyelv-ertelmezo-szotara-1BE8B/?list=eyJmaWx0ZXJzIjogeyJNVSI6IFsiTkZPX0xFWF9MZХhpa29ub2tfMUJFOEliXX0sICJxdWVyeSI6ICJs3AifQ> (дата обращения: 28.08.2024)
- Dobó Márta et al.* Új magyar tájszótár. Budapest: Akadémiai kiadó, 1992.
- Fügedi Erik.* Középkori rokonsági terminológiánk kérdéséhez // Ethnographia, a magyar néprajzi társaság folyóirata XCI. 1980. № 3-4, 361–371.
- Gunda Béla.* Gyimesi csángó rokonsági elnevezések // Magyar nyelvőr. 1949. № LXXIII, 231–234.
- Metsäranta Niklas, Milanova Veronika, Honkola Terhi.* Borrowability of kinship terms in Uralic languages // Finnisch-Ugrische Forschungen 2023. 2023. № 68, 141–216.
- Szépe György.* A magyar rokonsági elnevezések néhány kérdése // Általános nyelvészeti tanulmányok. 1972. № VIII, 181–199.
- Zaicz Gábor (főszerkesztő).* Etimológiai szótár, Magyar szavak és toldalékok ereete. Budapest: Tinta könyvkiadó, 2006.

Egor Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
egorka1988@gmail.com

Maria Emilia Winkler

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
maria.emilia.winkler@gmail.com

**“Clean & pure” semantic shifts
(evidence from Uralic and lexical typology)¹**

1. Introduction

The study concerns the grammaticalization² of terms for CLEAN & PURE into focus markers and intensifiers. We discuss the data of three Finno-Ugric languages: Moksha, Hill Mari, and Udmurt (the Tatyshly subdialect). The lexemes relevant for our research are instances of matter borrowing from Russian (e.g. *č'istâj* in (1)). At the same time, the patterns of semantic shifts are similar in Russian and in contact languages, cf. the comparative expressions in (1)–(2).

(1) TATYSHLY UDMURT

dan'il č'istâj ataj-ez kad'.
Daniel pure father-POSS.3SG how
'Daniel is just like his father'.

¹ The research has been supported by Russian Science Foundation (project № 22-18-00285, Lomonosov Moscow State University).

² See [Luchina et al. 2013: 125] on the analysis of such semantic shifts as grammaticalization.

(2) RUSSIAN

...u men'-a by-l prelest' kak-oj xorošen'k-ij mal'čik,
near I-GEN be-PST.SG.M charm what-NOM.SG.M cute-NOM.SG.M
boy

čist-y Al'en Delon.

clean/pure-NOM.SG.M Alan Delon

'...I had so cute boyfriend, just like Alain Delon'.

[Google]

This poses three research questions for us. First, what is the exact inventory of grammaticalization patterns in the domains CLEAN & PURE in our language sample? Second, are the shifts in the Finno-Ugric languages independent of Russian, or should they be considered as pattern borrowing? Third, what semantic motivation can lie behind these shifts?

The data were collected in several field trips organized by the Department of Theoretical and Applied Linguistics (Lomonosov Moscow State University): Moksha — the villages of Lesnoje Tsibajevo and Lesnoje Ardashevo, Temnikov district, Republic of Mordovia (2015–2017); Hill Mari — the village of Kuznetsovo and its surroundings, Hill Mari district, Republic of Mari El (2016–2024); Tatyshly Udmurt — the villages of Nizhnebaltachevo, Saryj Kyzyl-Jar, Ivanovka, Novyje Tatyshly, Starokal'mijarovo, Verkhnebaltachevo, Urazgil'dy, Tatyshly district, Republic of Bashkortostan (2019–2024). Some examples were clarified in online communication with native speakers. The varieties of Moksha and Hill Mari we have studied are close to the literary standards. Tatyshly Udmurt differs significantly from Standard Udmurt, see [Kel'makov 1998] for details.

We used the method of elicitation relying on the frame-based approach to lexical typology [Rakhilina, Reznikova 2016]. It suggests describing semantics of lexemes basing on their collocational properties.

Russian parallels were studied using the Russian National Corpus (including its oral and dialect subcorpora), the dialect corpora at [Lingconlab], Yandex and Google. Published sources of dialect data were considered as well (the references are provided near the examples).

Examples from the Finno-Ugric languages are given in the phonological transcription adopted for each field project. Russian examples were transliterated for this article. The source of elicited examples is not marked explicitly.

The structure of the paper is as follows. In Section 2, we describe various grammaticalization patterns of terms for CLEAN & PURE. In Section 3, we discuss the possible mechanisms of their development and the issue of pattern borrowing.

2. Semantic extensions of CLEAN & PURE

The semantic oppositions in the physical meanings of terms for CLEAN & PURE are discussed in [Arkhangelskiy et al. 2010; Pechnikova 2017; Reznikova, Pechnikova 2021]. Here we will mention one of them which is the most important for our study. Some languages distinguish between ‘lack of dirt’ (e.g. English *clean*) and ‘lack of admixture’ (e.g. English *pure*). For example, a Russian expression *čistaja šerst'* can be interpreted as either ‘clean fur (of a cat, dog etc.)’ or ‘pure wool (having no admixture)’. In our data, only those lexemes that have the latter function available may develop semantic extensions discussed in Sections 2.1–2.5. In this paper we will not go into detail about differences between synonyms in the same language, as well as about their syntactic restrictions. The main background on Moksha and Hill Mari is available in [Sidorova 2016; Winkler, Kashkin 2023].

In Sections 2.1–2.5, we will go on to the semantic extensions of CLEAN & PURE. These are the expressions of restrictive focus, as well as several subtypes of intensification varying in their colexification patterns across our sample (similarity in comparison, complete affectedness by a quality or by an action, high degree).

2.1 Restrictive focus

Restrictive focus can be defined as ‘P (proposition in focus) holds, no alternatives to P hold’, see e.g. [König 1991: 94–119, 159–165] also mentioning terms for CLEAN & PURE as a possible source for such particles.

Our sample includes three languages (Russian, Moksha, Hill Mari) where the lexemes in question perform this function, see (3)–(4). In Russian (especially in colloquial speech), another lexeme — *čisto* (an adverbial derived from *čistyj*) — is used to mark the restrictive focus (5).

(3) MOKSHA

monpid'-ən' čistaj makarot-t, sival'-ftəmə.

I cook-PST.1SG clean/pure pasta-PL meat-CAR

‘I only cooked pasta, without any meat’.

(4) RUSSIAN (DIALECT EXAMPLE: SETTLEMENT OF JANVARTSEV < KAZAKHSTAN)

kooperativ-uju škol-u čist-yje mužčin-y konči-l-i.

cooperative-ACC.SG.F school-ACC.SG clean/pure-NOM.PL

man-NOM.PL finish-PST-PL

‘Only men have graduated from the cooperative school’.

[Mal'eča 2003: 450]

(5) RUSSIAN (COLLOQUIAL)

<...>*ja hoč-u čist-ov pariž!*

I want-PRS.1SG pure-ADV at/to Paris

‘I want to travel exactly to Paris (but not to other places)’

[Yandex]

2.2 Similarity in comparison

The expression of substantial similarity as an extension of the domain in question is attested in each language of our sample (see also an example from Russian in (2) above). In (6), one emphasizes the similarity between the standard of comparison (*t'ot'ažê* ‘his grandfather’) and the comparee (*tädê* ‘he’) by means of the lexemes *čišti* / *čistâj*. Note that these lexemes share some features of standard markers, since the basic standard marker *gan'* is optional in (6). Example (7) from Udmurt illustrates the same function of *č'istâj*, but in another syntactic configuration.

(6) HILL MARI

tädê čišti /čistâj t'ot'a-žê (gan') êl-eš.

he pure pure³ grandfather-POSS.3SG EQU be-NPST.3SG
 ‘He is just like his grandfather’.

(7) TATYSHLY UDMURT

ta pi č'istāj āša-m agaj-ez-lâ.

this boy pure be_similar-PTCP.PST elder_brother-POSS.3SG-DAT
 ‘This boy looks just like his brother’.

2.3 Complete affectedness by a quality

The function of complete affectedness by a quality (‘each element of X has the property Y and no other property’) is developed in Russian, Moksha, and Hill Mari (similarly to the restrictive focus, see Section 2.1) A quality can be expressed by different means (an adjective (8) or a genitive NP (9)). Thus, (8) means that ‘every part of the wall is white’, (9) emphasizes that ‘every part of soup contains potatoes and nothing but potatoes’ and (10) states that the number of inhabitants who are not Russian is at least very low.

(8) HILL MARI

st'enä cišti oš-â.

wall pure white-FULL

‘The wall is completely white’.

(9) MOKSHA

t'ε l'em-s'čistaj čistâ modamar'-ən'.

this soup-DEF.SG clean/pure purely potato-GEN

‘There are purely potatoes in this soup (lit.: This soup is purely potatoes)’.

(10) RUSSIAN (DIALECT EXAMPLE: FOKINO < SOVIET DISTRICT, MARI EL)

čist-o russk-aja d'er'evn'-a, ar'adom s nami

clean/pure-ADV Russian-NOM.SG.F village-NOM.SG and near
 with we.INS

Koltaksol-a — marijsk-aja d'er'evn'-a.

Koltaksola-NOM.SG Mari-NOM.SG.F village-NOM.SG

‘A purely Russian village, and Koltaksola — a Mari village — is not far from us’.

[Dialect subcorpus of RNC. 2004]

³ In Hill Mari, the literal meaning ‘clean’ is unacceptable for *čistāj*, where-as the meaning ‘pure’ is acceptable for some speakers.

2.4 Complete affectedness by an action

The definition of complete affectedness by an action is quite similar to complete affectedness by a quality. The former means ‘each element of X undergoes the action Y’ (cf. Section 2.3 on the latter). Thus, (11) states that ‘every part of soup has been eaten up’. This function of lexemes originating from the semantic domain of CLEAN & PURE is undoubtedly acceptable in Hill Mari (11). It is not common for the other Finno-Ugric languages of our sample.

(11) HILL MARI

tädä lem-äm čišti kačk-ân kolt-en.
he soup-ACC pure eat-CVB send-PRET
‘He has eaten up all the soup’.

In Russian, the lexemes *čistyj* ‘clean, pure’ and *čisto* ‘cleanly, purely, only’ have such distribution only in some dialects (12).

(12) RUSSIAN (DIALECT EXAMPLE: KEBA VILLAGE < ARKHANGEL'SK REGION)

Volos ja non'e strig-l-a, ak proda-l-a čist-o,
hair I now cut-PST-F PTCL sell-PST-F pure-ADV
u men'-a čist-o vz'a-l-i.
near I-GEN pure-ADV take-PST-PL

‘I cut some wool recently, <then I> sold everything, everything was sold’.

[Knyazev 2022]

2.5 High degree

In our sample, the function of high degree marker is only available for Tatyshly Udmurt *č'istâj* and for *čisto* / *čistyj* in Russian dialects. This function may be described like this: ‘X possesses the set of characteristics of Y to a great extent’. Thus, the participant in (13) has many properties of a prototypical hooligan, and in (14) the experiencer is annoyed with mosquitoes to a great extent.

(13) RUSSIAN (DIALECT EXAMPLE: AKCHIM VILLAGE < PERM REGION)

on fuligan čist-oj, jesli razdurač-it-tsa.
he hooligan clean/pure-NOM.SG.M if get_excited-FUT.3SG-MED

‘He is a total hooligan when he gets excited’.

[Skitova (ed.) 2011: 203]

(14) TATYSHLY UDMURT

č'istâj ž'el'a-t-i-zâ in'i kuz'kuk-jos!

pure annoy-CAUS-PST-3PL already mosquito-PL

‘I’m really fed up with mosquitoes!’

3. Discussion

As has been shown in Section 2, the patterns of semantic shifts attested in Moksha, Hill Mari, and Tatyshly Udmurt have counterparts in Russian (including its colloquial register and dialects). This suggests that Russian lexemes could be borrowed into those Finno-Ugric languages together with their functions of focus markers or intensifiers. At the same time, the patterns observed in the Finno-Ugric languages from our sample and in Russian are not totally identical. Thus, the lexemes *čistyj* and *čisto* meaning both ‘clean(ly)’ and ‘pure(ly)’ in Russian sometimes lose the former meaning when borrowed into Finno-Ugric languages. Some grammaticalized uses attested in Russian can be absent in the recipient languages, see e.g. the contexts of restrictive focus and complete affectedness by a quality absent in Tatyshly Udmurt, or an even narrower distribution of expressing complete affectedness by an action or high degree. There are also some constructional differences between Russian and the Finno-Ugric languages from our sample. Leaving their detailed discussion outside this short paper, we will show just one example. The Russian borrowing *čisti* in Hill Mari serves as a restrictive focus marker when preceding the constituent in its scope, but functions as an intensifier when following such a constituent, cf. (15a–b). We have no evidence of this difference in the word order in Russian.

(15) HILL MARI

a. *tädä čisti olma-(vlä)-m kačk-ân.*

he pure apple-PL-ACC eat-PRET

‘He has eaten only apples’.

- b. *tädä olma(-vlä)-m cišti kačk-ân.*
 he apple-PL-ACC pure eat-PRET
 ‘He has eaten up all the apples’.

Finally, let us turn to the mechanisms of the semantic shifts we have discussed. The terms for CLEAN & PURE develop, first, into the markers of restrictive focus, and, second, into intensifiers of different types. There are two possible explanations for this colexification.

First, the meanings of restrictive focus and intensification could have developed independently based on the meaning CLEAN & PURE. This scenario receives typological support.

Various languages show the development of restrictive focus markers from semantic caritives (the latter class includes the domain of CLEAN & PURE), see e.g. English *purely*, as well as the shifts ‘naked, bare’ → ‘only, just’ (e.g. German *bloße Arme* ‘naked arms’, *Bloß du bist schuld!* ‘It is only your fault’), ‘empty’ → ‘only, just’ (e.g. the use of *tərah* ‘empty’ as a restrictive focus marker in Tigrinya) attested in [DatSemShift].

At the same time, the expressions of CLEAN & PURE along with other semantic caritives can shift to intensifiers, cf. English *It is a pure nonsense* [DatSemShift], Bulgarian *suxa sirotina* ‘complete (lit.: dry) orphan’, Czech (archaic) *pustodivý* ‘completely (lit.: emptily) wild’ [Tolstaya 2008: 65, 95].

Second, a connection can be drawn between the meanings of restrictive focus and intensification.

Restrictive focus markers like ‘only P’ convey the meaning ‘P is true, any alternatives of P are false’ (see [Horn 1969; Ippolito 2007], among others). Thus, the sentence *Only Pete came to Mary* entails that Pete came to Mary, but Andrew, John, Bill or any other relevant participants did not come.

To account for intensifiers, we first need to turn to universal quantifiers. The latter are described in a parallel way to restrictive focus markers. ‘All (A) (B)’ means that the set A is a subset of the set B (see [Barwise, Cooper 1981; Keenan 2006] etc.). Thus, the sentence *All the students are talking* means that the set of the students is included into the set of talking people without exceptions.

The expressions of total affectedness or of a high degree can be analyzed in a similar manner. Thus, it follows from the statement that the village is ‘purely Russian’ (*čisto russkaja*, (10)) that the set of its inhabitants is a subset of the set of Russians without exceptions or with very few exceptions. The Udmurt expression *č'istâj ž'el'atizâ* (lit.: purely annoyed) related to mosquitoes in (14) means that the interaction of the experiencer with mosquitoes has (almost) no properties different from what can be conceptualized as the highest point of the scale representing annoyance.

To sum up, both restrictive focus markers and intensifiers deal with the semantics of exclusion / absence of alternatives, which could motivate the connection between them. However, we have not come across the colexification of ‘all’ (or ‘completely’) and ‘only’, which could have been an empirical argument. Further typological studies in this area can shed more light on how restrictive focus and intensification are interrelated.

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; ACC — accusative; ADV — adverbializer; CAR — caritive; CAUS — causative; CVB — converb; DAT — dative; DEF — definiteness; EQU — equative; F — feminine gender; FULL — full form; FUT — future tense; GEN — genitive; INS — instrumental; M — masculine gender; MED — mediopassive; NOM — nominative; NPST — non-past tense; PL — plural; POSS — possessive; PRET — preterite; PRS — present tense; PST — past tense; PTCL — particle; PTCP.PST — past participle; SG — singular.

References

Arkhangelskiy T. A., Tagabileva M. G., Kholkina L. S. Kačestvennyje priznaki ‘čistyj’, ‘gr'aznyj’, ‘prozračnyj’, ‘mutnyj’: k postrojeniju semantičeskoj tipologii [Semantic fields ‘clean’, ‘dirty’, ‘transparent’, ‘opaque’: towards the construction of a semantic typology] // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2011. № 3, 257–260. (In Russ.)

- Barwise J., Cooper R.* Generalized quantifiers and natural language // *Linguistics and Philosophy*. 1981, № 4, 159–219.
- DatSemShift — Database of Semantic Shifts in languages of the world. URL: <https://datsemshift.ru/> (accessed 20.08.2024).
- Horn L.* A presuppositional analysis of *only* and *even* // *Papers from the Fifth Regional Meeting* / ed. by R. Binnick, A. Davison, G. Green, J. Morgan. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1969, 98–107.
- Ippolito M.* On the meaning of *only* // *Journal of Semantics*. 2007. №. 25, 45–91.
- Keenan E.* Quantifiers: semantics // *Encyclopedia of language and linguistics*, vol. 10 / ed. by K. Brown. Boston: Elsevier, 2006, 302–308.
- Kel'makov V. K.* Kratkij kurs udmurtskoj dial'ektologii [A sketch of Udmurt dialectology]. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 1998. (In Russ.)
- Knyazev S.* Corpus of the Russian dialect spoken in Keba. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2022. [Online source]. URL: <http://lingconlab.ru/keba> (accessed 20.08.2024).
- König E.* The meaning of focus particles. A comparative perspective // London, New York: Routledge, 1991.
- Lingconlab (The data of the International Laboratory of Language Convergence) [Online source]. URL: <http://lingconlab.ru/> (accessed 20.08.2024).
- Luchina E. S., Reznikova T. I., Stenin I. A.* Atributivy kak istočnik grammatikalizacii: 'pr'amoj' i 'rovnyj' v russkom, nemeckom i finskom jazykax [Attributives as grammaticalization sources: 'direct/straight' and 'even' in Russian, German and Finnish] // *Tipología léxica* / ed. by R. G. Tirado, I. Votyakova. Granada: Jizo Ediciones, 2013, 123–129. (In Russ.)
- Mal'eča N. M.* Slovar' govorov ural'skix (jajtskix) kazakov. Tom 4: S–Ja [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks. Book 4: S–Ya]. Orenburg: Orenburg Book Publishing House, 2003. (In Russ.)
- Pechnikova V. M.* Prilagat'el'nyje semantičeskix zon 'čistyj' i gr'aznyj: tipologija pr'amyx i perenosnyx značenij [Adjectives for 'CLEAN' and 'DIRTY': a typology of primary and derivative meaning] // *Probl'emy komp'juternoj lingvistiki i tipologii*. Sbornik naučnyx trudov [Issues in

- computational linguistics and typology. Collection of articles] / ed. by A. A. Kretov. Voronezh: VGU Publ, 2017, 85–97. (In Russ.)
- Rakhilina E., Reznikova T.* A frame-based methodology for lexical typology // The lexical typology of semantic shifts / ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2016, 95–129.
- Reznikova T. I., Pechnikova V. M.* Čistaja tipologija: o leksikalizaciji semantiki čistoty v slav'anskix jazykax [Pure typology: On lexicalization of semantics of pureness in Slavic] // Slavistična revija. 2021. № 1, 103–120. (In Russ.)
- Russian National Corpus (RNC). Online resource. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 20.08.2024).
- Sidorova M. A.* 2016. Semantičeskije pol'a ČISTYJ / GR'AZNYJ i PROZRAČNYJ / MUTNYJ v mokšanskom jazyke [The domains of CLEAN / DIRTY and TRANSPARENT / OPAQUE in Moksha] // Probl'emy l'eksiko-semantičeskoj tipologii. Sbornik naučnyx trudov [Issues in lexico-semantic typology. Collections of articles] / ed. by A. A. Kretov. Voronezh: VGU Publ., 2016, 134–146.
- Skitova F. L.* (ed.). Slovar' govora d. Akčim Krasnovišerskogo raiona Permskoj oblasti (Akčimskij slovar'). Vyp. VI. T–Ja [Dictionary of the Akchim village dialect of the Krasnovishersky district of the Perm region (Akchim dictionary). Vol. VI. T–Ya]. Perm: Perm State University Publ., 2011. (In Russ.)
- Tolstaya S. M.* Prostranstvo slova. Leksičeskaja s'emantika v obščeslav'anskoj perspective [The space of the word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. Moscow: Indrik, 2008. (In Russ.)
- Winkler M.-E. A., Kashkin E. V.* L'eks'emy so značenijami 'čistyj', 'gr'aznyj', 'prozračnyj', 'mutnyj' [Lexemes meaning 'clean', 'dirty', 'transparent', 'opaque'] // El'ementy gornomarijskogo jazyka v tipologičeskom osveščanii [Elements of Hill Mari from the typological point of view] / ed. by E. V. Kashkin, M.-E. A. Vinkler, T. I. Davidyuk, V. V. Dyachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Plešak, I. A. Khomchenkova. Moscow: Buki Vedi, 2023, 828–840. (In Russ.)

Ю.В. Кожуховская

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
jv-k@mail.ru

**Элементы мифопоэтического мировосприятия
в структуре когнитивных метафор
(на материале новогреческого языка)¹**

Структура когнитивных метафор представлена двумя областями: областью-целью и областью-источником, где более абстрактная область, как правило, определяется через более конкретную. Вместе с тем, области-источники в разных лингвокультурах универсальны, что во многом обусловлено истоками формирования языковых конструкций, восходящих к мифологическому мышлению. Для его изучения в рамках одного из возможных направлений применяются методы когнитивной лингвистики. В исследованиях на стыке когнитивистики и фольклористики, в частности, выделяется термин мифоконцепт: «укоренившийся в сознании этноса четко структурированный элемент мифологической когнитивной парадигмы» [Кошарная 2002: 87]. Цель настоящей статьи – проследить следы мифопоэтической модели мира в реализации областей-источников когнитивных метафор на материале новогреческого языка. Материалом исследования послужили тексты СМИ из корпуса новогреческого языка [Corpus of Modern Greek 2024].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01227, <https://rscf.ru/project/23-78-01227/> «Лингвокогнитивный аспект вопроса этнической и национальной идентичности (на материале новогреческого языка)» в КФУ им. В. И. Вернадского.

1. Вертикальная структура космоса

Мифопоэтическое сознание осмысляет вертикальную структуру космоса, основываясь на понятии *Axis mundi* (Ось Мира) – «символ центра Мира, исходной точки рождения вселенной почти во всех космогонических теориях» [Тресиддер 1999: 118]. Вертикальное членение космоса соответствует ориентационным метафорам, наиболее демонстративные примеры которых (для английского языка) привели Дж. Лакофф и М. Джонсон [2004: 35–37]: верху соответствует счастье, сознание, здоровье и жизнь, власть и сила, а низу – соответственно печаль, бессознательное, болезнь и смерть, подчинение и др. Приведенная структура универсальна и подтверждается для греческого языка. Более того, метафорические конструкции обретают черты мифопоэтического верхнего мира в широком смысле, включая процессы олицетворения, например, когнитивная метафора МЕЧТА – ЭТО БОЖЕСТВО: «την Ανατολική Θράκη η οποία θυσιάστηκε στον βωμό της Ιωνίας χάριν της απατηλού ονειρού»: Восточная Фракия, принесенная в жертву на алтаре Ионии ради ложной мечты (Η Καθημερινή 2009) [Corpus of Modern Greek 2024]. Пути на небо противопоставляется путь вниз [Мифы народов мира... 1987: 352], при этом аксиологически метафоры низа не ограничиваются негативной коннотацией. Так, древность метафоризируется как почва или глубины земли: «οι ρίζες φτάνουν μέχρι την αρχαιότητα» [Corpus of Modern Greek 2024] (корни уходят в древность), где прошлое ориентировано вниз, но воспринимается в позитивном ключе.

Верхний и нижний миры связывает Ось вертикали. В архаическом мышлении у разных народов идея оси воплощалась в разных предметных символах – объектах материального мира, что, в свою очередь, нашло отражение в языке. Одним из таких символов является гора, при этом в метафоризация участвуют разные части речи: на основе глагола σκαρφαλώνω – взбираться (например, о стоимости), существительного κορυφή – вершина (для широкого спектра областей-целей) и т. д. Другим распространенным символом, который связывает небо и землю, является лестница (лексемы σκαλοπάτι, σκαλί – ступень, σκάλα – лестница). Мост, особенностью которого в мифопоэтике являет-

ся его соотносимость как с горизонтальной, так и с вертикальной моделью мира, поскольку он объединяет землю с небом, а человека с богом [Мифы народов мира... 1987: 177], также относится к частотным областям-источникам (например, γέφυρα ελκτοιωνιάς – мост коммуникации).

Однако наиболее выраженным символом Оси является Мировое древо, корни которого уходят в нижний мир, а ветви – в верхний, при этом развитая система растительных метафор в языке соответствует степени значимости дерева в мифопоэтической модели мира. Когнитивные метафоры этой группы основываются на когнитивном признаке роста, и в их образовании участвует также лексика, обозначающая корни, семена, плоды. Реализация сопровождается как положительной, так и негативной оценкой; во втором случае в основе метафор лежит космогоническая схема поврежденного дерева: например, НЕИСПОЛНИМАЯ МЕЧТА – ЭТО ОБРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО / ВЕТВЬ: τα κουτσουρεμένα όνειρα (обрубленные мечты). Однако не все растительные метафоры связаны с символикой Оси, например, в реализации метафоры УМ – ЭТО САД / ОРАНЖЕРЕЯ (ο μόνο που φτεβτήκε στο μυαλό: единственное, что выросло в уме), в которой перенос значения исходит из первичного восприятия разума как вместилища, сад обладает не столько осевыми свойствами, сколько имеет более широкое символическое значение. Более того, большинство растительных метафор уходят корнями в земледельческий культ земли с соответствующей символикой, например, СТРАНА – ЭТО ЗАСЕВАЕМОЕ ПОЛЕ: σπέρνει ανησυχία στη χώρα – сеет беспокойство в стране.

Из осевых символов в греческой языковой картине мира наиболее выражен корабль на основе реализации этноспецифических метафор, связанных с мореплаванием [Жоуховская 2024].

2. Горизонтальная структура космоса

Вертикальную модель мира дополняет горизонтальная, которая, в первую очередь, отражает представление о четырехчастности пространства («впереди–позади», «право–лево»). Так, в литературных произведениях язык пространственных представлений «принадлежит к первичным и основным» [Лютман

1992–1993: 447]. С точки зрения языка, эта группа когнитивных метафор исходит из символики границы. Как пишут Дж. Лакофф и М. Джонсон [2004: 54], отграниченные от мира поверхностью кожи, «мы воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас», они определяют человека как «вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией внутри–наружи». На материале греческого языка – это одна из самых распространенных метафор, где, например, жизнь воспринимается как вместилище: «που έχει βάλει πια στη ζωή του» – которое уже положил в свою жизнь, а население как сосуд: «εγκαθίστατε τον φόβο στον πληθυσμό» [Corpus of Modern Greek 2024] – внушайте страх населению (εγκαθίστω: дословно – вливать по капле жидкость в емкость [Μπαμπινιώτης 2002]). С другой стороны, акцент может ставиться непосредственно на границах – ограниченном пространстве: БЕЗУМИЕ – ЭТО ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО («ο κόσμος έχει ξεπεράσει τα όρια της τρέλας» [Corpus of Modern Greek 2024]: мир перешел границы безумия).

Именно из символики границы от «своего» пространства к «чужому» начинается мифопоэтический путь, отмеченный целым рядом дихотомий. Выделяется два вида пути: к сакральному центру, и «к чужой страшной периферии» [Мифы народов мира... 1987: 352], что находит отражение и в языке. Так, в образности движения к центру часто участвует глагол επικεντρώνω – сосредотачивать (существительное επίκεντρο – что-то в центре), что особенно характерно для эмоций и состояний: ТРЕВОГА – ЭТО ДВИЖЕНИЕ К ЦЕНТРУ (το άγχος επικεντρώνεται: тревога концентрируется – бинарная оппозиция «центр–периферия» или «внутреннее–внешнее»). На этом пути наиболее значимым компонентом является препятствие (να ξεπεράσει τους ενδοιασμούς – преодолеть, буквально «пройти дальше» опасения), в мифологической традиции связанное с инициацией. Из других наиболее значимых бинарных оппозиций можно выделить путь линейный и путь лабиринтообразный, реализуемые в области-источнике. В целом, прослеживается соответствие мифопоэтической структуры пути и когнитивных компонентов, тогда как в области-источнике реализуются: пункты отбытия, назначения и само место путешествия, багаж, средство пере-

движения, путники, попутчики и т. д., при этом уточняется характер пути: дорога, улица, тропа (например, *μας ταξιδεύει σε μονοπάτια* рок – ведет нас по тропам рока).

3. Порядок – хаос

Мифопоэтическая бинарная оппозиция «порядок-хаос», или «космос – хаос» с одной стороны воплощает идею упорядоченного пространства, а с другой – дикого, некультуренного пространства. Дихотомия также связана с оппозицией «свое-чужое», когда «свое» окультуренное (упорядоченное) пространство противопоставляется неподконтрольному человеку природному пространству. В первую очередь, в области-источнике оказываются неподконтрольные человеку стихии, которым часто соответствуют эмоции и реже другие – как правило, социальные явления в области-цели, например, СОКРАЩЕНИЕ – ЭТО ШТОРМ, а УВОЛЬНЕНИЕ – ЭТО ВОЛНА: *το κύμα συνταξιοδοτήσεων* – волны отставок.

Подтипом – наравне с бинарной оппозицией «культура – стихия», является дихотомия «домашнее – дикое»: МЕЧТА – ЭТО ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ (*άγρια όνειρα* – дикие мечты), и в связи с этим «освоенное – неосвоенное»: ПРЕДЛОЖЕНИЕ (в значении: синтаксис) – ЭТО МЕСТО ПОСЕЛЕНИЯ / ДОМ, где УЖАС – ЭТО ЧЕЛОВЕК – *«τρέμουλο εγκαθίσταται στο τέλος κάθε πρότασης»* (Н Καθημερινή 2009) [Corpus of Modern Greek 2024] (ужас поселяется в конце каждого предложения).

В связи с культурой («культура – дикость, варварство») отдельно можно выделить строительные метафоры, где область-источник концептуализируется как строение / фундамент или наоборот руины (*καταρρέει η χώρα* – страна рушится, *η οικονομία ερείπώνεται*: экономика разваливается, где страна и экономика соответственно концептуализируются как строение, которое под воздействием внешних факторов может разрушиться). В связи с этой бинарной оппозицией, в области источнике также нередко фиксируется «рукотворный объект», когда какое-либо абстрактное понятие воспринимается как материальный объект, созданный человеком.

4. Анимизм

Среди наиболее древних представлений, которые были свойственны человеку, являются анимистические, а также взаимосвязанные явления и системы верований такие как антропоморфизм, тотемизм и панпсихизм. В функционировании когнитивных метафор часто фиксируется олицетворение в области-источнике – на основе дыхания или других признаков живого существа. Наиболее распространены: противник / борец, правитель, учитель / наставник, путешественник, спутник, из более редких – собеседник, разоритель, судья, сосед, гость и многие другие.

Среди зооморфных метафор по частотности выделяется когнитивная метафора МЕЧТА – ЭТО ДОБЫЧА НА ОХОТЕ: *να κυνηγούν τα ίδια όνειρα* – преследуют (буквально: охотятся) одни и те же мечты. По сравнению с многочисленными антропоморфными метафорами – зооморфные метафоры менее распространены. Так, в новогреческом языке мечта концептуализируется как рыба: *ένα άλιπστο όνειρο* – неуловимая (скользящая – в прямом значении – о рыбе) мечта.

5. Другие мифологемы

Среди других многочисленных мифологем, в первую очередь, можно выделить мотив ткачества судьбы на ткацком станке мироздания, который фиксируется в основе как общеизвестных метафор, например, СТРАНА – ЭТО ПОЛОТНО: *ο κοινωνικός ιστός της χώρας* – социальная ткань страны, так и для характерных для греческой лингвокультуры: мечта как ткань, а неисполнимая мечта как лохмотья: *η καταρράκωση του ελληνικού ονειρού* – крах (буквально «превращение в лохмотья») греческой мечты, или история как клубок ниток: «*την ελληνική και παγκόσμια ιστορία να ξετυλίγεται*» [Corpus of Modern Greek 2024]. греческая и мировая история разворачиваются (в прямом значении глагол «*ξετυλίγω*» – «разматывать»).

В греческой языковой и концептуальной картине мира важное место занимает солярная символика, которая является частью дихотомии «свет-темнота», нашедшая отражение в когнитивных метафорах. Источником света выступают как естественные, так и искусственные средства освещения: луч и

небесное светило, но и лампа. Однако чаще всего источник света не конкретизируется, и метафора относится к одной из самых распространенных в новогреческом языке: например, «έχει φωτίσει την ιστορία του κινηματογράφου» [Corpus of Modern Greek 2024] (осветил историю кино).

Таким образом, реализацию областей-источников, в первую очередь, определяет пространственная модель мира, которая классифицируется на вертикальную и горизонтальную структуру космоса. Концептуализация отталкивается от дихотомии «свое-чужое», которая обуславливает реализацию метафор как в рамках схемы пути, так и, например, бинарной оппозиции «порядок – хаос». Для большинства выделенных когнитивных метафор на базе рассматриваемых мифопоэтических категорий прослеживается универсальная природа, что является причиной их фиксации в разных языках.

Литература

- Кожуховская Ю. В.* Лингвокультурная специфика когнитивных метафор мореплавания в греческом языковом сознании // Язык, общество, культура: материалы VII Международной научно-практической филологической конференции / под ред. З. Р. Гиш, З. А. Фарамазян. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024, 39–45.
- Кошарная С. А.* Миф и язык: Опыт лингво-культурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004.
- Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн : Александра, 1992–1993. т. 1.
- Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарев. М. : Советская Энциклопедия, 1987. 2 т.
- Тресиддер Д.* Словарь символов. М. : Фаир, 1999.
- Corpus of Modern Greek. URL: <http://web-corpora.net/GreekCorpus> (accessed 01.06.2024)
- Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας: Με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2002.

В.В. Кондратьева

НИУ «Высшая школа экономики»
kondratieva.violetta2019@gmail.com

**Применение этнолингвистического подхода
для осмысления полисемии
на примере культуроспецифичных семантических переходов
в семитских языках**

Говоря о природе полисемии, нельзя не упомянуть о тесной связи, существующей между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Слова с особыми, культуроспецифичными значениями отражают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления [Вежбицкая 2001: 19]. Поэтому полисемия зачастую обусловлена определенными внутриязыковыми соображениями, которые носители языка выстраивают у себя в сознании. Таким образом, образ жизни формирует образ мышления, а тот, в свою очередь, определяет особенности лексики.

Изучением того, как люди классифицируют слова в своем языке, занимается этносемантика, также называемая этнонаукой или когнитивной антропологией. Она представляет собой метод этнографических исследований и этнолингвистики, основанный на анализе семантической природы слов данного языка [Bartmiński 2009]. Этнолингвистика изучает то, как люди обозначают культурные, социальные и природные явления в своем мире, и анализирует семантические категории, создаваемые этими классификациями. Это помогает понять культурные значения, стоящие за способами описания окружающего мира.

В этой связи наиболее иллюстративным материалом для исследования являются семантические переходы, возможность развития которых в разных случаях может быть мотивирована разными механизмами (в особенности, когнитивными)

[Кустова 2004]. Особую исследовательскую ценность представляют семантические переходы, которые являются регионально специфичными для отдельно взятого языка или группы родственных языков.

Настоящая статья посвящена анализу языкового материала семитских языков (как древних, так и современных) с точки зрения аспектов этнолингвистики: общественных, исторических, биологических, географических [Герд 2005]. В работе подробно обсуждаются девять семантических переходов, которые касаются социокультурных феноменов, иллюстрируют жизненные ценности, а также указывают на климатические особенности ближневосточного региона. Разумеется, столь небольшое число выбранных переходов ограничено предусмотренным форматом публикации, и несколько не умаляет безграничного языкового потенциала семитских языков. Исследование демонстрирует, что значения семитских слов нередко отражают особенности (кочевого) образа жизни древних семитов [Plassmann 1942: 120] и их быта, который на протяжении тысячелетий оставался практически неизменным.

Знак → обозначает направление семантического перехода от значения А к значению В.

1. PS **dabr* ‘гора’ → ‘монастырь’; ‘граница, территория’

Принято считать, что корень **dabr-* [Kogan 2015: 117] является общесемитским с предполагаемым исходным значением ‘открытая местность’ (ср. еврейское *midbār* ‘пустыня, степь’ [HALOT 547]). Среди семитологов есть тенденция сопоставлять его с западносемитским корнем **dbr*, который связан со значениями ‘спина’, ‘отворачиваться’ и т.п. [Plassmann 1942: 120 с подробной эволюцией значений] (ср. арабское *dabara* ‘быть позади’ [Lane 845] и еврейское *dbr* ‘возвращаться’ [HALOT 209])¹.

Семантическая связь между значениями ‘гора’ и ‘монастырь’ может быть объяснима тем, что, как правило, монастыри располагались на возвышенностях [CDG 121]. В эфиосемитских

¹ Ср. SED I No. 46 с отказом от такой теории и Kogan 2015: 221 п. 663 об отсутствии этимологической преемственности арб. *dubr-* ‘спина’ и гэз *dabr-* ‘гора’.

языках монастыри до сих пор традиционно называются по формуле *dbr* ... букв. 'гора (название)'. Можно сказать, что это частный случай лексикализации.

Плассманн полагает, что мотивацией к данному переходу послужило промежуточное значение 'граница': в амхарском и языке тигре слово *dänbär* [AED 1799; WTS 531] в том числе относится к сакральным вещам, таким как храмы и монастыри (идея священного места, отделенного от светского пространства) [Plassmann 1942: 123]. При этом, значение 'гора' в амхарском и ряде других эфиопских языков, по его мнению, развилось из идеи округлости (если принимать возможную связь с **dbr* 'поворачиваться спиной'): форма горы напоминала спину человека (ср. нем. *Bergrücken* 'горный хребет' и рус. *горный хребет*). В геэзе слово *dabr* и вовсе стало базовым экспонентом для выражения значения 'гора, горный регион' [CDG 121], при этом, также имея значение 'монастырь' (ср. *dabara* 'возводить монастырь')².

Примечательно, что в ряде западносемитских языков дериваты корня **dbr* приобрели значение 'поле': арабское *dabr* 'участок возделываемой земли, отделенный от прилегающих частей поля' [Lane 845], еврейское *dober* 'пастбище', арамейское *dabrā* 'пастбище, поле', сирийское *dabrā* 'поле' и *debar* 'пастыба'. Спекулятивно можно полагать, что оно развилось из идеи передвижения ("возвращения") скота, т.е. выпаса, и пахоты земли при помощи тягловых животных [Plassmann 1942: 125].

2. **Amh. *meraḳ* 'слюна' → *märräḳä* 'благословлять'**

Переход 'слюна' -> 'благословлять' является одним из наиболее специфичных в данном списке. Он связан с тем, что среди народов Эфиопии распространена особая традиция плевать в сторону человека или предмета с целью его благословления [Appleyard 1977: 57]. В языке оромо, представители которого являются самой большой этнической группой региона, слово *tufa* обозначает доброе пожелание, которое сопровождается не-

² Примечательно, что у слова также есть значение 'граница', однако формы множественного числа при этом разные: *dabr* 'гора; монастырь' : ?*adbār* vs. *dabr* 'граница' : *dabrät/däbrät*.

большим плевком в сторону благословляемого человека или предмета [Da Thiene 1939: 323]. В амхарском языке глагол *märräkä* ‘благословлять’ является деноминативным от существительного со значением ‘слюна’ (*merak*). Он также может выступать одним из экспонентов для выражения значения ‘плевать’ [AED 180]. Обе лексемы образованы от общесемитского корня **rk* ‘плевать’ [SED I No. 81_v; Kogan 2015: 121]³. В амхарском существует также такое понятие, как *märraqi* (букв. ‘благословляющий’). Этим словом называют старшего родственника со стороны невесты, который во время свадебной церемонии должен благословить ее брак и дать какое-либо напутствие на будущее. Поскольку официальная Церковь в Эфиопии является православной, напрашиваются аналогии с приписыванием магических свойств слюне в культуре славянских народов. Например, в России до сих пор принято плевать через левое плечо, чтобы отвести сглаз или беду.

Статус *materia magica* слюна имеет также и в исламе, что отражено, например, в своде т.н. *фикхов*, норм поведения, принятых в мусульманском обществе. Так, одно шариатское заклинание гласит, что когда человек жаловался на что-либо или у него была язва или рана, Пророк касался указательным пальцем земли, затем поднимал его и говорил: “С именем Господа! Земля нашей страны — вместе со слюной (*birīqa-*) кого-нибудь из нас, — и будет исцелён наш больной с дозволения нашего Господа!”. В исламских исторических хрониках (*хадисах*) говорится о благословлении мусульман слюной пророка Мухаммада: “Пророк попросил чашу с водой, омыл в ней руки, лицо, прополоскал рот и выплюнул воду в чашу, а затем сказал нам: Пейте из чаши и омойте этой водой ваши лица и грудь!” [Сахих Бухари IV: 187].

³ Корень реконструируется как биконсонантный с различными триконсонантизирующими приращениями (b или m) в отдельно взятых языках [Kogan 2015: 121 n. 345].

3. PWS *znq ‘сжимать, делать узким’ → ‘улица’⁴

Переход представлен единственной реализацией в арабском языке: от глагола *zanaqa* ‘сжимать, ограничивать’ образовано существительное *zanqa*- ‘улица’ [Wehr 445]. Лексема присутствует и в морокканском арабском *zenqa* с тем же значением [A Dictionary of ... : 245]. Предполагается, что аккадское слово *sūqum* ‘улица’ с неясной этимологией [CAD S 400] могло бы восходить к корню *znq с последующей ассимиляцией n к q (> *zqq). Арабское прилагательное *ḍayyiq*- ‘узкий’ тоже принято считать этимологически связанным с данным корнем (ср. также акк. *sūqum* ‘узкий’).

В типологической перспективе такой переход может объясняться тем, что для восточных городов (например, современного Иерусалима или древнего Ура) характерна плотная домовая застройка, жилые дома располагаются довольно близко друг к другу. В связи с этим, улицы, которые формировались посредством такой застройки, были очень узкими.

4. PWS *ḥmš ‘пять’ → ‘четверг’

Порядковое числительное ‘пятый’ в еврейском (*ḥāmīšī*) и классическом арабском (*ḥamīs*-) использовалось в качестве обозначения четверга, буквально означая ‘пятый день (недели)’: *uḅm ḥāmīšī* [HALOT 331] и *uawmu l-ḥamīs-i* (ср. *ḥamīs-u l-fiṣḥ-i* ‘(рел.) Чистый Четверг’) [Lane 811]. Такая же номинация применяется и в современных еврейском и арабском [Kogan 2009: 73]. Связан такой переход с авраамической религиозной традицией вести начало недели с воскресенья, т.к. согласно священным текстам (в частности, Библии), воскресенье является главным днем недели, когда Господь после шести дней сотворения мира “почил от всех дел Своих” [Быт. 2:2]. Разумеется, остальные дни недели называются по такому же принципу: второй день соответствует понедельнику, третий день – вторнику, среда считается четвертым днем и т.д.

Примечательно, что эта традиция до сих пор сохранилась и в ряде современных европейских языков, чьи носители принад-

⁴ Ср. переход PWS *rḥb ‘быть широким’ → PWS *rahbat ‘открытое место’ → мехри *rəḥbēt* ‘город’ [Kogan 2015: 95].

лежат к христианскому миру (ср. греч. Πέμπτη, португ. *Quinta-feira*, исланд. *Fimmtudagur* и др).

5. PS *bʕ, *kny ‘владеть, обладать’ → ‘скот’

В современных южноаравийских языках корень *kny, который является рефлексом празападносемитского корня *kny ‘владеть, обладать’ (ср. еврейское *qānā* ‘обладать’ и *miqnā* ‘скот’ [HALOT 628], арабское *qanā* ‘владеть; приобретать (верблюдов)’ [Lane 2094]), имеет значение ‘кормить, вскармливать; выводить потомство (о животных)’: мехри *ḵənū* [ML 233], джиббали *kny* [JL 147], сокотри *ḵáne* [LS 377] и *ḵénho* ‘скот; имущество’ [LS 378]. В каком семантическом отношении находятся оба этих значения, не совсем ясно (ср. [SED I No. 83], где предполагается контаминация с прасемитским *ynḵ ‘сосать; кормить молоком’, рефлексов которого не засвидетельствовано в южно-аравийских языках). Однако, в любом случае такой семантический переход является уникальным для семитских языков [Kogan 2015: 89 п. 267]. Возможные семантические приближения могли бы находиться в поле таких значений, как ‘создавать’, ‘порождать’, ‘производить’, отмеченных в угаритском и ханаанейском, а также арабском [Kogan 2015: 561 п. 1464].

Такое же семантическое развитие можно наблюдать и на примере другого общесемитского корня *bʕ ‘владеть, обладать’ [Kogan 2011: 237]. В аккадском общем термином для выражения таких значений, как ‘хозяин’, ‘господин’ и ‘владелец’, выступает слово *bēlu* [CAD B 191], производное от глагола *beʾālu* ‘править; управлять’ [CAD B 199]. Дериватом от этого же глагола является слово *būlu* ‘скот, домашние животные; стадо (овец и т.п.)’ [CAD B 313], образованное по словообразовательной модели для абстрактных существительных *PuRS-* (**buʕ* букв. ‘обладаемое’).

6. PS *kabid- ‘печень’ → PES ‘внутренний живот (belly)’, Amh. ‘внешний живот, брюхо’ (abdomen)

Эфиосемитское слово **kabd-* ‘живот’ восходит к общесемитскому корню **kabid-* со значением ‘печень’ [SED I No. 141]. В языках геэз и тигринья значения ‘живот’ и ‘печень’ не различаются. В амхарском, напротив, экспоненты для этих понятий разные: слово *hod* (< **kabid-*) обозначает ‘живот’, а слово *gubbät*

– ‘печень’ (с неясной этимологией). Вероятно, такое семантическое расширение на праязыковом уровне может объясняться промежуточным переходом ‘живот’ → ‘внутренность’⁵. Значение ‘внутренний’ для рефлексов прасемитского корня **kabid-* зафиксировано в арабском *kabid-* ‘середина, центр’ [WKAS K 20] и угаритском *kbd* ‘печень; внутренние органы; чрево’ [DUL 424]. При этом, только в эфиосемитских языках прасемитская лексема стала базовым экспонентом для выражения значения наружного живота (абдомина) [Kogan 2015: 445]⁶. Возможно, такое же значение эта лексема имела и в угаритском языке [Rabin 1975: 89]. Как кажется, оно подходит для следующего пассажа: *ybkʿ kbdh w yhd ʾin šmt ʾin ʾtm* ‘он открыл свой живот и увидел: в нем не было жира, в нем не было костей’ [KTU 1.19 iii 24–25]. Если такое предположение верно, семантическое развитие прасемитского корня **kabid-* в угаритском было таким же, как и в эфиосемитских языках [Kogan 2015: 260 n. 725], что расширяет границы типологического сравнения.

7. Arb. *ṭalaġa* ‘идти (о снеге)’ → ‘радоваться’

Данный переход стал возможным благодаря особенностям климата Аравийского полуострова: этот регион получает крайне малое количество осадков [Козырева 2016: 213]. Выпадение снега до сих пор воспринимается народами Ближнего Востока как феномен. Разумеется, это нашло отражение и в языке. Прасемитский корень **ṭalg-* [Kogan 2011: 194] с базовым значением ‘идти (о снеге)’ в ходе семантического развития приобрел значение ‘радоваться, испытывать счастье’. Иллюстрацией данного семантического перехода служит арабский глагол *ṭalaġa* [Lane 349]: ср. *ṭalaġ-ati s-samāʿu* ‘С неба пошел снег’ и *ṭalaġ-at*

⁵ В аккадской культуре печень считаласьместилищем эмоций и центром жизненных сил человека. Единственным рефлексом прасемитского корня в аккадском является слово *kabattu* (*kabtatu*, *kabittu*) с переносным значением ‘эмоции, мысли, разум, сознание, дух’ [CAD K 11]. В какой степени оно применимо к чисто анатомическим контекстам, не ясно [Kogan 2015: 32].

⁶ Единственную, при этом загадочную, параллель составляет выражение *kabattum-ma* ‘на животе’ из Амарнского архива [CAD K 14].

nafsī ‘Моя душа успокоилась, нашла покой (или радость)’. Та же полисемия имеет место и в производной (четвертой) породе от этого глагола: ср. *ʔatlaḡ-ati l-ʔarḏu* ‘Земля была заснежена, покрыта снегом’ и *mā ʔatlaḡ-anī bi-haḏā l-ʔamr-i* ‘Как я рад этому событию!’ [Lane 350].

8. PS **rāḥ-at-*, **riḥ-at-* ‘ладонь руки’ → ‘веялка’

Следующий переход мотивирован внешним сходством объектов. Древнее приспособление для провеивания зерна – веялка – представляло собой в простейшем виде деревянную лопату или большой совок. По форме и внешнему виду оно очевидно было похоже на кисть руки вместе с ладонью.

Лексема происходит от прасемитского корня **rāḥ-at-*, **riḥ-at-* ‘ладонь руки’ [SED I No. 148] и присутствует в большинстве семитских языков: аккадское *rittu* [CAD R 383], угаритское *rḥt*, арабское *rāḥat-* [Lane 1181], геэз *ʔərāḥ*, мехри *rəḥāt*, джиббали *irḥāt*, сокотри *rīḥoh*. В значении ‘веялка’ эта лексема реализуется в древнееврейском и засвидетельствована уже в Библии: *wā-hā-ʔālāpīm wā-hā-ʔāyārīm ʔōbdē hāʔādāmā bālīl ḥāmīš yō(?)kēlū ʔāšār-zōrā bā-raḥat wū-ba-mmizrā* “И волы, и ослы, возделывающие поле, будут есть корм соленый, очищенный лопатой и веялом” [Ис. 30:24]. Вероятно, из еврейского это слово в том же значении было заимствовано в арамейский: *riḥātā* и *raḥat* [Jastrow 1996: 1470].

9. PS **ʔkl-* ‘есть; еда’ → PES **ʔVkl-* ‘зерно, злаки’

Вероятно, переход обусловлен ролью злаковых культур в жизни древних семитов (в частности, населения Древней Месопотамии – шумеров, аккадцев и вавилонян): в основу их рациона входили продукты, полученные путем переработки зерна (хлеб, мука, пиво). Зерно было неотъемлемой частью торговли и экономики региона. Главной злаковой культурой в Древней Месопотамии (Ассирии, Вавилонии и Хеттской державе) был ячмень (шум. *ṣE*, акк. *euūt*), который использовался в качестве денежного средства [Козырева 2016: 465].

Прасемитский корень **ʔkl* является базовым экспонентом для выражения значения ‘есть, потреблять пищу’ [Kogan 2011: 238; Kogan 2015: 446]. В своем базовом значении он сохранился в аккадском *akālu* [CAD A₁ 245f.], еврейском, сирийском и араб-

ском *ʔkl* [HALOT 46; LSyr. 17; Lane 71]. В эфиосемитских языках данный корень сохранился лишь в качестве существительного *ʔakl* ‘еда, хлеб, злаки’: геэз *ʔakl* [CDG 15], тигре *ʔakəl* [WTS 376], тигринья *ʔakli* [TED 1503], амхарский *əhəl* [AED 1091]. Это позволяет сравнивать его с аккадским отглагольным существительным *akalu* ‘хлеб’ [АНw. 26], а также сабейским и минейским *ʔkl* ‘зерно, еда’ [SD 4; LM 4].

Сокращения изданий словарей:

- A Dictionary of ... – R. S. Harrell, T. Fox, M. Abu Talib. A Dictionary of Moroccan Arabic (1974)
 AED – T. L. Kane. Amharic-English Dictionary (1990)
 АНw. – W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch (1965–1981)
 CAD – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago (1956–2010)
 CDG – W. Leslau. Comparative Dictionary of Geʿez (Classical Ethiopic) (1987)
 DUL – G. del Olmo Lete, J. Sanmartín. A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition (2003)
 HALOT – L. Koehler, W. Baumgartner, J. J. Stamm. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament (1994–2000)
 Jastrow – M. Jastrow. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature (1996)
 JL – T. M. Johnstone. Jibbāli Lexicon (1981)
 KTU – M. Dietrich, O. Loretz, J. Sanmartín. Keilschriftliche Texte aus Ugarit (2013)
 Lane – E. W. Lane. Arabic-English Lexicon (1867)
 LM – M. Arbach. Le maḏābien: lexique, onomastique et grammaire d’une langue de l’Arabie méridionale préislamique (1993)
 LS – W. Leslau. Lexique Soqotri (1938)
 LSyr. – C. Brockelmann. Lexicon Syriacum (1928)
 ML – T. M. Johnstone. Mehri Lexicon (1987)
 SED I – A. Militarev, L. Kogan. Semitic Etymological Dictionary. Vol. 1. Anatomy of Man and Animals (2000)
 SD – A. F. L. Beeston, M. A. Ghul, W. W. Müller, J. Ryckmans. Sabaic Dictionary (English–French–Arabic) (1982)
 TED – T. L. Kane. Tigrinya–English Dictionary (2000)
 Wehr – A Dictionary of Modern Written Arabic (1979)

- WKAS – M. Ullmann. Wörterbuch der klassischen arabischen Sprache (1957–)
WTS – E. Littmann, M. Höfner. Wörterbuch der Tigre-Sprache (1956)

Сокращения названий языков и языковых прауровней:
Amh. – амахарский, Arb. – арабский, PS – прасемитский, PES – правос-
точноесемитский, PWS – празападносемитский

Литература

- Вежбицкая А.* Понимание культур через средство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Герд А. С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-ое изд. исправл. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
- Козырева Н. В.* Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.). — СПб.: Контраст, 2016.
- Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Appleyard D.* A Comparative Approach to the Amharic Lexicon. Afroasiatic Linguistics. 1977. № 5, 1–67.
- Bartmiński J.* Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. — Sheffield and Oakville. — CT: Equinox, 2009.
- Humbert P.* Opuscules d'un hébraisant. Neuchâtel, 1958.
- Hunt E., Banaji M. R.* The Whorfian hypothesis revisited: A cognitive science view of linguistic and cultural effects on thought // Indigenous Cognition: Functioning in Cultural Context. NATO ASI. 1988. № 4, 57–84.
- Kogan L.* Genealogical Classification of Semitic. Boston/Berlin, 2015.
- Militarev A., Kogan L.* Semitic Etymological Dictionary. Vol. 1. Anatomy of Man and Animals. Münster, 2000.
- Plassmann T.* Notes on the stem d-b-r. The Catholic Biblical Quarterly. 1942. № 4/2, 119–132.
- Praetorius F.* Die amharische Sprache. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1879.
- da Thiene G.* Dizionario della lingua galla. Harar: Vicariato apostolico, 1939.

А.А. Корчуганова

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва
ankor-01@mail.ru

И.Б. Котеняткина

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, Москва
koteniatkina@gmail.com

**Маринизмы в испанском языке:
путешествие во времени и пространстве**

Полинациональный испанский язык с давних пор привлекает внимание исследователей, в том числе интересующихся феноменом межвариантной полисемии. Маринизмы – отдельный пласт лексики, представляющий особый интерес в связи с семантическими трансформациями. Так, многие слова, ранее имевшие отношение исключительно к морскому делу, со временем перешли в разряд общеупотребительной лексики. Как отмечают отечественные и зарубежные лингвисты, лучше всего характеризуют лексический состав латиноамериканских вариантов испанского языка именно маринизмы, будучи результатом многолетнего культурного обмена между теми, кто во времена великих географических открытий осваивал земли Нового Света, и теми, кто доставлял их туда – «людьми моря».

В силу особенностей географического расположения Испании было уготовано стать одной из наиболее могущественных морских держав в истории [Godoy Urzúa 1995: 193–194]. Колонизация территории по другую сторону океана позволила ей выстроить настоящую империю, где была налажена коммуникация

морским путём. Освоение новых земель происходило в разном темпе и с разной интенсивностью, в зависимости от ландшафта и степени дружелюбия местного населения в том числе. Среди переселенцев были жители различных областей Испании, однако они попадали в Америку не сразу: сначала около года проводили в андалузских портах, ожидая своей очереди и контактируя с моряками – преимущественно выходцами из южных регионов Испании, и только потом отправлялись в продолжительное плавание (как правило, длившееся более 40 дней), после чего оставшуюся жизнь чаще всего проводили в прибрежных городах. Там же происходил активный (и эффективный) культурный и языковой обмен между «людьми моря» и колонизаторами из разных уголков Иберийского полуострова и Канарских островов [Buesa Oliver, Enguita Utrilla 1992: 181; Садиков 2014: 53–54].

Таким образом, жизнь как Испании, так и новых испанских колоний была связана с морским делом, что отразилось на мышлении и традициях населения. В основу варианта испанского языка, формировавшегося в Латинской Америке, лёг андалузский диалект с примесью большого количества жаргонизмов из разных профессиональных областей, в первую очередь – морского дела, центром которого с XV в. являлась уже не сама Испания, а порты Нового Света, например, Санто-Доминго [Martínez 1982: 19]. Постепенно лексика, изначально обслуживавшая морскую сферу, от портов и побережий «продвинулась» вглубь континента, где посредством семантических переходов изменилась и закрепилась в вокабуляре представителей разных классов и профессий. Безусловно, важную роль в этом процессе сыграло распространение некогда исключительно морской терминологии на сферу речного судоходства, которым занимались во внутренних районах материка [Frago Gracia 2008: 79].

Иными словами, если изначально морская терминология использовалась исключительно моряками, будучи неотъемлемой частью их профессионального жаргона, то со временем маринизмы постепенно стали приобретать более широкое значение во всем испаноязычном мире, однако большая часть из них активно функционирует именно в вариантах испанского языка Латинской Америки (подробнее см. [Alba 1991; Buesa Oliver,

Enguita Utrilla 1992; Frago Gracia 2008; Садиков 2013]). Некоторые из морских терминов, будучи общеупотребительными словами в современном испанском языке, являются яркими примерами межвариантной полисемии, согласно классификации лексико-семантических особенностей испанского языка Латинской Америки [Фирсова 2007: 330–331]. Данное явление проявляется в том, что ряд бывших маринизмов претерпел семантическую эволюцию, в результате которой приобрёл неодинаковое значение на разных временных срезах и в разных странах испанской речи. Что вполне естественно, т.к. в процессе расширения сферы употребления какого-либо слова, при переходе из социального диалекта (в данном случае – социолекта моряков) оно «теряет некоторые компоненты значения, безразличные для большого сообщества, приобретает более высокую степень абстракции» [Садиков 2013: 172].

Интересно проследить изменения, которые претерпели маринизмы в сфере общеупотребительной лексики. Рассмотрим подробнее некоторые из них, обратившись к «Словарю испанского языка» (*Diccionario de la lengua española*), фиксирующему, в первую очередь, общеиспанскую лексику, и «Словарю Американизмов» (*Diccionario de Americanismos – DA*), который отражает особенности употребления лексических единиц в той или иной стране Латинской Америки. Проведённый анализ показал, что у данных лексических единиц не только сохранилось значение, связанное с морским делом, но и увеличилась область применения вследствие расширения их толкования и распространения на иные виды деятельности. Кроме того, в странах Латинской Америки их употребление, в некоторых случаях, ушло от первоначального значения. Обратимся к примерам.

Изначально глагол *abarrotar* использовался в значениях ‘закрепить груз балками’¹ и ‘загрузить корабль полностью’. Они сохранились в DLE и по сей день (значение 4 и 5 соответственно, с пометой *Mar*»). Однако первые два значения ‘закрепить

¹ Здесь и далее для перевода толкований использовались испанско-русские словари интернет-сервиса Academic.ru (<https://translate.academic.ru/>).

что-то балками' и 'заполнить полностью какое-либо пространство людьми или предметами' указывают на расширение сферы употребления данной лексемы. В то же время, в ДА помимо значения 'заполнить товарами магазин', характерного для Гватемалы, Кубы, Венесуэлы, Боливии, Аргентины и др., мы находим следующий вариант использования на Кубе: «Hartarse alguien de comida, llenarse» ('объесться, наесться досыта').

Amarrar в качестве морского термина использовался в значении 'пришвартовать, причалить, стать на якорь', которое в настоящее время занимает вторую позицию в ДЛЕ. Первое же значение представляет собой результат «эволюции» жаргонизма, закрепившийся в обиходе и в дальнейшем кодифицированный в качестве общеиспанского – 'привязать что-либо и закрепить с помощью веревок, канатов'. В странах Латинской Америки (Мексика, Гватемала, Куба, Никарагуа, Колумбия, Боливия и др.) данный термин закрепился в сфере личных отношений, получив значение 'приворожить кого-либо' (Conseguir alguien el amor de una persona mediante hechizo). Среди прочих любопытно также появление значения 'напиться, опьянеть' в Мексике, Доминиканской Республике, Колумбии, Аргентине.

Botar в силу расширения первоначального значения 'повернуть штурвал, чтобы выровнять курс' и 'спускать судно на воду' стал использоваться и в иных контекстах – появилось общеиспанское толкование 'бросать, выталкивать кого-либо или что-либо'. В словаре американизмов указаны и более узкие варианты значения: например, на Кубе, в Мексике, Аргентине и множестве иных стран – 'уволить кого-либо'. Также отметим толкование, связанное с финансами: 'растратить, растратить' (Мексика, Гондурас, Коста-Рика, Куба, Эквадор и др.) и 'оставить, покинуть что-либо или кого-либо' (Перу, Чили).

Rebunque изначально 'короткий канат, трос'. Впоследствии данное существительное приобрело значение 'кнут, хлыст, которым наказывали каторжников'. В то же время, согласно ДА, в странах Латинской Америки (Мексике, Никарагуа, Панаме, Венесуэле, Перу, Аргентине и др.) так стали называть и кнут, которым погоняют лошадь (Látigo grueso usado por el jinete).

Любопытно, что некоторые лексемы сохранили в качестве основного значение, связанное с морским делом. Так, например, *zafar* изначально ‘развязать, распустить узел, снасть’, а также ‘расчистить, освободить’. Однако в DLE первое определение хотя и имеет помету *Mar.*, его формулировка указывает на расширение сферы употребления – ‘устранить препятствие’. Общеиспанскими являются также значения ‘уклониться’, ‘отказаться от чего-либо’. В то же время во множестве стран Латинской Америки (Мексика, Никарагуа, Куба, Пуэрто-Рико и др.) данное слово используется в возвратной форме, в смысле ‘вывихнуть себе что-либо’, а также ‘самоустраниться’. Помимо этого, также распространилось употребление в значении ‘уронить что-либо’ и ‘сделать или сказать что-то неуместное’ (например, в Гондурасе, Никарагуа, Панаме, Пуэрто-Рико, Уругвае).

Как указывает Х.А. Фраго Грасиа, изменение значения морских терминов, возникновение множества случаев полисемии, а также их употребление в переносном смысле служит подтверждением тому, что многие маринизмы стали активно использоваться жителями Латинской Америки в сферах, не имеющих отношения к морскому делу [Frago Gracia 2008: 76–77].

Итак, проведённый анализ позволяет сделать вывод, что маринизмы не только не утратили своей актуальности, но и перейдя в разряд общеупотребительной лексики, заняли особую нишу, сохранившись в испанском языке. Их активное использование в различных сферах деятельности, не связанной с морским делом, является отличительной чертой испанского языка стран Латинской Америки. Однако наблюдаются различия в распространённости маринизмов на этих территориях: если некоторые из них сохранились в употреблении во множестве стран благодаря приобретённой многозначности, то другие характерны только для определённого региона в силу противоположных трансформаций, которые привели к сужению значения.

Подводя итог, отметим, что «взаимное влияние экстра- и интралингвистических факторов приводит к семантическим изменениям, а эволюция общеиспанских и панамериканских языковых средств воплощается в универсальных процессах: семантической дивергенции, расширении / сужении значения, разви-

тии дополнительных смыслов и коннотаций» [Чеснокова 2006: 21], что позволяет нам предположить, что некогда профессиональная морская терминология не только сохранится в испанском языке, но и продолжит эволюционировать, занимая всё больше места среди общеупотребительной лексики.

Литература

- Садиков А.В.* Испанский язык сквозь призму лексики: Лексикология испанского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
- Фирсова Н.М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. Учебное пособие. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
- Чеснокова О.С.* Испанский язык Мексики: языковая картина мира: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. .
- Alba O.* Vigencia y Significación Sociolingüística de los Marinerismos en el Español Dominicano de Santiago // El Español de América. Actas del III Congreso Internacional de El Español de América. Valladolid: Junta de Castilla y León – Consejería de Cultura y Turismo, 1991, 1091–1100.
- Buesa Oliver T., Enguita Utrilla J.M.* Léxico del español de América: Su elemento patrimonial e indígena. Madrid: Editorial MAPFRE, 1992.
- Diccionario de americanismos // Asociación de Academias de la Lengua Española. 2024. URL: <https://www.asale.org/damer/> (26.07.2024).
- Frago Gracia J.A.* Marinerismos de tierra adentro. Del Río de la Plata a México // Boletín de Filología. 2008. № 43, 63–82.
- Godoy Urzúa H.* La cultura y la conciencia marítima en España y en Chile. Valparaíso : Universitarias de Valparaíso, 1995.
- Martínez M.* La influencia del mar en el vocabulario del Caribe // Thesis. Nueva Revista de Filosofía y Letras. 1982. № 12, 19–23.
- Real Academia Española: Diccionario de la lengua española, 23.ª ed., [versión 23.3 en línea]. URL: <https://dle.rae.es/> (26.07.2024).

К.С. Кравцов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт общей физики им. А. М. Прохорова РАН
НИУ «Высшая школа экономики», Москва
ks.kravtsov@gmail.com

М.В. Турилова

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва
mariaturilova@mail.ru

**Семантические переходы
в лексико-семантическом поле «Безумие»**

В настоящее время признается актуальным сравнительно-исторический метод исследования лексики различных языков. В сочетании с корпусным и сопоставительно-типологическим методами он применяется в недавних статьях и новейших диссертационных работах, например диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук Н. В. Мальшевой «Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты)» (защита планируется 19 ноября 2024 г. в Институте языкознания РАН) ¹.

В статье представлен обзорный комментарий к семантической структуре лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке в сопоставлении с другими языками. Результаты исследования этого лексико-семантического поля публиковались нами в дипломной и диссертационной работах Туриловой М. В. [Турилова 2005, 2010], различных статьях и материалах конфе-

¹ https://iling-ran.ru/web/index.php/ru/news/240708_dissovet.

ренций в 2006–2024 гг. Мы не будем снова перечислять типы мотивации и этимологические решения, которые были опубликованы нами ранее. Показана потребность в современных научных этимологических словарях различных языков.

Сопоставление мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке с материалами других языков (по данным «Словаря некоторых синонимов в основных индоевропейских языках» К. Д. Бака и других) показывает, что на разных этапах развития русского языка в поле были представлены все указанные Баком семантические переходы, кроме следующих: ‘изогнутый’ → ‘сумасшедший’ (лтш. *traks* букв. ‘изгибаться’), ‘мехи’ → ‘болтун’ → ‘глупец’ (фр. *fou* < лат. *follicis* ‘мешок, мехи’, в вульг. лат. ‘болтун’ > ‘глупец’), ‘надутый’ (санскр. *vātula-*, *vātūla-* ‘ветряной, надутый ветром’ < *vāta-* ‘ветер’, *vā-* ‘надувать’), ‘вдохновленный’ (гот. *wōþs* ‘вдохновленный’, лат. *vātēs* ‘поэт, провидец’, авест. *dāθa-* ‘имеющий озарение’ < авест. *dī-*, *dā-* ‘видеть’, санскр. *dhī-*, *dhyā-* ‘представлять, медитировать, думать’). Этот список, конечно, может быть дополнен и уточнен новыми фактическими данными. Выходит множество научных отечественных и иностранных словарей и научных работ. Например, этимологию цыган. *бигодякиро* ‘безумный, сумасшедший’ (см. словарь 1938 г. и составленный на его основе словарь В. Шаповала 2009 г.) нам установить не удалось.

В настоящей работе реконструирован праславянский словарь ЛСП «Безумие» по данным славянских языков (по материалам «Этимологического словаря славянских языков» О. Н. Трубочева и другим), указаны диалектизмы.

1. Пространственные представления, движение: ‘выйти’ (**jъzuměti* (*se*), **jъzumiti* (*se*)); ‘потерять путь, заблудиться’ (**blęsti*, **blędō*, **blōdъ*), ‘мешать, путать’ (праслав. **mōtiti* (*se*), **mōta*, **mōтъ*, **mōть*, (болг., словин.), **měšati* (*se*)).

2. Негативные характеристики человека; количественные и качественные характеристики его ума.

2.1. ‘Отсутствие (ума)’ (*bezgluzdъ(jъ)*, **bezgolъ(jъ)*, **bezmozgъ(jъ)*, **nesъmyslъ(jъ)*, **nesъvēstъ* (южнослав. диал.) < **nesъvēdtъ*, **nesъvēstънь(jъ)*; **bezumъ*, **bezumъje*, **obbezuměti* (*se*)).

2.2. ‘Нецелый, имеющий недостаток, изъян’: ‘отнимать от целого, повреждать’ (**lixъ(jь)*) (сербохорв., болг.), **lišiti (sę)* (рус.), ‘пустой’, ‘поврежденный’ (**dur-*, **pust-* (**pustъ(jь)*), **prost-* (**prostъ(jь)*), **suj-*, **sujъ(jь)*), **šutъ(jь)*).

2.3. ‘Слабый, вялый’: **тъldn-* (южнослав. диал.), ‘нездоровый, негодный, неудачный’ (прич. **nedotavъ* < **taviti* ‘кормить’ (с.-хорв. диал.), **neradъnъ(jь)* < **neraditi*).

2.4. ‘Глупый’ → ‘сумасшедший’: западнослав. диал. в **glup-* (**obglupěti*, **obglupiti*) с первичной семантикой ‘закрытый’ (тж. **glum-* < **glux-*).

3. Враждебное воздействие.

3.1. Сумасшествие как следствие физического воздействия: в этимологических гнездах **derti* (**durъ*, **durъnъ(jь)*, **obdurěti*, **obduriti sę* и др.), **guliti* ‘драть’ (сербо-украинская изоглосса — сербохорв. диал. *năгула* ‘придурковатый, слабоумный, безумный человек’, укр. *гулавий* ‘сумасшедший’), **šalъ(jь)* (**šalěti*, **šaliti*, **šalěnъ(jь)*), **šelmъ* (**obšalomъtiti (sę)*, **obšalomъtěti* (диал. рус., блр., сербохорв.) < **šalo-* и **mъt-*, экспресс. **obšelmiti* ‘лишить способности ясно воспринимать окружающее’ < ‘ударить обухом топора’); ‘ломать, повреждать’ → ‘лишать рассудка’: **verdъ*, **verditi sę*, **veržati sę*).

3.2. Приведение в измененное состояние сознания, искажение восприятия другого человека: в гнездах, восходящих к и.-е. **ma-* ‘махать рукой, кивать украдкой’ → ‘морочить кого-л., обманывать, приманивать’ с суффиксальными расширениями, диалектные изоглоссы: праслав. **maxati*, **tamiti* (**tama*, **tamidlo*, **tamilo*), **matъ*, **matъnъ(jь)*, **ъjъztamiti*, **obtamiti*, **obmatъ/ь*, **manъ* (восточнослав. **mana*), **mara* (**mara*, **mariti (sę)*, **obmariti*; позже продолжения праслав. **komariti (sę)* (польск. диал.) и **občemerěti* (укр., блр.), **občemeriti sę* (ст.-слвц.): ‘махать рукой’ → ‘морочить, нарушать восприятие’.

‘Мерцать (о свете), темнеть’, ‘мерещиться’: **blazniti sę* (южно- и западнослав. диал. **blaznivъ(jь)*), **čuditi sę*, **čutiti sę*, **děkati sę*, **grěžiti sę*, **glumiti*, **kazati sę*, **kъrziti sę*, **maniti*, **melviti*, **mitusiti sę*, **тъčъtati sę*, **тъniti sę*, **тъdъbliti sę*, **тъstiti sę*, **šavěti sę*, **timiti sę* (**тъmiti*, **těmiti*, **tomiti*), **videti sę*, дериваты **mrk’ti* (**morčiti*, **morčati*, **obmorčiti*, **morčiti (sę)*,

obmorčiti (sę), *morkъ, *morka*). В связи с описанием ритуального шаманского действия объединяются значения ‘кивать головой, засыпать’, ‘мигать’, ‘темнеть’, ‘мелкий частый дождь’, ‘сверкать, переливаться (о свете)’, ‘понимать, знать’, ‘бредить’, ‘призрак’, ‘обман’, ‘беспамятство’. И, наоборот, значение ‘мерещиться’ в связи с обозначением световых колебаний (čuditi sę, *glumiti*) может развиваться вторично на основе семантики измененного состояния сознания.

3.3. ‘Владеть, обладать (о враждебных силах)’ → ‘сводить с ума’: **běsъ, *běsěti, *běsiti (sę), *běsъnъ(jъ), *běsovati, *běsъněti, *běsъnovati*, враждебное воздействие беса — ‘пугать’ (лит. *baidyti* ‘пугать’, *baisá* ‘страх’ к и.-е. **bhoidh-* < **bhoi-* ‘бить, бой’, русское *бояться*).

4. Болезнь, нарушенное восприятие.

4.1. Праслав. южнослав. диал. *nesъdorъ(jъ)*.

4.2. ‘Отравить’: восточнослав. диал. праслав. **obzeliti (sę), *obzель, *obzель*.

4.3. Семантика потери сознания: праслав. **nepritonъnъjъ*.

4.4. ‘Не чувствовать’: восточнослав. диал. **nečъvenъje / *nečevenъje* < **čeviti / *čevěti* от **čiti*.

4.5. Нарушенное зрительное восприятие: праслав. **obslěpl(j)enъje*.

4.6. ‘Цепенеть, стать неподвижным, неметь’: праслав. западнослав. диал. **obtorъ, *obtorъ, *obtorpa* с **torp-* ‘цепенеть, застывать’, ‘страдать, длиться’.

4.7. ‘Немой, не говорящий’ < ‘вялый, слабый’: **muniti (sę)* ‘грязнить’ > ‘чахнуть’, ‘обманывать’, праслав. **mun’a* ‘немой’, ‘дурак’; ‘бред, бессвязные речи, бормотание’ — **belnъ / *belna*.

5. ‘Странное поведение’.

5.1. Исконная семантика ‘расти, становиться сильным’, ‘буйствовать, бушевать’ в этимологическом гнезде **bujъ(jъ)* в сочетании с семантикой старославянских калек со значением ‘глупость, неразумие, безумие’.

5.2. Отличный от других в роду: праслав. **rodъ* < **o-* ‘не’, **rodъ* ‘род’.

Мотивационная структура праславянского фрагмента поля отличается значительным своеобразием. Большинство семанти-

ческих переходов основано на представлении о враждебном воздействии как причине помешательства. Сумасшествие описывается как повреждение, нецелостность, пустота и связывается с душевным состоянием человека.

Со временем сокращается число мотивационных моделей и их разнообразие — всего в русском языке представлено более 60 мотивационных моделей, в современном русском сленге продуктивны 5. Семантика ненормальности характеризует скорее современный этап развития языка, наряду с представлениями о физической травме, ударе, психической болезни, состоянии измененного сознания под влиянием одурманивающих веществ. Сумасшествие связывается с интеллектуальной сферой.

Наибольшее число семантических переходов представлено в русских диалектах. Сохраняются все модели, когда-либо представленные в поле (за исключением непродуктивных заимствованных моделей), в том числе все праславянские семантические переходы; лексически фиксируются новые. Есть наслоения разных культурных срезов. Большинство мотивационных переходов связано с языческими верованиями: зооморфные образы, представления о родстве, антропоморфные образы. Христианские представления о безумии как следствии греха или заблуждения почти не отражаются в диалектной картине мира. Религиозно «нейтральная» зона обозначений сумасшествия связана с семантикой восприятия, движения, физического воздействия.

Исследование мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» позволяет реконструировать существенный фрагмент картины мира, связанный с представлениями о человеке.

Мы благодарим Его Высокопреосвященство Митрополита Калужского и Боровского Климента, духовенство Калужской Митрополии, руководство, преподавателей, студентов Калужской духовной семинарии за возможность выполнения, обсуждения, проверки этой работы.

Литература

Мальшева Н. В. Происхождение лексики живой природы: ономастология и этимология (якутский язык и его диалекты). Диссертация

на соискание ученой степени доктора филологических наук. М. : Ин-т языкознания РАН, 2024. В : https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/theses/2024/doct_malysheva_full.pdf (дата обращения: 08.09.2024, доступ свободный).

Турилова М. В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2010.

Турилова М. В. Мотивационные и словообразовательные модели лексики семантического поля «Безумие» в русском языке. Дипломная работа. Каф. рус. яз. филол. ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : МГУ, 2005.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубочева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот, А. Е. Аникина и др. М. : Наука, 1974–2024–. Вып. 1–42–.

Buck, C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. London, 1949.

М.А. Кузина

Московский педагогический государственный университет
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Москва
ma.kuzina@mpgu.su

**Продуктивные модели апелляции:
на примере образования названий тканей
в английском языке**

Актуальность изучения текстильной терминологии обусловлена панхроническим характером динамики триады «материал – одежда – мода». Новизна предпринятого исследования объясняется фрагментарным изучением лексики текстильного производства в целом (Ю.П. Чумакова (1965), Н.П. Владимирская (1968), В.М. Петрунина (1971), Н.А. Баланчик (1992) и др.) и наименований тканей в частности (Носкова З.А. (1989), Штукарева Е.Б. (2001), Тарасова М.В. (2001), В.Е. Храброва и Ю.В. Сергаева (2020) и др.) в английском и русском языках.

В современном английском языке особый пласт текстильных терминов представлен деонимизированными онимами, или онимами, прошедшими процесс апелляции и (частично/полностью) утратившими связь с исходными именами собственными [Кравченко 2004; Тархова 2008; Database of Semantic ... 2002-2024].

Процесс перехода онимической лексики в апеллятивную рельефно прослеживается на примере наименований тканей в английском языке (ряд исследователей указывает, что их число превышает три сотни). Наиболее продуктивными моделями апелляции являются следующие: антропоним > наименование ткани (например, **georgette**/жоржет от имени французской портнихи XX века Жоржеты де ла Планта), топоним > наимено-

вание ткани (например, **calico**/ситец от названия города Калькутта в штате Западная Бенгалия в Индии), этноним > наименование ткани (например, **berber fleece**/бербер-флис от названия коренных жителей Северной Африки, берберов) [Храброва, Сергаева 2020].

В каждой из групп представляется возможным выделение подгрупп, во-первых, с учетом внутренней классификации антропонимов, топонимов и этнонимов; во-вторых, с учетом сохранения/утраты связи с исходными онимами; в-третьих, с учетом наличия/отсутствия семантического сдвига.

Модель, в которой антропоним становится исходной точкой процесса апеллиативации (антропоним > наименование ткани), включает три подвида: антропоним может быть представлен изобретателем оборудования, производных материалов или техники плетения/обработки для изготовления ткани (**bemberg, gobelin, jacquard, mackintosh** и др.), портнихой или портным (**charvet, georgette** и др.), популяризатором ткани (**Aida cloth, Albert cloth, petersham, Prince of Wales cloth, Raschel knit** и др.). Существительное **bemberg** обозначает подкладочную ткань из растительной целлюлозы и хлопка, которая по внешним характеристикам схожа с полуматовым шелком, а по функциональным качествам – с хлопком, что делает его дорогим, но востребованным для пошива мужских костюмов премиум класса (Hugo Boss, Armani, Zegna и др.) [Oxford English Dictionary]. В XIX веке Дж.П. Бемберг, немецкий производитель хлопчатобумажных тканей, разработал и внедрил промышленный способ производства данного материала в Европе. Наричательное существительное **charvet** образовано путем апеллиативации от фамилии французского производителя рубашек Ж.К. Шарве, открывшего первый магазин мужских рубашек нового типа (с особым воротничком, кокеткой на плечах и т.д.) в Париже в 1838 году [Oxford English Dictionary]. Пошив рубашек производился по индивидуальным меркам из шарветной ткани ребристого переплетения, производимой К. Шарве из шелка и ацетата; позже из шарветной ткани стали шить шарфы, халаты и прочее. Текстильный термин **charvet** претерпел два вида семантических сдвигов: во-первых, расширение значения наблюдается в кон-

текстах, когда он служит для обозначения любой мужской рубашки из премиум сегмента (необязательно произведенной по лекалам Ж.К. Шарве, но обязательно сложные с точки зрения плетения волокон); во-вторых, термин подвергся смещению значения (особенно в американском английском) и стал также обозначать определенный вид косых кос в вязании [Oxford English Dictionary]. **Raschel knit** служит для обозначения трикотажа, произведенного по рашель-технологии: в 1800-х годах текстильная промышленность переживает бум попыток сделать производство кружева более быстрым, массовым и дешевым. Одним из результатов этого технологического состязания явилось изобретение рашель-технологии и соответствующих станков: ткань была названа в честь известной французской актрисы Э.Р. Феликс, которая была большой поклонницей кружев и выступала под псевдонимом Mademoiselle Rachel [Oxford English Dictionary]. Позже оборудование и технологии производства совершенствовались в Германии и французский оним подвергся адаптационным изменениям в области фонетики и орфографии, приобретая в итоге форму **Raschel (knit)**.

Модель с топонимом в качестве отправной точки процесса апеллятивации (топоним > наименование ткани) является наиболее продуктивной и включает четыре подвидов: топоним может быть представлен гидронимом (**tweed** и др.), оронимом (**cheviot** и др.), инсулонимом (**Harris tweed, Java canvas, jersey** и др.), административной единицей (деревня (**dungaree, worsted** и др.), город (**Alençon lace, angora, atlas, Banbury plush, Bedford cord, calico, Cordovan leather, damasc, denim, jean, madras, Milanese cloth, muslin, nankeen, osnaburg, tulle** и др.)), графство/район/регион (**argyle, barege, bengaline, cambric, cashmere, duffel, hessian, Mackinaw cloth, organza, Oxford cloth, shantung** и др.)), страной (**broderie anglaise, crepe de chine, Dutch lace (Flemish bobbin lace), Egyptian cotton, Holland cloth, Irish poplin, Morocco leather, Panama cloth, Peruvian Pima cotton, suede, Thai silk** и др.). Интересным представляется прокомментировать словосочетания **broderie anglaise, crepe de chine**, а также имя нарицательное **suede**. Для обозначения английской вышивки (бродери англэз), сочетаю-

щей техники вышивки, ришелье и игольного кружева, используется французский фразовый варваризм, не ассимилированный в формальном плане **broderie anglaise**. Данный варваризм претерпел смещение значения: изначально (в XVIII веке) он обозначал белую ткань с геометризованным растительным орнаментом; в XIX веке вышеописанное кружево стало ассоциироваться с Англией, что способствовало изменению значения текстильного термина, представленного фразой с оттопонимическим атрибутом «английская» [Oxford English Dictionary]. Крепдешин представляет собой вид крепа, одного из самых распространенных шелковых материалов, изготавливаемых из шелка-сырца и нитей крепового кручения. Соответствующий текстильный термин в английском языке представлен варваризмом французского происхождения **crepe de chine**, включающим астионим China. С момента первой фиксации в письменных источниках на английском языке в 1797 году слово претерпело некоторое расширение значения: изначально оно обозначало исключительно плотную шелковую ткань белого (реже другого) цвета, но не черного цвета; в процессе семантического развития крепдешин стал использоваться и для обозначения тканей полного спектра цветов, в том числе из искусственных волокон, но с особым креповым плетением [Oxford English Dictionary]. Существительное **suede** имеет французское происхождение: с середины XIX века оно использовалось в составе словосочетания **gants de Suede**, то есть «перчатки из Швеции», с астионимом. По мере того, как замша стала использоваться для шитья других предметов одежды и обуви (например, **suede shoes**) существительное «перчатки» с соответствующим предлогом стали активно опускаться. Таким образом, название страны (Швеция) подверглось полной апеллятивации, став именем нарицательным, обозначающим ткань/материал [Oxford English Dictionary].

Модель, в которой этноним подвергается апеллятивации (этноним > наименование ткани) не отличается продуктивностью: наиболее активно используются словосочетания **berber fleece** (с названием коренных жителей Северной Африки, берберов) и **sherpa fleece** (с названием потомков тибетцев, проживающих преимущественно в Непале и часто ангажируемыми в ка-

честве высокогорных проводников, шерпа) [Oxford English Dictionary]. Берберовый флис представляет собой мягкий текстильный материал искусственного происхождения с ворсистой структурой; его функционал включает утепление и защиту от влаги, что делает его частью ансамбля с плащом. Шерпа-флис – это полностью искусственная полиэстерная ткань, имитирующая свойства натуральной овчины и преимущественно используемая для изготовления пледов и одеял.

Проанализированный материал исследования позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, за пределами антропонимов, топонимов и этнонимов остались единичные случаи, которые представлены: литературными героями (например, в названии ткани **Bagheera velvet** предположительно задействуется имя говорящей пантеры из «Книги джунглей» (1894) Дж.Р. Кипплинга), названиями известных архитектурных сооружений (например, название ткани **jaconet** происходит от названия храма Jagannath Temple в Индии) и др. [Oxford English Dictionary]. Во-вторых, не более 20% всех исследованных наименований ткани допускают синонимичные названия (основная разница в использовании определяется частотностью употребления), причем эти синонимы могут относиться к разным моделям апелляции: так, **Java canvas** (с задействованным названием острова в группе Больших Зондских островов Малайского архипелага) постепенно замещается в речи **Aida cloth** (с задействованным именем героини оперы «Аида» (1871) Дж. Верди). В-третьих, многие названия тканей активно включаются в словообразовательные процессы в английском языке, что является одним из ведущих признаков имен нарицательных: **cashmere + angora > cashgora**; **cotton + angora > cottagora** и др. [Oxford English Dictionary]. В-четвертых, в большинстве случаев происходит утрата связи с исходными онимами, особенно в случае представленности онима внешним заимствованием, которое подверглось существенной ассимиляции в формальном плане (например, **argyle** от названия графства Argyll, **muslin** от названия города Mosul, **jean** от названия города Genoa и др.).

Литература

- Кравченко Е.В.* Деонимизация иноязычных имен собственных в английском языке (на материале антропонимов и топонимов : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2004.
- Тархова А.Б.* Способы формальной классификации оттопонимических и этнонимических номинативных единиц в английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73, 452–458.
- Храброва В.Е., Сергаева Ю.В.* Лингвокультурологические особенности названий английских тканей // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 450, 72-83.
- Oxford English dictionary. URL: <https://www.oed.com/dictionary/> (дата обращения: 30.08.2024).
- Zalizniak A. et al* (2002-2024). "Database of Semantic Shifts". Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения: 30.08.2024).

В.Г. Кульпина

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва
vgrkulpina@mail.ru

Семантические переходы на основе цвето- и светолексем: проекции истории языка в современность

Статья посвящена семантическим переходам в области лингвоцветовых и лингвосветовых явлений, связанных с деривационно-семантическими процессами в русском и других славянских языках. Некоторые из таких переходов можно охарактеризовать как нетривиальные и нестандартные, тем не менее – как отмеченные серийностью.

1. В истории русского языка имелись разные способы выражения *оттеночности цвета*: префиксальные, суффиксальные, с использованием аналитических элементов в композитах, лексические и др.

1.1. Отмечалось широкое разнообразие префиксальных способов, опирающихся на приставки *на-, над-, по, под, при-* и др. Напр. **НАЗЕЛЬНЬНЬ** «прил. кр. ф. *Зеленоват*» [СлРЯ XI–XVII 10: 82]; **НАДРУМЯНЬ** «прил. кр. ф. *Слегка румян, с легким румянцем*» [СлРЯ XI–XVII 10: 78]; **НАДРУСЬ** «прил. кр. ф. *Русоват*» [СлРЯ XI–XVII 10: 78]; , **НАРУСЬ** «прил. неизм. *Светлорусый*» [СлРЯ XI–XVII 10: 225]; **ПОДКРАСНЫЙ 2**. «*имеющий красноватый цвет (о ловчих птицах)*» [СлРЯ XI–XVII 15: 271]; **ПРИЧЕРМНЫЙ** «прил. *Рыжесватый*» [СлРЯ XI–XVII 20: 77]; **ПРИЧЕРМЬ** «прил. кр. ф. *Рыжесватый*» [СлРЯ XI–XVII 20: 77]; **ПРИЧЕРНЬ** «прил. кр. ф. *Черноватый*» [СлРЯ XI–XVII 20: 77]. Интересен сам по себе факт существования трех типов цветowych прилагательных; они отмечены, в частности, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: 1) полные,

2) в краткой форме и 3) неизменяемые (см. выше пример неизменяемого прилагательного – **НАРУСЬ**).

Роль вышеназванных формантов в выражении цветовой оттеночности аналогична роли суффикса *-оват-* в современном русском языке (см. *желтоватый*). К этому деривационному способу передачи оттеночности и свелись в современном русском языке многочисленные префиксально-суффиксальные способы выражения цветовых оттенков. Необходимо отметить, что распространенный в наши дни способ передачи цветовых оттенков с помощью суфф. *-оват* существовал и ранее и употреблялся параллельно с префиксальными цветовыми образованиями. Ср. в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «**ПЕСТРОВАТЫЙ**, прил. *Рябоватый*» (СлРЯ XI–XVII 15: 23).

В ходе исторического развития в русском языке свершился обобщающий и в то же время упрощающий картину выражения оттеночности семантический переход префиксальных средств модификации цветности в суффиксальный. Тем не менее, некоторые префиксальные образования сохранились в качестве глагольных средств нюансировки цветности, иными словами, ее незначительного изменения: см. *причернить*, *подсинить*.

1.2. В качестве модификатора цветности в средние века и позднее могло выступать аналитическое прилагательное *бело-*, специализированное на выражении светлого оттенка какого-либо цвета, напр. *белосерый* (1593) ‘светло-серый’ (СлРЯ XI–XVII 1: 136), *белорусый* (1594) ‘светло-русый’ [Там же]. Вышеназванный тип выражения оттеночности с помощью аналитического прилагательного *бело-* в русском языке также утратился в пользу отражения двуцветности путем сочетания двух цветовых основ, напр.: *бело-розовый* – ‘белый и розовый’ (зефир).

Наблюдаемый семантический сдвиг проявился в достижении структурно-семантической конвергенции (посредством обобщения и упрощения (унификации) суффиксального образования с определенным ущербом для разнообразия семантики префиксальных образований на предыдущих этапах развития русского языка. Таким образом, в результате действия процессов семантического обобщения и упрощения произошла семантическая конвергенция многочисленных префиксальных моди-

фикаторов цветности, и эта конвергенция реализовалась в едином суффиксе *-оват-* как наиболее частотном средстве выражения оттеночности (напр. *зеленоватый*), выступающем наряду с лексическими средствами выражения оттенков (*слегка серый, очень светлый*). Хотя представленные выше типы структурно-семантических переходов не относятся к «классическим» (см.: [Анна А. Зализняк 2006: 406–412, 585–586], они могут быть отнесены к некоему типу таковых и инвентаризированы.

Стоит отметить, что пути семантического развития префиксальных образований в славянских языках достаточно разнообразны, в том числе и в сфере цветowych прилагательных. В русском языке возникли новые префиксальные элементы типа *архи-*, *сверх-*, *ультра-* и др., выражающих высшую степень интенсивности цветowego признака, в том числе и в терминологиях, в частности – физики (см. *ультракрасный, ультрафиолетовый*): В современном польском языке, как и в русском, свершился аналогичный процесс сведения к единообразию многочисленных деривационных способов выражения цветowych оттенков в пользу суффикса *-awu-* (напр. *ciemnawu* ‘темноватый’). При этом ряд префиксальных образований, напр. с префиксом *pod-* ‘под-’ совершил семантический переход от средства выражения оттеночности (*podczerwony* ‘слегка красный’) в направлении терминологизации (см. термин физики *podczerwony* ‘ультракрасный’ [БРППС: 1280], см. также аналогичный семантический переход у прилагательного с префиксом *nad-* ‘над-’: *nadfioletowy* ‘ультрафиолетовый’ [БРППС: 1280]).

2. В истории русского языка существовал ряд префиксов, фиксирующих **изменение цвета**. Материалы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» показывают, что у этих префиксальных образований в очерченный средневековый период семантические переходы в другое качество, к другому значению, еще не обозначились, см.: **ОЧЕРНЕТИ** почернеть (СлРЯ XI–XVII 14: 95), **ОЧЕРНИТИ** «сделать черным темным» [СлРЯ XI–XVII 14: 96]. В современном русском языке собственно цветовой значение лексемы утратилось (хотя определенное цветовой впечатление и сохранилась), причем глагол *очернить* приобрел иное значение: «Выставить в неблагоприятном свете, опорочить» (БТС:

171). Аналогично глагол *oczernić* в польском языке от чисто цветового значения трансформировался семантически в «оговорить (оговаривать), опорочить» (USJP 2: 1109).

Возможно, представленные выше семантические переходы не столь тривиальны, как это могло бы показаться на первый взгляд. Так, еще более продвинутый семантический переход свершился в болгарском языке, где *чернея* означает ‘страдать, мучиться’. С префиксом *за-* – *зачернявам* – глагол приобрел значение ‘мучить, заставлять страдать’. Эту семантическую трансформацию можно наблюдать на примере известной болгарской народной песни: «Не ме жени, стара ле майко, *не ме зачерняй*, аз ще остана стара ле майко цял живот ерген. Аз залюбих, стара ле майко, две черни очи, ала други ми отнеха тии две звезди» ‘Не заставляй меня жениться, дорогая старая мама, *не мучай меня*, я останусь, дорогая старая мать, на всю жизнь холостяком. Я полюбил, дорогая старая мать, пару черных глаз, но другой отнял у меня эти две звезды’.

3. Особого типа семантическими переходами характеризуется развитие древнерусских световых и цвето-световых композитов. Судьба их в славянских языках была в общих чертах аналогичной (см.: [БРФР, ИЭС, СС, Фасмер, ЭССЯ, SP; SS]); большая часть этих формаций утратилась, некоторые остались в художественной литературе, сохранив свою принадлежность к книжному стилю (см. *светозарный*, *искрометный*). Часть этих образований трансформировалась и терминологизировалась (*светостойкий*, *солнцезащитный*).

Основой развития древнерусских светоцветовых композитов являлись проявления преклонения древнего и средневекового человека перед феноменом света. Это, например, такие композиты, как **свѣтоносъный** – «сияющий свѣтом, просвещающий» [Срезневский III: Стб. 295] (о глазах); **златозаръный** [Срезневский I: Стб 981]: служащий характеристике какого-либо места как прекрасного (земли, источника...); см. также **златозаръный** [СДР III: 386], **zorzowschodny** [SJPWag VIII. S. 600] ‘восходящий с зарей’. Эти композиты содержали в себе особую эстетику высокого и прекрасного, приподнимали человека над землей. Сформировавшись по греческим образцам,

русские и польские свето-цветовые композиты в ареалах своего распространения жили своей жизнью, развиваясь и содержательно обогащаясь. Реликты этих утратившихся в ходе исторического развития лексических единиц обогатили стилистические ресурсы этих языков (напр. *лучезарный*, *златосветный* русского языка); а также терминологии: путем терминологизации существующих сложений или их развития на имеющейся в языках словообразовательной базе (см. русск. *лучеобразный*: «Лучеобразные прожилки листа» [БТС: 508]; *лучеиспускающий* [БРППС: 549], польс. *barwniki światoodporne* ‘светоустойчивые красители’ [USJP 3: 1599]).

О семантических переходах древних свето-цветовых композитов русского и польского языков см. подробнее: [Кульпина 2007: 113-124; Кульпина 2019].

Литература

- Большой русско-польский политехнический словарь – *Wielki słownik techniczny rosyjski-polski*. 4-е изд. М. – Warszawa: Изд-во «Советская энциклопедия – Wydawnictwa naukowo-techniczne, 1973.
- Болгарско-русский фразеологический словарь / сост. А. К. Кошелев и М. А. Леонидова. Москва – София: Русский язык; Наука и искусство, 1974.
- Большой толковый словарь русского языка / составитель С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1996.
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001.
- Кульпина В. Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М., 2007, 126–184.
- Кульпина В. Г.* Лингвистическая эволюция понятия света как составляющая цивилизационной эволюции // *Rozprawy Komisji Językowej*. Т. 52. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 2007, 113–124.

- Кульпина В. Г.* Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер. Монография. М.: МАКС Пресс, 2019.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: В 10 т. / отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1990.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Институт русского языка им. В. В. Виноградова; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1975–.
- Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание: В 4 т. М.: Книга, 1989.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой / Славянский институт АН Чешской Республики; Институт славяноведения и балканистики РАН. М.: Русский язык, 1999.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / перевод с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; В 4-х т. М.: Прогресс, 1986.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1988.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik warszawski [właściwy tytuł:] Słownik języka polskiego: W 8 t. Warszawa: PIW, 1900–1927.
- SP – Słownik polszczyzny XVI wieku / red. nac. *Maria Renata Mayenowa*. Zast. red. nac. *Franciszek Perłowski*; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. Wrocław et al.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. 1966–.
- SS – Słownik staropolski / red. nac. *Stanisław Urbańczyk*. Wrocław et al.: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1953–2003–.
- USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. / pod red. *Stanisława Dubisza*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.

Т.А. Михайлова

Институт языкознания РАН, РГГУ, Москва
tamih.msu@mail.ru

**О семантических сдвигах в области базовой лексики:
‘большой’ - ‘великий’**

Главной задачей исследования является не мотивация вытеснения элементов списка базовой лексики¹, но дальнейшая судьба вытесненных лексем в рамках микро-семьи или отдельного языка.

В ходе работы было выделено четыре сценария семантического развития вытесненной лексики: 1. полное «вымывание» лексемы из языка (группы языков), например - утрата в гойдельском продолжения и.-е. основы для обозначения «зуба» - **h₁dont-*, при сохранении ее в бриттском, ср. валл. *dant*, брет. *dant*, ср.корн. *dans* (см. [Matasović 2009: 90]); утрата и.-е. обозначений «огня» и «глаза» в кельтских языках, утрата и.-е. обозначений «мужа, мужчины» в славянских языках и под.

2. сохранение лексемы в производных образованиях, либо - паронимах и пр. **с сохранением исходной семантики**, например русск. *очки* и *очевидный*, *большой* как базовое - но *великан*, *величина* и под.

3. сохранение лексемы с утратой ею статуса базовой и переходом в область поэтизма или возвышенной лексики **с сохранением исходной семантики**, например, русск. *глаз* как базовое, но - *очи*, *красный* как базовое, но *зардеться* ‘покраснеть’ (устар.).

¹ Под базовой лексикой в данном случае понимается расширенный, 200-словный список М. Сводеша.

4. **изменение исходной семантики.** Последний, наиболее интересный, случай также можно разделить на несколько подгрупп:

4.1. случай - относительно редкий: замена лексемы в рамках самой базовой лексики, в ходе которого лексема не вымывается из состава базовых, но при этом **меняет значение**: например, ОК **sāwol* ‘солнце’ > др.ирл. *súil* ‘глаз’ при валл. *haul* ‘солнце’ (при др. ирл. *grían* ‘солнце’ < ОК **g^wrenso-* ‘жар’).

4.2. утрата самой лексемы, но сохранение основы в деривационных реализациях, например, бретонские и валлийские продолжения и.-е. обозначения «матери», фиксируемые как *moereb*, *modryb* со значением ‘тетя’, преимущественно - сестра отца². При этом собственно продолжения и.-е. обозначений матери применительно к самой матери в языках утрачены полностью, равно как и обозначения отца, и заменены на «мама» и «тетя» (*tam*, *tad*).

4.3. вытеснение лексемы в область семантической периферии с сужением поля, ср. примеры вытеснения и.-е. **rou-do* ‘красный’ в зону обозначения природных объектов, ср. русск. *рыжий*, при базовом *красный*, ср. также др. ирл. *ruad* ‘красный’ и совр. ирл. *rua* ‘рыжий (о мехе или масти животных и цвете волос)’ при базовом *dearg* ‘красный’. Ср. также латышск. базовое *sarcans* ‘красный’ при *ruds* ‘рыжеватый (о волосах)’.

4.4. появление в языке нового концепта-семантемы и соответствующей новой оппозиции в рамках пара-синонимии (отчасти соприкасается с 4.3.), ср. русск. *дорога* при *путь* ‘способ передвижения, образ действия’, ср. также др.ирл. *sliged* ‘дорога’ и совр.ирл. *slí* ‘путь, образ действия’ при базовом *bothar* ‘дорога’. Данная область была мною в свое время довольно подробно исследована и результаты опубликованы [Михайлова 2019; Mikhailova 2021].

² Ср. аналогичный переход № 5160 *mother* → *aunt*, *mother's sister*, в основном на базе дравидийских языков, где в фиксируется **полисемия**, то есть лексема также может иметь значение ‘мать’ и языком не утрачивается.

4.5. утрата лексемой статуса базовой (или переход на новую позицию) с сохранением самой основы, но с наличием дополнительной морфологической деривации, например, русск. *муж* ‘супруг’ при *мужчина* ‘человек мужского пола’, ср. также сербск. *мушкарац* ‘мужчина’ при *муж* ‘супруг’, ср. также аналогичную оппозиционную деривацию в латышском: *vīrs* - *vīriētis*.

Тип перехода, обозначенный как 4.4., представляется наиболее интересным для анализа, так как позволяет провести типологические параллели между семантическими сдвигами, которые происходят в неродственных на историческом этапе языках и, отчасти, мотивировать их. Наше исследование базируется на анализе развития лексем с исходным значением ‘большой’ в ряде и.-е. диалектов (ср. переход **big - great**, № 2541, 22 реализации, в базе DatSemShift), развивающихся, как правило, при вытеснении из списка базовых лексем-семантем семантику ‘великий, выдающийся’. Из 22 реализаций данного перехода 21 помечена как «полисемия», единственным исключением в данном случае является русск. *великий*, для которого отмечен тип перехода - «семантическая деривация». Безусловно, примеров полисемии у лексемы со значением ‘большой’, употребленной в значении ‘великий, славный и пр.’ можно было бы найти еще много, но при этом встает вопрос: если бы не наличие в русском языке, на который все же невольно как на модель ориентируются составители базы, лексемы *великий*, вытесненной новым образованием *большой* и получившей дополнительное значение, можно ли было бы вообще говорить о полисемии, как-то отмечать этот случай и создавать специальный семантический переход? Обращение к данным других языков должно в данном случае послужить критерием оправданности самого перехода и стоящего за ним семантического сдвига.

Приращение нового значения у русск. *великий* в значении ‘выдающийся, особенный, славный’, произошло после вытеснения в русском из базовой лексики ОС **valъ* с общим значением размерности и заменой его рефлексом ОС **bol’jъjъ* к и.-е. **bel-/*bal-* ‘сильный’), компаративной пары к **velikъ* (см. [ЭССЯ 2: 193; Derksen 2008: 52]). Аналогичная оппозиция возникла и в средн. англ., когда продолжение базового ОГ **grauta-* ‘грубый’,

получившее в зап.герм. значение ‘большой’ и вытеснившее раннее **mekila-* [Kroonen 2013: 187], было в свою очередь в качестве базового вытеснено лексемой *big*, предположительно - скандинавского происхождения [Skeat 1887: 62]. Оппозиция *big* - *great* фиксируется уже о Чосера, т.е. в XIV в., но возникла предположительно раньше.

Аналогичная вторичная семантика с выделенным значением ‘великий, значительный’ из исходного базового ‘большой’ наблюдается и у лат. *magnus*, которое, как считается, было вытеснено лексемой *grandis* с близким значением еще в народной латыни (см. ниже). На самом деле это не совсем так.

Ср., например, сохранение лексемы старо-фр. *magnes*, ср.фр. *maine* - *grant* [Greimas 1968: 380] в начале «Песни о Роланде» (X в.):

Carles li reis, nostre emperere **magnes**... - *Карл король, наш император великий*...

Определение в данном случае не входит в NP-компонент, что показывает, что, лексема употреблялась не только в традиционном именовании Шарлемань, но и самостоятельно. В этимологическом словаре французского языка Вальтера фон Вартбурга³ приводятся также старопровансальские формы и употребления: *mainh* (са. 1200), *manh* (са.1350), а также сочетание *pus manh* ‘большой, букв. более большой’, видимо в исходном значении. Во французском языке, как показывает он же, лексема со значением ‘великий’ употреблялась в основном по отношению к выдающимся правителям. Кроме широко известного *Charles Maignes* > *Karles li maines*, ср. также *Alixandres li maines* ‘Александр Великий’ и *Hues li maines* ‘Гуго Великий’⁴. Ср. также *dame maine* ‘дама знатного происхождения, отличающаяся также благородством’ (са. 1280), а также - *sainte uglise magne* ‘святая, великая церковь (о римско-католической церкви)’.

³ См. он-лайн версию на сайте - <https://lecteur-few.atilf.fr/lire/61> . Издание - [Wartburg 1922].

⁴ Гуго Великий (897-956), герцог франков, правитель Аквитании и Бургундии.

В ряде диалектов лат. *magnus* сохранилось в исходном значении 'большой' в составе композитов. См. например - норм. *magnigoule* 'человек с большим ртом', *magnum* 'бутылка шампанского, содержащая 2 литра' (фиксация 1907 г.).

С XV в. лексема *maine* во французском была почти утрачена и с ней - возникшая оппозиция «большой - великий», причем рефлексы лат. *grandis* с начала XVII-XVIII в. значительно расширяют семантическое поле, включая и понятие «великий», а также получают значение MAGN - ср. *grande vieillesse* 'глубокая (букв. большая) старость', *grandes eaux* 'высокие воды, высокий уровень подъема воды, наводнение' (при близком фразеологизме итальянском оформленном как *acqua alta* 'высокая вода') и пр.

В итальянском лексема *magno* сохранялась примерно до середины XIV в.⁵, однако может употребляться как поэтизм или в «возвышенном контексте». В испанском лексема исчезла раньше, но сохранялась в именовании знати.

Ряд псевдо-образований из народной латыни, как например, франц. *magnifique* 'великолепный', итал. *magnifico* 'то же' являются заимствованиями из средневековой латыни (*magnificus* 'великолепный, роскошный; славный, знаменитый')⁶.

Средневековая латынь, постоянно присутствующая в период Средневековья как фон создания культурной лексической нормы, как мы понимаем, для «пользователей» по определению не была и не могла быть родным, разговорным языком. Феномен дистанцирования мог создавать и эффект фокусирования на внутренней форме и происхождении той или иной лексемы, как правило, не осознаваемых носителями языка. Ср. в связи с употреблением лексемы *magnus* интересный пример из географического труда ирландского монаха Дикуиля (IX в.), демонстрирующий у нее пресуппозиционную семантику 'великий' в качестве первого:

⁵ См. онлайн версию незавершенного исторического словаря итальянского языка: <http://tlio.ovi.cnr.it/TLIO/>

⁶ При исп. *fabulous*, рум. *fabulos* 'великолепный' с другим типом семантической деривации - от «славного, известного» к «великолепно-му».

Germanicarum insularum Candia⁷ maxima est, sed nihil in ea magnum preter ipsam [Tierney 1967: 76] - Среди германских островов Кандия величайший, но никакого величия в нем самом нет.

Таким образом, как мы видим, семантическое развитие в языке не всегда направлено в сторону прогресса, в смысле - расширения и углубления семантики и приращения новых смыслов, но предстает и как регрессивное. Именно это происходит, видимо, в переходные эпохи, когда носителями языка становятся народные массы, о чем, в частности свидетельствует развитие романских языков из форм разговорной латыни, а также - дальнейшее самостоятельное, но в нашем случае - однонаправленное развитие романских диалектов. Как писал еще Чарльз Гранджент, «литература старается расширять значения слов, тогда как народная речь старается их ограничивать» [Grandgent 1907: 6]. Как пишет он же далее, «Когда в латыни было два синонимичных слова, одно часто поглощало другое [ibid: 9]. В качестве примеров им приводятся пары - *atrium* - *casa*, *equus* - *caballus*, *ferre* - *portare*, *os* - *bucca*, *senex* - *vetulus* и др., в которых победителем оказывается вторая лексема. В его списке есть и пара: *magnus* - *grandis*. Обращение к словарным данным собственно латинского языка показывает, что эти две лексемы являлись скорее пара-синонимами, как и многие другие, хотя точное семантическое противопоставление в данном случае повести довольно трудно. Эрну и Мейе отмечают народный, крестьянский характер употребления лексемы *grandis*, связывают ее с описанием выросшего урожая и поголовья скота. Хотя признают, что она могла употребляться и по отношению к человеку высокого роста. «Этимология этого вульгарного слова - как они пишут, - с долгим а-вокализмом не известна⁸, а и.-е. понятие для «большой» передавалось латинским *magnus*» [Ernout, Meillet 1939: 432]. Таким образом, как они считают, оппозиция двух лексем в данном случае носила не столько семантический, сколько социальный характер и поэтому не случайно ро-

⁷ Скандинавия.

⁸ Действительно - не известна (см. [De Vaan 2008: 270], поскольку вокализм не дает соотнести ее с и.-е. основой с общим значением «расти, увеличиваться».

манские языки приняли от народной латыни именно *grandis*. Глэр находит для *grandis* множество других употреблений, среди которых сочетания, имеющие значение ‘славный, знаменитый, великий’ (этимологически соотнося латинскую лексему с греч. βρένθος ‘слава’) и отмечает универсальность употребления лексемы [Glare 1968: 771-772]. Идею величественности и торжественности отмечает у лат. *grandis* и И.Х. Дворецкий, давая пример - *Carmen grandis* ‘торжественная песнь’ [Дворецкий 1976: 460]. Видимо, как можно предположить, расширение семантического поля у лексемы *grandis* за счет семантики «величественности» намечалось уже в поздней латыни. При этом остается удивляться, что в старофранцузском так долго сохранялся рефлекс *magnus* > *maine*, видимо, под влиянием ученой латыни. Остается также удивляться и тому, что в борьбе с парасинонимами *grandis* вышло победителем при ширине семантического поля у *magnus*.

Продолжение и.-е. базовой основы с общим значением ‘большой’ **mag-* в кельтском были вытеснены основой **māro-*, не имеющей точной этимологии (см. [LEIA - M, N, O, P: M-18]) при альтернативной, достаточно убедительной трактовке в [Matasović 2009: 258]). Основа представлена во всех кельтских языках (др.ирл. *már, mór*, валл. *mawr*, ср.корн. *maur*, брет. *teur*), что позволяет предположить наличие на раннем этапе парасинонимов **magyo-* - **māro-*. В эксплицитном виде продолжения обеих основ фиксируются в галльской ономастике, ср. *Magio-rix* и *Nerto-marus* (лексема в основном представлена как второй элемент композита). Ср. др.ирл. *nerthmar* ‘могучий’, валл. *nerthfawr* [Ellis Evans 1967: 224]. ‘сильный’. Ж. Вандриес отмечал, что семантика данного элемента, представленного в композитах с первым элементом, отсылающим, как правило, к физическим или моральным качествам, кодирует скорее количественный показатель (см. [Vendryes 1950: 247]), и приведенный выше композит имеет, таким образом, семантику «Много-сильный», точнее - «сильно-многий», с характерным для кельтских NP «обратным бахуврихи»), и мы можем с некоторой осторожностью реконструировать для галльского наличие уже отмеченной дихотомии «большой-великий», при которой более ар-

хаическая для группы языков лексема получает значение 'великий, славный'. В островном кельтском данное противопоставление (уже?) не фиксируется.

Ср. также появление семантики «великий» как тип морфологической деривации (случай 4.5) у лит. *didùs* 'великий, славный' при *didis* 'большой' [Fraenkel 1962: 63].

Таким образом, сопоставление микро-полей с исходным значением размерности, для которых, как пишет А.В. Дыбо, опираясь на работы Н.И. Толстого, можно отметить «в качестве релевантного всякий семантический признак, для выражений которого хотя бы в одном диалекте выступает особая лексема» [Дыбо 2011: 362], позволяет в нашем случае выделить признак, условно названный как «величие», базирующийся, скорее всего, на метафорическом осмыслении и переносе собственно размера как «большого, отмеченного, выдающегося» в физическом смысле на «размерность» человеческой личности или значительного события. Интересно при этом, что приращение новой семантики там, где данный сдвиг происходит в языке, всегда фиксируется у лексемы более архаической, видимо - в силу расширения и перегруженности ее семантического поля.

Литература

- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Русский язык, 1976.
- Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря. В: Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2011, 359-391.
- Михайлова Т.А.* Дороги, которые мы выбираем: о реализации понятия № 67 «дорога» списка Сводеша в кельтских языках // Вопросы языкознания, 2019, № 5, 101-119.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачева. Т. 2. М.: Наука, 1975.
- Derksen R.* Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden: Brill, 2008.
- De Vaan M.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden-Boston: Brill, 2008.

- Ellis Evans D.* Gaulish Personal Names. A Study of Some Continental Celtic Formations. Oxford: At the Clarendon Press, 1967.
- Ernout A. et Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. Paris. 1939.
- Fraenkel E.* Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Göttingen: Universitätsverlag, 1962.
- Glare P.G.W.* Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
- Grandgent C.H.* An Introduction to Vulgar Latin. Boston: D.C. Heath & Co., Publishers, 1907.
- Greimas A.J.* Dictionnaire de l'ancien français. Paris: Librairie Larousse, 1968.
- Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden-Boston: Brill, 2013.
- LEIA M, N, O, P - Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J Vendryes. M, N, O, P – par Josef Vendryes, Dublin - Paris, DIAS-CNRS, 1960.
- Matasović R.* Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden: Brill, 2009.
- Mikhailova T.* How to say 'road' in Irish: towards determining a semantic derivation of item # 67 (68) from the Swadesh list (Continental and Insular Celtic) // *Studia Celto-Slavica*, Brest, France, Vol. 12, 2021, 17-47.
- Skeat W.* An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: At the Clarendon Press, 1887.
- Tierney J.J.* (ed.) *Dicuili Liber de Mensura Orbis Terrae*. Dublin: DIAS, 1967.
- Vendryes J.* Deux nouvelles inscriptions Gallo-Romaines // *Études celtiques*. Vol. 5. 1959, 237-247.
- Wartburg W. von.* *Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine darstellung des galloromanischen sprachschatzes*. Tübingen: Neudruck der ersten Auflage, 1922 - .

Е. К. Молчанова

Институт языкознания РАН, Москва
e_molchanova@iling-ran.ru

О семантической эволюции в западноиранских языках

В докладе рассматривается частотная основа - перс. **nuš**) В современных западноиранских языках она представлена и как именная (с общим значением «процветание, здоровье»), и как глагольная (ОНВ с значением «пить»). Этимон основы – *древнеиранское* прилагательное **an-auša-* с префиксом **отрицательного** значения **an-* + **auša-* «смерть» (авест. **an-auša-**) и значением «бессмертный, вечный». В истории западноиранских языков это имя претерпело и фонетические, и морфологические изменения и подверглось семантической эволюции.

В *среднеиранских* западных языках отмечено закономерное фонетическое продолжение модели с видоизменением значения (книжный среднеперс. **anōš** «живая вода», «бальзам, целительное средство», «опиум и противоядие»); представлен суффиксальный дериват (манихейский парфянский и среднеперсидский **an-ōš-ag** «вечный»). Но встречаем также и манихейский парфянский **nōš** «райская еда» с переразложением основы ***a-n-auša-** (за счет сокращения части префикса и слияния оставшейся части с корнем) и также с видоизменением значения.

Там, где сохранился рефлекс отрицательного префикса **an-* сохранилось и старое или близкое/ выводимое из него значение: см. выше **an-ōš-ag** «вечный», классич. перс. **an-ōš-a** (но и вариант **nōš-a**) «вечный, долговечный»; в сложении классич. перс. имя собственное **Anōšīrvān** из книжн. среднеперс. **anōšak-ruvān** «с бессмертной душой».

В *классическом персидском* это гнездо представлено именной основой **nōš** и *производными (и сложениями)* от нее и целым веером значений. Они касаются приятной еды, питья, опьяняющих веществ – того, что услаждает жизнь, что не-смерть:

nōš¹ «жизнь»; **nōš**² «опиум и противоядие»; **nōš**³ «приятный на вкус, вкусный»; «приятный, доставляющий удовольствие»; «благоприятный, полезный»; **nōš**⁴ «мёд, нектар»; **nōš-āb-a** «живая вода»; **nōš-in** «приятный на вкус, сладкий»; **nōš-īdan** «пить» – инновационный деноминативный глагол, в *среднеперсидском не засвидетельствован* (в *классическом персидском* отмечена еще одна именная основа **hōš**² с *протетическим* согласным h и значением «смерть, гибель», см. среднеперс., маних. парфянск. **ōš** «смерть», среднеперс. **ōš-ītan** «умирать» – также инновационный деноминативный глагол).

Вместе с тем в *классическом персидском* языке представлены *варианты* производных, см. выше: **an-ōš-a** и **nōš-a** «вечный, долговечный» из раннего среднеперсидского **an-ōš-ak** < древнеиранского * **an-auša-ka-** «бессмертный, нетленный» от **auša-* «исчезновение, гибель, разрушение, разорение, небытие, смерть».

Неразложимо сложение классич. перс. *nūšādir/našādir* «нашатырь». В словаре [Гаффаров:876, 862] к нему дается помета «арабский». В [Фасмер:51]: «Заимств. через азерб., тур., тат. из араб. *nušadir* ‘аммиачная соль’». См. однако [Hassandoust: 2800 № 5175 apud Maughofer]: из среднеперс. **anōš-ādur** («вечный огонь»); название, повидимому, связано с кислотностью и очищающим свойством вещества. Современный перс. **nušādor** «нашатырь». Ср. также перс. имя собственное женское и мужское **Nuš-āzar**.

В *современном персидском* языке значения у именной основы **nuš**: 1. «питье, вкушение»; 2. «приятный, сладкий напиток; патока; мёд; нектар»; 3. «наслаждение, удовольствие».

Основа входит в состав *этикетной формулы перс. nuš-e jān!* «приятного аппетита!; на доброе здоровье!; кушайте на здоровье!»; **nuš-e jān konid!** «покушайте! угощайтесь!; кушайте, пейте на здоровье!»

См. также **nuš bād! nuš-e jān bād!** «будьте здоровы!» – ответный возглас при произнесении тоста или при возглашении здравницы. Где **nuš** 1. «питье, вкушение»; 2. «приятный, сладкий напиток; патока; мёд; нектар»; 3. «наслаждение, удовольствие» [ПРС 1983: 672-673]. См. там же новое словообразование: **nuš-ā-nuš** «1. разгар пиршества, попойки; 2. задравные тосты, здравницы». И безызафетные сложения **nuš-jān** «нектар» и **nuš-gol** «нектарник» (**gol** «цветок»); **nuš-giyāh** «1. бот. львиный зев; 2. противоядие, получаемое из сока растений». Реже встречаются сложения с вторым компонентом – ОНВ глагола: **nuš-xand** (с пометой «отглагольное имя») «1. радостный смех; 2. улыбка» [Anvari: 1057].

См. также **nuš-** – ОНВ глагола **nuš-idan** «пить». Каузатив **nuš-ān-dan** «поить, давать пить». Аналитический глагол **nuš kardan** «пить, вкушать»; **nuš-e jān kardan** «есть (что-л.) с аппетитом, пить, есть в свое удовольствие; вкушать».

В персидском просторечии [Naʿajafi, т.2:1437]:

nuš «употребительное выражение у пьяниц в ответ на тост «За [твое/ваше] здоровье!»;

nuš-e jān-at! «Это твоё, браво! Молодец! Будь здоров!»

Там же приводится цитата из сказки: *māl o javāharāt-rā be-bar tahvil bedeh, ammā khodemān-rā boruz nadeh. In sad tā ashrafi ham halālvār nuš-e jān-at!* «Свое имущество и драгоценности уноси, отдай их, но нас не выдавай. А эти сто золотых монет (ашрафи), по-честному, – тебе на здоровье!»;

аналитический глагол **nuš-e jān kardan** в просторечии используется в прямом и в переносном смысле:

- 1) «есть (вкусную еду или всё, что хорошо принимает душа)». Пример: *bāyad...mesle хар kār bekonid bedehid mā barāyetān nuš-e jān bekonim*

«Нужно, чтобы...вы работали, как ослы, (и) дали нам (возможность) пожелать вам **nuš-e jān!**», т.е. вкусно поесть или выпить;

- 2) (иронически): «попадать под удар, испытать ущерб, убыток». Примеры: *do-se bār loyate eštabāhi barāye pesar-aš ma'ni kard va sabab šod ke teflak ruze ba'd dar madrese kotake mofassali nuš-e jān bekonad*

«Он(а) два-три раза ошибочно объяснил(а) сыну слова и из-за этого ребенок на следующий день в школе получил хорошие колотушки» («Хаджи-ага»); *taʻriban hich baččeye maktabi nemišod yāft ke az čube maktabdār nuš-e jān nakarde bašad* «Наверно, нельзя найти школьника, которого бы не угостили палкой школьного учителя».

Это нечто вроде оксИморона или оксЮморона.

Ср. русск. *угостить* «с радушием предложить, дать поесть, выпить, попробовать чего-л.»: *угостить обедом*. Но *перен. разг.* «сделать, устроить кому-л. что-л. приятное или неприятное»: *угостить подзатыльником* [Евгеньева 1984, т.4:461].

В близкородственном **таджикском** языке:

тадж. **нӯш-и ҷон!** «на здоровье!», где **нӯш** «приятный на вкус», **ҷон** «душа, жизнь», а также тадж. **нӯш-** – ОНВ глагола тадж. **нӯшидан** «пить».

Дериваты: **нӯш-ок-й** «питьё, напиток».

В словаре классика таджикской советской литературы С.Айни приводится сложение **нуш-хор/нӯш-хор** «жвачка у коров и овец» [Айни: 272, 439], где – **хор** «поедающий» (ОНВ), см. классич. перс. **nuš-xār/nūš-xār** «пережевывание жвачки», современный перс. **noš-xār** «жвачка».

В **семнанском** языке: **nū' šī jown** = перс. *nuš-e jān!* Семнанский **nū' šī jowni kerdiyún** = перс. *nuš-e jān kardan* [javāhari, Šari'ati: 643-644].

В **талышском** языке: **нәшә** «1) опиум, 2) опьянение после курения опиума» [Пирейко 1976: 151].

Итак, в западноиранских языках можно наблюдать семантическую эволюцию рассматриваемой основы от значения «бессмертный» до значения «приятного аппетита!» (и даже до «жвачки» – в сложении – и «нашатыря» – в неразложимой композиции).

Заслуживает особого внимания персидская **ономастика**, включающая в свой состав основу **nuš** (она не исследована). Представлены *суффикальные производные и композиты*. Это могут быть как имена, мужские и женские, так и фамилии. Некоторое количество таких имен можно найти в персидско-русском словаре [ПРС], и в корпусе, и в приложении. Назовем

здесь имя собственное женское *Anuše* (с пометой «устаревшее»); слово имеет также значения: 1.1) счастливый, благословенный; 2) вечный, бессмертный; 2.1) молодой царевич; также *Anuš* [ПРС: 130, 783]. Имя собственное мужское **Anuš**, **Anuše**, **Anušā**. Имена собственные женское и мужское: **Nuš-in** и женское **Nuš-in-e** «сладкий, сладостный, приятный». Женское: **Nuš-dāru** «бальзам; противоядие». Мужские: **Beh-nuš** (*beh* «лучший»); **Nuš-zād** (*zād* «рожденный»).

Еще *имена*: две исследовательницы-лингвистки из Тегерана: **Mehr-nuš** и **Far-nuš** (их фамилия Тахерхани), где **Mehr** – исторический Митра, солнечное божество, бог огня и света (в современном персидском: любовь, привязанность, благосклонность) и **Far** – божественная благодать (в современном персидском: *книжн.* блеск, великолепие, пышность; нимб, сияние).

Приведем также *фамилии* известных в Иране лиц: **Daryā-nuš** – член экипажа вертолета (к прискорбию, стал жертвой крушения), его имя Мохсен. Первый компонент фамилии означает «море; река». **Anuše** (фамилия), Хассан – переводчик – перевел том, посвященный Ирану, из многотомной кембриджской истории.

Перевод на русский компонента **nuš** в сложениях может быть затруднительным. Еще одна носительница имени **Mehr-nuš** – научный сотрудник Академии персидского языка и литературы в Тегеране, г-жа Асгари – предложила мне перевод своего имени как «вечный свет». (Повторю: персидская ономастика нуждается в специальном исследовании).

Учитывая, что в качестве одного из компонентов в сложениях используются имена божеств или обожествляемых объектов (например, огонь), можно предположить, что подспудно в таких сложениях сохраняется исконное значение основы **nuš** «бессмертный, неумирающий, вечный».

Литература

- Ajñī S. Куллиёт.* Душанбе: Ирфон, 1976, ч. 12.
Anvari, Hasan. Farhange kucheke Sokhan.n, Sokhan, 1383/ 2004.
Евгеньева А.П. Словарь русского языка. М., Русский язык, т.4.1984.

- Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь: в 2-х томах. Т. II. – М., 1927.
- Hassandoust M.* Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. vol. 1-5 – Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393/2014.
(An Etymological Dictionary of the Persian Language). javāhari Mohammad Hassan, Šari’ati Parviz Pežum. Vāženāme-ye guyeshe bāstāniye semnāni, j. 1-2. Semnān, 1386/2007.
- Naǰafi A.* Farhange Fārsiye ‘āmiyāne. j. 2. Tehrān, 1378/1999.
- Персидско-русский словарь / Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I – II. М., 1983.
- Пирейко Л.А.* Тальшско-русский словарь. М., 1976.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М, т. III, 1987.

Сокращения

ПРС – Персидско-русский словарь / Под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I – II. М., 1983.

D. Mordashova

Institute of Linguistics RAS / Lomonosov Moscow State University,
Moscow
mordashova.d@yandex.ru

**Polysemy pattern of a simulative marker *-mn'äs'k*
in Tatyshly Udmurt¹**

1. Introduction

The paper deals with a polysemous suffix *-mn'äs'k* in the Tatyshly subdialect of Udmurt (< Finno-Ugric < Uralic).² The basic meaning of this suffix is ‘pretend to’, which allows to posit it within the domain of *simulative* derivations, in terms of [Jacques 2023]. In (1b), the presence of *-mn'äs'k* signals that the action ‘work’ is not in fact taking place, in contrast to the verb form in (1a).

- (1) a. *mon uža-s'ko-∅*.
I work-PRS-1SG
‘I’m working’.
b. *mon uža-mn'äs'k-is'ko-∅*.
I work-FICT-PRS-1SG
‘I pretend to work’.

The grammars of Standard Udmurt [GSUYa 1962; Winkler 2001], as well as the descriptive grammar of the Tatyshly subdialect [Baidoullina 2003], treat the derivations with *-mn'äs'k* under the category of ‘fictitiousness’, or ‘feigned action’. In this paper I show that the semantics of this suffix goes beyond the domain of pretence, as it can develop various scalar interpretations (especially close to those developed by verbal diminutives). The data were collected during fieldwork in the Tatyshly district of the Bashkortostan Republic

¹ The research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00285 at Lomonosov Moscow State University.

² There are two allomorphs of the suffix: *-emn'äs'k* for the verbs of the 1st conjugation type, and *-mn'äs'k* for the verbs of the 2nd conjugation type. I use the shorter allomorph throughout the text for convenience.

(Russia) in 2023–2024.³ The examples provided throughout the paper were recorded during elicitation sessions with Tatyshly Udmurt speakers. The rest of the paper is structured as follows. In Section 2, I give an overview of the semantic extensions developed by *-mn'äs'k*. In Section 3, I propose a structured polysemy pattern to account for the existing network of meanings. In doing that, I largely draw on the earlier proposed analyses of polysemous diminutive derivations. Section 4 concludes.

2. Semantic extensions of *-mn'äs'k*

Apart from the basic meaning of pretence (1), derivations with *-mn'äs'k* develop additional interpretations referring to some deviation from a ‘standard’ on a scale. The scale itself may belong to different domains, for instance, to a **quantitative** one. Examples of this kind convey that the action is accomplished only to a small extent (2), without demanding much effort from the agent (thus adverbial modifiers like ‘hard’ or ‘diligently’ (3) result in a semantic controversy).

- (2) *mon tolon lâmbât uža-mn'äs'k-i-Ø*
 I yesterday all_day work-FICT-PST-1SG
 ‘Yesterday I worked just a little’.
- (3) **mon tolon lâmbât tuž katâ uža-mn'äs'k-i-Ø*
 I yesterday all_day very hard work-FICT-PST-1SG
 Lit. ‘Yesterday I worked hard just a little’.

It is worth mentioning that the attenuation on the quantitative scale has nothing to do with the duration of the action, and adverbial modifiers of long duration are acceptable with *mn'äs'k*-derivations (4). The semantic component introduced by the affix is that of low intensity.

- (4) *mon lâmbât-en kâlbur gožt-emn'äs'k-is'ko-Ø*
 I all_dat-INS poem write-FICT-PRS-1SG
 ‘I’m writing poems just a little for days’.

Derivations with *-mn'äs'k* usually occur in contexts with animate subjects, however, some speakers also approve the suffix in utterances denoting meteorological phenomena and including the inanimate subject ‘weather’:

³ More information on the MSU field project on Tatyshly Udmurt is available at <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/en>.

- (5) [?]*kuaz'* *zor-emn'äs'k-i-z.*
 weather rain-FICT-PST-3SG
 'It rained a little'.

Another possible type of contexts is provided by cases, when the action is attempted but not completed. This involves a scale of **quality/skill development**. Examples (6)–(7) are used to emphasize that some skill of the agent is yet underdeveloped, thus the situation involving them is considered only as an attempt at performing an action (example (4) above can also have an attemptive reading).

- (6) *pič'i* *nâlpi vetl-emn'äs'k-e in'i.*
 small child walk-FICT-PRS.3SG already
 'A small child is already trying to walk'.
- (7) [?]*tâloburdo* *tijalt-is'k-em* *burd-en-âz* *lobž'-*
emn'äs'k-e.
 bird break-DETR-PTCP.PST wing-INS-POSS.3SG fly-FICT-
 PRS.3SG
 'A bird with a broken wing is trying to fly'.⁴

Besides, *-mn'äs'k* can be associated with an **evaluative** scale and introduce a negative assessment of the situation (8): the speaker points out that the action is performed in a wrong way or carelessly (the terms *errative* and *neglective* are used for such semantic extensions in [Jacques 2023]). Adding adverbial modifiers with an explicit positive assessment ('well') is pragmatically infelicitous (9).

- (8) *mon* *uč'âr* *vera-mn'äs'k-is'ko-Ø.*
 I story talk-FICT-PRS-1SG
 'I'm telling a story confusedly'.
- (9) *mon* *kârž'a-n* (**äjbät*) *kârž'a-mn'äs'k-is'ko-Ø.*
 I sing-VN good sing-FICT-PRS-1SG
 'I'm a bad singer'.

Finally, according to observations in [Alatyrev 1959; GSUYa 1962] on Standard Udmurt, predicates with *-mn'äs'k* may be used to express the speaker's modesty or self-deprecation, which is confirmed by the Tatyshly data. For instance, (10) does not imply

⁴ The *mn'äs'k*-derivation is less acceptable in attemptive examples that imply a lot of effort from the agent's part. Special lexical means (verbs *ku-radž'ânâ* or *šugadž'ânâ* 'struggle, try hard') are preferred instead.

pretence: the speaker really creates poems, but intentionally down-plays their skills to avoid bragging.

- (10) *mon kâlbur gožt-emn'äs'k-is'ko-ø.*
 I poem write-FICT-PRS-1SG
 'I'm writing poems just a little bit'.

3. Modelling the polysemy of *-mn'äs'k*

As I have shown in the previous section, *-mn'äs'k*, in addition to its simulative function, also acquires a range of scalar interpretations, presupposing a deviation from the 'standard' on a scale, when the action is accomplished to a lesser extent or less carefully/skillfully than expected. The component of reduced quantity or quality of an action is a common feature for *mn'äs'k*-derivations and verbal diminutives. In Section 3.1, I briefly present the typologically attested meanings of diminutives that overlap with those expressed by *-mn'äs'k*, and describe a way to account for their polysemy (mainly following [Jurafsky 1996]). In Section 3.2, I adjust this approach to model the polysemy of *-mn'äs'k* in Tatyshly Udmurt.

3.1. A structured polysemy of the diminutive category

Since [Jurafsky 1996], it has been noted that diminution encompasses a broad variety of meanings, which form a radial category in terms of [Lakoff 1987]. The centre of the category is occupied by meanings such as 'small' and 'child', while the other meanings are related to them via different mechanisms of semantic change: inference (I), metaphor (M), generalization (G), and lambda-abstraction (L) (for details see [Jurafsky 1996]).

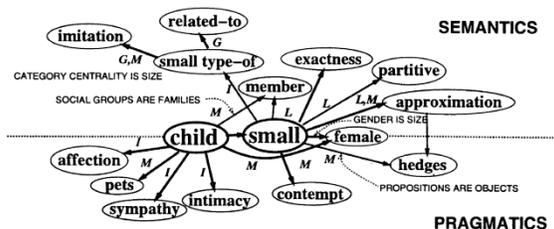

Figure 1: Proposed universal structure for the semantics of the diminutive [Jurafsky 1996: 542]

Though the typological study by Jurafsky focuses mainly on nominal and adjectival diminutives, further research on verbal diminutives [Katunar 2013; Weidhaas, Schmid 2015; Audring et al. 2021] displays a considerable parallelism with the range of meanings identified in Jurafsky’s radial category. The meanings attested in [Audring et al. 2021] fall into three categories: attenuation in quantity, attenuation in quality and affective meanings, and this picture resonates with the polysemy of *-mn’äs’k* discussed in Section 2.

Attenuation in quantity concerns either low intensity or short duration of an action, while within the qualitative domain the authors mention reduction in the dimension of seriousness and/or effort, and in the dimension of completeness and/or success. The former dimension covers the meanings ‘playful’ and ‘pretend to’, among others, and the latter includes cases where the action is attempted but not completed. Affective meanings indicate either the speaker’s attitude (affection / contempt) towards the action or its agent, or signal the speaker’s politeness or self-deprecation. Though [Audring et al. 2021] do not go beyond the enumeration of the meanings, I assume that the mechanisms proposed by Jurafsky to relate the senses of nominal diminutives fit the verbal diminutive domain as well. I adopt this approach to account for the polysemy of *-mn’äs’k* in the next subsection.

3.2. Applying the polysemy model to the meanings of *-mn’äs’k*

The structured polysemy network proposed in [Jurafsky 1996] (see Figure 1) contains *imitation* as one of the peripheral meanings, linked to the core diminutive ‘small’ through the metaphor CATEGORY CENTRALITY IS SIZE. The central or prototypical members of a category are associated with large size, while peripheral or marginal members — with small size. However, imitative diminutives are not necessarily smaller than the unmarked nouns, cf. Dominican Spanish *boca* ‘mouth’ vs. *boquete* ‘hole’ (of any size). Thus, Jurafsky connects this node with the core via an intermediate meaning ‘small type-of’, which is a mixture of physical and evaluative functions (small in size, but also resembling in some way), cf. Hebrew *mapa* ‘tablecloth’ vs. *mapit* ‘napkin’.

The other two meanings relevant for the polysemy displayed by *-mn'äs'k* belong to the pragmatic domain and are labeled as *contempt* and *hedges*. The pejorative meaning of contempt is based on a reinterpretation of the notion 'small' as 'insignificant' or 'low in quality'. [Katunar 2013] suggests to adopt this metaphorical transfer to verbal diminutives: the shift from the domain of intensity to the domain of quality occurs via the reinterpretation of the metaphor MORE IS UP (LESS IS DOWN). The pragmatic hedges [Lakoff 1973] are used to soften or weaken the illocutionary force of the utterance, and the radial category represents this meaning as a result of a shift from the linguistic domain to the speech act domain, via PROPOSITIONS ARE OBJECTS metaphor. The metaphor is based on imposing the properties of physical objects on textual objects, or propositions. In other words, the use of a verbal diminutive indicates that the illocutionary force of the utterance is reduced, in a similar way as the use of a diminutive on a noun indicates that the size of a physical object is smaller than normal.

Thus, the meanings of pretence, low intensity, negative assessment and modesty / self-deprecation encoded by *-mn'äs'k* are all present in Jurafsky's polysemy network under slightly different labels (*imitation, small, contempt* and *hedges*), though a counterpart for the 'small type-of' node within the verbal domain is lacking. The attemptive reading can be viewed as an inference (implicature) of the low intensity meaning: if the action is accomplished only to a small extent, it is probably not completed (and attemptive contexts with *-mn'äs'k* always involve an underdeveloped skill).

The major difference in the polysemy pattern I propose for *-mn'äs'k* is that of pretence (not diminutive) being the source meaning of the affix, giving rise to the diminutive and further related interpretations. The trajectories of the semantic shift are presented in Figure 2. Pretended action is viewed as a marginal realization of an action, which is reinterpreted within the domain of low intensity (through the metaphor MARGINAL IS SMALL), so the initial metaphorical link between the diminutive and imitative meanings in Jurafsky's map is reversed. The attemptive reading is derived as an inference of low intensity and is thus given in dotted lines. Evaluative meanings (pejorative, modesty / self-deprecation) come about as a

result of the LESS IS DOWN and PROPOSITIONS ARE OBJECTS metaphors established in previous studies.

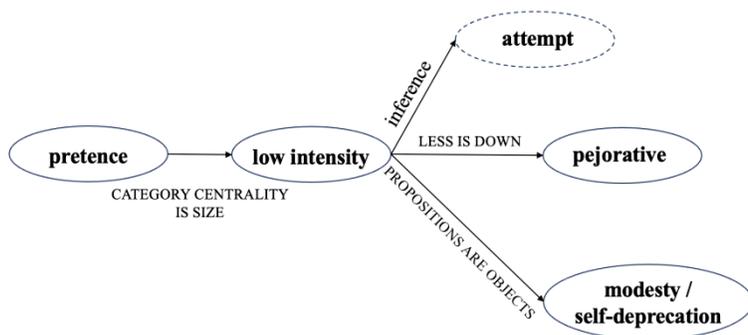

Figure 2: Proposed polysemy pattern for *-mn'äs'k*

Assigning the source role in the polysemy chain to the pretence meaning of *-mn'äs'k* is valid from both synchronic and diachronic perspectives. First, the use of the affix is largely limited to predicates demanding an animate subject, with the only exception of “meteorological” predicates, while a verbal diminutive is expected to be more productive. Second, according to [Serebrennikov 1960: 138–139], Permian languages possessed a separate diminutive affix *-äšt*, which fulfilled both semelfactive and attenuative functions, while *-mn'äs'k* is not mentioned in the literature on Udmurt aspect and aktionsart (though this fact does not provide direct evidence for the lack of diminutive readings of the latter). However, *-äšt* is almost lost in contemporary Udmurt (being still present in Komi), and the place for a conventional diminutive derivation is vacant. The final, and probably the most convincing, argument concerns the etymology of *-mn'äs'k*. Diachronically, the affix consists of a nominalization/past participle marker *-m*, an “adverbialis” (or “correlative” («соответственный»)) in terms of traditional grammars: *Kuzmič-ja* ‘according to Kuzmič’) case marker *-ja*, and a detransitive suffix *-s'k* [Alatyrev 1959; GSUYa 1962: 234], so the literal translation of *V-mn'äs'k* can be conveyed as ‘perform some action in accordance with V’. Hence, the pretence meaning of *-mn'äs'k* is diachronically motivated and serves as a source meaning for further scalar extensions.

4. Concluding remarks

In this paper I described the semantics of the simulative marker *-mn'äs'k* and proposed a model to account for its polysemy and diminutive extensions, referring to different scales (quantity, quality, evaluation). The data provided are novel from the perspective of the typology of both verbal simulative and diminutive derivations. Moreover, the case of *-mn'äs'k* enriches the typology of semantic shifts attested for the notion 'pretend' as a source meaning and the diminutive (the notion 'little, small') as its target domain.

Abbreviations

1, 3 — 1, 3 person, DETR — detransitive, FICT — simulative affix, INS — instrumental, POSS — possessive, PRS — present tense, PST — past tense, PTCP.PST — past participle, SG — singular, VN — verbal noun.

References

- Alatyrev V. I.* Glagoly pritivornogo deistviya v udmurtskomazyke [Verbs of feigned action in the Udmurt language] // *Voprosy udmurtskogoazykoznanija: Sb. statei. T. 1.* Izhevsk, 1959, 73–139. In Russian.
- Audring J., Leufkens S., van Lier E.* Small events. Verbal diminutives in the languages of the world // *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021. № 1(1), 223–256.
- Baidoullina A.* Tatyshlinskiy govor udmurtskogoazyka: fonetika i morfologiya [Tatyshly subdialect of Udmurt: phonetics and morphology]. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. In Russian.
- Grammatika sovremennogo udmurtskogoazyka. Fonetika i morfologiya* [A Grammar of Contemporary Udmurt. Phonetics and morphology] / *Perevoshchikov P. N.* (ed.). Izhevsk: Izhevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. In Russian.
- Jacques G.* Simulative derivations in crosslinguistic perspective and their diachronic sources // *Studies in Language*. 2023. № 47(4), 957–988.
- Jurafsky D.* Universal tendencies in the semantics of the diminutive // *Language*. 1996. № 72(3), 533–578.
- Katunar D.* Diminutives in Action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian // *Suvremena Lingvistika*. 2013. № 39(75), 1–23.

- Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2, № 4, 458–508.
- Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Serebrennikov B. A.* Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoj i volzhskoj grupp {Tense and aspect in the Permic and Volga groups of the Finno-Ugric languages.} M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. In Russian.
- Weidhaas T., Schmid H. J.* Diminutive verbs in German: Semantic analysis and theoretical implications // Morphology. 2015. № 25(2), 183–227.

А.С. Панина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
panina-anna@yandex.ru

О некоторых случаях метонимии японских глаголов

Из двух типов семантических переходов метафора привлекает яркой образностью, тогда как метонимия, особенно глагольная, часто остается в ее тени.

Одно из направлений в исследованиях лексической семантики, где метонимия важна, это проекты Московской лексико-типологической группы, от [Глаголы движения в воде... 2007] до [The Typology of Physical Qualities, 2022] и далее. В этих работах лексика разных языков описывается группами – лексико-семантическими полями, и слова в рамках поля делят между собой набор базовых ситуаций, так называемых фреймов. Метафорические переносы позволяют лексемам переходить из одного поля в другие, скажем, японское прилагательное *nibui* ‘тупой’ помимо обозначения формы развивает абстрактное значение ‘медленный’ [The Typology of Physical Qualities, 2022: 48]. Ситуация же, когда одна лексема охватывает несколько фреймов в исходном поле, описывается как метонимия, например, для английского прилагательного *sharp* в сочетаниях *sharp claw* ‘острый коготь’ – острота режущего инструмента – и *sharp nose* ‘острый нос’ – остроконечная форма, воспринимаемая только зрительно [ibid: 18].

Наряду с подобными классическими случаями существует еще один, когда лексема покрывает несколько фреймов в разных, но смежных семантических полях. Для японского языка это, например, употребление глагола *haru* ‘натягивать’ в сочетаниях *rōpu o haru* ‘натягивать веревку’, *kitte o fūtō ni haru* ‘наклеивать марку на конверт’, *baketsu ni mizu o haru* ‘наливать

воду в миску’ [Hyōgen] и *garasu o haru* ‘вставлять стекло’ [БЯРС] (разные словари распределяют эти и аналогичные примеры по разному количеству словарных статей, но мы вслед за [Kunihiro, 2006] будем рассматривать все физические употребления *haru* как полисемию, а не омонимию).

Сразу бросается в глаза, что спутники глагола *haru* в перечисленных примерах относятся к разным топологическим типам: веревка – мягкий длинный предмет, марка – мягкий лист, стекло – жесткий лист, вода – жидкость. Сильная разница в семантическом типе участников характерна для метафоры, но там, как правило, образы материального мира заимствуются для описания абстрактных явлений, а здесь все объекты физические. Если сравнивать приведенные выше сочетания с метафорическими употреблениями этого же глагола, такими как *iji o haru* ‘упорствовать’ (букв. ‘натягивать своеволие’) или *isei o haru* ‘демонстрировать (букв. ‘натягивать’) силу’, то вода и стекло окажутся намного ближе друг к другу, чем к психологическим явлениям.

Поскольку разные типы объектов требуют разного взаимодействия, физические ситуации, описываемые глаголом *haru* с разными спутниками, существенно отличаются друг от друга: веревка и стекло закреплены за края, марка плотно контактирует с конвертом, вода заполняет часть миски. Однако у них есть и нетривиальная общая часть. Когда к краям мягкого предмета приложена сила (в работе [Kunihiro, 2006: 205] это значение считается исходным для остальных) либо мягкий лист расправлен и в этом положении прикреплен к другому предмету, они приобретают максимальный для себя размер; жидкость сама стремится максимально растечься, жесткие листы неспособны менять ширину, но поскольку на них тоже нет складок, они как бы всегда находятся в растянутом состоянии. Важность этого компонента значения для *haru* подтверждают и японские словари, такие как [Ruigo], толкуя *haru* через глагол *hirogeru* ‘делать широким’.

Нельзя сказать, что японский язык вообще не выделяет жидкости в отдельный топологический тип, однако они

регулярно оказываются спутниками глаголов, описывающих форму или контакт, наряду с дискретными предметами.

Близким образом к *haru* ‘натягивать’ ведет себя глагол *tareru* ‘свисать, стекать’. Общая часть для его значений – форма, которую сила тяжести придает мягкому длинному предмету, например *chōhatsu ga kata made tareru* ‘длинные волосы свисают до плеч’ [Ruigo], или струйке жидкости, причем даже не обязательно непрерывной, например *jaguchi kara mizu ga pota-pota tarete-iru* ‘из крана каплет (букв. ‘свисает кап-кап’) вода’ [KNJED].

Аналогично глагол *shiku* ‘стелить’ помимо жестких и мягких листов допускает в качестве объекта слой сыпучего вещества или жидкости: *kāpetto o shiita heya* ‘комната, где постелен ковер’, *shari o shiita michi* ‘дорожка, посыпанная (букв. ‘застеленная’) песком’, *furaipan ni abura o shiku* ‘налить (букв. ‘постелить’) масло на сковороду’ [Нубген].

Особенно впечатляют разнообразием фреймов и спутников два глагола каузации контакта, *kakeru*, который можно очень приблизительно обозначить русским эквивалентом ‘вешать’, и *tsukeru* ‘прикреплять’. Оба демонстрируют цепочечную полисемию, и даже среди их чисто физических значений не все имеют друг с другом общую часть.

Для глагола *kakeru* центральная ситуация – это контакт, поддерживающийся за счет силы тяжести, когда опора не дает траектору упасть [Morita, 1989: 151], прежде всего контакт с кронштейном, например *bōsi o kugi ni kakeru* ‘повесить шляпу на гвоздь’ [KNJED], или с вертикальной опорой, например *isu no se ni kōto o kakeru* ‘повесить пальто на спинку стула’ [Нубген], *kabe ni hashigo o kakeru* ‘приставить к стене лестницу’ [БЯРС] (точно так же, по-видимому, описывалась бы ситуация, если бы лестница-стремянка не опиралась на стену, а висела на вбитом в нее крюке). Затем примеры, где опора не вертикальная, такие как *kodomo ni futon o kakeru* ‘накрыть ребенка одеялом’ (букв. ‘повесить одеяло на ребенка’) [Dōshi:128], позволяют перейти к фреймам, где траектор размещается на опоре в качестве наружного слоя в плотном контакте; скажем, в ситуации *hon ni kabā o kakeru* ‘надеть (букв. ‘повесить’) обложку на книгу’ [ibid]

обложка не упадет при любом положении книги. Похожие подгруппы употреблений *kakeru* выделяются и для случая, когда траектор представляет собой вещество. Близкой к манипуляциям с дискретными предметами является ситуация, когда жидкому траектору позволяется упасть на опору, пролетев некоторое расстояние, например *takibi ni mizu o kakeru* ‘залить костер водой’ (букв. ‘повесить воду на костер’), или по крайней мере контакт возникает под действием силы тяжести, например *tatagoyaki no sosu o kakeru* ‘полить омлет соусом’ (букв. ‘повесить соус на омлет’) [KNJED]. Расширением таких употреблений можно считать контексты, где контакт с опоры с веществом создается более сложным способом, например *yuka ni wakkusu o kakeru* ‘натереть пол воском’ (букв. ‘повесить воск на пол’) [Dōshi: 128].

Глагол *tsukeru* ‘прикреплять’ обозначает прежде всего каузацию контакта предмета с так называемым дополнителем в терминах [Рахилина 2000: 44]. Контакт может быть временным или постоянным, например *mimi ni hochōki o tsukeru* ‘вставить (букв. ‘прикрепить’) в ухо слуховой аппарат’ [Hyūgen], *shatsu ni botan o tsukeru* ‘пришить (букв. ‘прикрепить’) пуговицы на рубашку’ [Dōshi: 324], причем в этом значении *tsukeru* иногда встречается в тех же контекстах, что *kakeru*, например *atarashii kāten o kakeru* ‘повесить новые шторы’ [KNJED] (статья *kāten* ‘штора’), *mado ni kāten o tsukeru* ‘повесить на окно шторы’ [Dōshi: 324]. Наряду с дополнителями других топологических типов встречаются вещества. Для них, в отличие от всех остальных глаголов, рассмотренных выше, примечательно, что двигаться может любой из участников контакта, и это не обязательно влияет на падежное оформление. Так, в обоих следующих примерах жидкость-дополнитель оформлена аккумулятивом, а предмет-дополняемое дативом: *kizuguchi ni kusuri o tsukeru* ‘нанести (букв. ‘прикрепить’) лекарство на рану’ [Dōshi: 324], где лекарство перемещается к ране, и *sashimi ni shōyu o tsukeru* ‘окунуть сашими в соевый соус’ (букв. ‘прикрепить соевый соус к сашими’) [KNJED], где блюдец с соусом неподвижно; понять, что в последнем примере перемещается рыба, а не соус, позволяет только знание

японского застольного этикета. Тем не менее можно отметить, что и в этом употреблении сохраняется общая часть с пришиванием пуговицы к рубашке – каузация контакта чего-то главного с чем-то второстепенным.

В целом, по-видимому, на периферии глагольной метонимии располагается достаточно обширный класс подобных переходов, при которых и исходное, и производное значение являются физическими, а ситуации одновременно обладают и нетривиальным сходством, и значительными отличиями, начиная с топологического типа спутников.

Регулярность этих переходов при сопоставлении с другими языками, насколько нам известно, не становилась темой самостоятельного исследования. Предсказать ее заранее трудно. Естественно ожидать, что сложная структура значений исходной леммы не совпадет с каким-то одним словом и у глагола типа *haru* или *tsukeru* окажется набор частичных переводных эквивалентов тем шире, чем большее количество фреймов этот глагол охватывает. Часть из этих эквивалентов, в свою очередь, скорее всего, дадут такую же картину при обратном переводе – скажем, *tsukeru* и его частичный английский эквивалент *to put* оба покрывают широкий, хотя и не совпадающий, набор контекстов.

Если удастся собрать достаточно материала, можно будет поднять и более фундаментальный вопрос: не различаются ли языки тем, насколько представлен в них данный вид полисемии, например, не склонен ли русский язык по сравнению с японским использовать лексику с более узким значением (*пришить*, а не *прикрепить пуговицу* в отличие от *botan o tsukeru*). В любом случае подобные метонимические переносы в смежные семантические поля представляются перспективным объектом для типологического исследования.

Сокращения

- БЯРС – Большой японско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Dōshi – Nihongo dōshi yōhō jiten [Словарь узуса глаголов японского языка]. Токуо: Taishūkan shoten, 2000.
- Hyōgen – Nihongo hyōgen katsuyō jiten [Активный словарь конструкций японского языка]: [электронное издание]. Токуо: Kenkyūsha, 2004.
- Ruigo – Kadokawa ruigo shinjiten [Новый тезаурус изд-ва «Кадокава»]: [электронное издание]. Токуо: Kadokawa, 1981
- KNJED – Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary: [электронное издание]. Токуо: Kenkyūsha, 2003.

Литература

- Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. М.: Индрик, 2007.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000
- The Typology of Physical Qualities / edited by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2022.
- Kunihiro T.* Nihongo no tagi dōshi [Многозначные глаголы японского языка]. Токуо: Taishūkan shoten, 2006.
- Morita Y.* Kiso nihongo imi to tsukaikata [Базовая японская лексика: семантика и употребление]. Токуо: Kadokawa, 1989.

А.Д. Подгорная

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
podganastas@gmail.com

Семантические переходы в близкородственных языках: глаголы бросания в русском и чешском¹

1. Введение

Глаголы, описывающие каузированное движением руки перемещение физических объектов по воздуху, или бросание, демонстрируют в языках мира обширную сеть переносных значений. В базе данных DatSemShift отмечено 37 семантических переходов, а в базе CLICS, учитывающей колексификацию, концепт THROW связывается с 11 другими концептами².

Полисемия глаголов данной группы становилась предметом частноязыковых и сравнительных исследований, см. [Skallman 2012; Блинова 2019]. В [Кустова 2004] на примере русского языка показывается, что сочетания глаголов с аргументами различных таксономических классов могут фокусировать внимание на двух аспектах: ликвидации исходного состояния или каузации конечного, в чем проявляется развитие компонентов исходной ситуации, в которой объект контролируется агенсом только в начальной фазе и в результате

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

² Ресурсы доступны по ссылкам <https://datsemshift.ru/> и <https://clics.clld.org/>.

перемещения оказывается в новом месте. Кроме того, могут актуализироваться имплицитные исходной ситуацией или ассоциируемые с ней компоненты быстроты, небрежности, ненужности объекта и др.

Сравнение семантических переходов, демонстрируемых глаголами бросания, в близкородственных языках представляется интересной задачей. В статье мы остановимся на моделях перевода глаголов со значением ‘бросить’ и их приставочных дериватов, рассмотрев доминантные глаголы поля (в понимании [Рахилина, Резникова 2013]), чаще всего встречающиеся и имеющие наибольшее количество дериватов и переносных значений, какими являются *бросить* и *кинуть* в русском и *hodit* и менее употребительный глагол *vrhnout* в чешском, а также их корреляты несовершенного вида.

Материал взят из параллельного русско-чешского подкорпуса НКРЯ (~4 000 000 словоупотреблений). Всего было извлечено 1910 контекстов, в которых хотя бы в одном тексте употреблен глагол бросания. Далее мы обсудим несколько групп употреблений, демонстрирующих сочетаемостные возможности глаголов бросания. Переводы чешских глаголов даются по [Чешско-русский словарь 1976].

2. Семантические переходы глаголов бросания

2.1. Движения частей тела

Среди физических типов объектов, которым часто соответствуют особые значения глаголов, в [Кустова 2004: 41] перечислены названия частей тела. Такие употребления с глаголами бросания отклоняются от прототипической ситуации, так как при движении части тела объект не отделяется, и подчеркивают быстроту движения, часто со спецификацией направления.

В русском поднятие различных частей тела описывает глагол *вскинуть* (*голове, глаза, брови, руки*). Кроме того, он может обозначать поднятие объекта, находящегося в руках, к примеру, *ружья*. В нашем материале такие контексты по-чешски передаются с помощью глаголов *zvednout* (11 к.) и *zdvihnout* (10 к.) ‘поднять’ (1). Движение назад также могут

обозначать дериваты глагола *кинуть* — *закинуть* и *откинуть* (*головоу*), что в чешском соответствует *zaklonit/zvrátit hlavu*.

(1) „Řikal jste něco?“ **zvedl obočí**.

— *Вы что-то сказали?* — **вскинул шеф брови**.

[Petr Šabach. *Voda se šťávou* (1994). Пер. Антона Ширяева (2005)]

В то же время обратное соотношение демонстрируют ситуации, обозначаемые в чешском глаголами *pohodit* и *rozhodit*. В русском движение головы из стороны в сторону или кивок скорее передаются не глаголами бросания, так что *pohodit* соответствуют в русских текстах различные глаголы: *тряхнуть*, *мотнуть*, *кивнуть* (2), для *rozhodit ruce/rukama* же эквивалентно *развести руками*.

(2) **Pohodil hlavou zpět k baráku podivinského vědátora**.

Он кивнул в сторону домика профессора Дефосте. [Ivan Foustka.

Plamenný kontinent (1964). Пер. Юрия Молочковского (1967)]

2.2. Взгляд

По [Кустова 2004: 162], употребления глаголов бросания для обозначения взгляда развивают коннотацию быстроты перемещения. В русском такую сочетаемость демонстрирует *бросить* (*взгляд*), а в чешском — *vrhnout* (*pohled*) (21 к.), в меньшей степени — *hodit* (2 к.).

Глагол *окинуть* (*взглядом*), не имеющий употреблений в ситуации бросания, соответствует в рассмотренных контекстах в чешском *změřit / přejet / přelétnout pohledem* ‘смерить взглядом’, *obhlédnout* ‘оглядеть’ и *prohlédnout* ‘осмотреть’ и др. Отметим, что управление формой инструменталиса возможно в данной группе для *hodit* (*okem*) и *mrsknout* (*okem*), букв. ‘хлестнуть/швырнуть глазом’:

(3) *Otec Klapzuba mrskl okem do kouta, kde seděl vytáhlý, ale svižný hoch, přejel očima jeho urostlou postavu, a vyňal levicí fajfku z huby*.

Клапзуба повел глазом в угол, где сидел худощавый, подвижной юноша, окинул взглядом его высокую фигуру и вынул трубку изо рта. [Eduard Bass. *Klapzubova jedenáctka* (1954). Пер. Евгении Аникст (1978)]

2.3. Падение света и тени

Метафоры, связанные со светом, регулярно задействуют глаголы движения. В [Рахилина и др. 2020: 82–84] в этом

отношении рассматриваются лексемы, описывающие падение. Глаголы бросания в таких контекстах добавляют еще одного участника — источник света или объект, стоящий на его пути, каузирующий «падение» света или тени на стимул. В чешском в данном случае встречаются *vrhnout (světlo/stín)* и глагол несовершенного вида *vrhat*, получающий стативную интерпретацию (4). В русском глаголы бросания сочетаются скорее с обозначением тени в качестве объекта, ср. *бросить* и *отбросить/отбрасывать тень*.

(4) *Světlo pochodní vrhalo mihotavé stíny na jeho ulízané spánky.*

Свет факелов бросал шатающиеся тени на прилизанные височки графа. [И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927). Пер. Надежды Слабигоудовой (1959)]

Подобные сочетания также могут обозначать события, которое негативно влияют на чью-либо репутацию, омрачают событие (*vrhnout stín na někoho/něco* ‘бросить тень на кого/что-л.’) или проливают на что-либо свет, чеш. *vrhnout světlo na něco*. Отметим, что во втором случае русский эквивалент содержит глагол каузированного перемещения жидкости, а не дискретного объекта, как предполагает бросание.

2.4. Речь

Как отмечено в [Яковлева 2021], поле каузированного перемещения по воздуху в русском языке является одним из основных доноров для поля глаголов речи. В первую очередь такой переход свойствен *бросить*, подчеркивающему небрежность или негативную реакцию говорящего, ср. (5) с *brouknout* ‘буркнуть’ в чешском переводе. Его дериваты и другой доминантный глагол *кинуть* имеют в данном поле ограниченное употребление [Яковлева 2021: 643–644].

Она сердито бросила: — У себя.

„Je,“ *broukla dopáleně.* [С. М. Голяков, В. М. Понизовский. Рихард Зорге (1965). Пер. Ондржея Секоры (1966)]

Чешскими эквивалентами *бросить* в таких контекстах может выступать как доминантный глагол *hodit* (3 к.), так и его дериват *prohodit* (7 к.), в прямом значении предполагающий, что брошенный объект движется через что-либо, ср. *prohodit míč kruhem* ‘забросить мяч в кольцо’. Когнатная приставка *про-* есть в глаголе *проронить*, являющемся наиболее частым

соответствием *prohodit* в нашем материале (10 к.), подчеркивая краткость реплики или внешнюю ненамеренность слов говорящего, см. (6), и *проговорить*, встретившемся в 7 случаях, к примеру, в сочетании с *многозначительно*, с *грустью*, *тихо*.

(5) "*Ráno vás odvezeme do Písku*," **prohodil jako mimoděk**, {...}.

— Утром мы отвезем вас в Писек, — **проронил он как бы невзначай**.

[Jaroslav Našek. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války (1921–1923). Пер. Петра Богатырева (1929–1956)]

Валентность содержания при данных глаголах занимает не только прямая речь. На месте реципрокальных дериватов *переброситься* и *перекинуться* (*парой слов*) для обозначения короткого разговора чешский также использует глагол *prohodit*:

(6) *Teprve navečer jsem mohla prohodit pár slov s trepangami*.

Только вечером **перекинулась парой слов с трепангами**.

[Кир Булычев. Половина жизни (1973). Пер. Йозефа Тыча (1985)]

Для подчеркивания множественности метафорического объекта в русском используются глаголы *бросать* или *забросать* (или вторичный имперфектив *забрасывать*). В чешском в таких контекстах нам встретился не относимый к лексемам бросания *chrlit* ‘извергать (лаву и др.)’. Употребление глагола перемещения через отверстие в поле речи находит соответствие в *изрыгать/извергать* (*оскорбления*) в русском [Яковлева 2021: 647].

(7) *Na tovární schůzi {...} polsky chrlil do obklopujících ho dělníků krutá, neúprosná slova*.

На фабричном собрании {...} **бросал он окружающим его рабочим жесткие, непримиримые слова по-польски**. [Николай Островский. Как закалялась сталь (1930–1934). Пер. Ярилы Вагштайн (1946)]

Еще одним глаголом, не имеющем соответствия в русском, является *nadhodit* ‘подбросить вверх’. Нам он встретился как переводной эквивалент *намекнуть*, *завести разговор*, *поставить вопрос* и др.

2.5. Избавление

Следующие две группы объединены тем, что они переносят внимание на прекращение контакта с объектом. В случае избавления это достигается за счет усилий агенса по

перемещению объекта, физическому в случае *vyhodit* (*banku*) (чеш. *vyhodit, zahodit*), но предполагающему особый тип пространства — происходит удаление из личной сферы агенса [Кустова 2004: 42], или нет, как в *vyhodit/vyshivyrnut* с *работы* (чеш. *vyhodit z práce*), где в качестве удаленного из социальной сферы объекта выступает человек.

Соответствия в чешском находят и глаголы с приставкой *om-*, обозначая резкую смену взглядов или мыслей. В чешском при этом возможны дериваты как *hodit*, так и *vrhnout*, ср. *odhodit/odvrhnout pochyby* ‘отбросить сомнения’, а также:

(8) (...) *официанты отбросили всякие сомнения и принялись за дело серьезно.*

(...) *číšníci odvrhli svá podezření a dali si záležet.* [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940). Пер. Алены Моравковой (1969)]

Глаголы бросания в таких контекстах подчеркивают идею ненужности объекта, поэтому в сочетании с (метафорическими) объектами, наличие которых оценивается положительно (шанс, деньги, талант и т. д.), они передают негативную оценку действий агенса со стороны говорящего, *zahodit/zavrhnout kariéru* ‘оставить карьеру’, *vyhodit peníze* ‘выбросить деньги, потратить их на что-л. ненужное’.

Кроме того, агенс может быть заинтересован в избавлении от ответственности, вины, подозрения. В чешском для обозначения данной ситуации используются глаголы *hodit* или *shodit/svrhnout*, в то время как в русском выбирается лексема из другой группы глаголов каузированного перемещения *свалить* (*ответственность, вину на кого-л.*).

2.6. Оставление

Данная группа предполагает, что агенс сам перестает находиться в определенном пространстве: в стране, городе, доме или личном пространстве другого человека [Кустова 2004: 164]. В этих контекстах в русском используется нейтральная лексема *покинуть*. Выбор глагола *бросить* подчеркивает незаинтересованность агенса в дальнейшей судьбе объекта, которому может быть нанесен ущерб, ср. устойчивое *бросить на произвол судьбы / в беде*, чеш. *nechat světu osudu / ve štýchu*.

Кроме того, глаголу *brosit* доступен еще один контекст — оставление физического объекта без его перемещения, ср.:

(9) *Nechal jsem v_{iz} před vraty, (...).*

Бросил машину возле ворот, (...).

[Михаил Шолохов. Судьба человека (1956). Пер. Веры Венд (1963)]

В чешском глаголы бросания не употребляются в таких случаях, а также в контексте оставления работы или какого-либо занятия (*brosit* *работу / живопись*), в переводах наиболее частотными эквивалентными русскими лексем являются *opustit* (136 к.), *nechat* и его дериваты *ponechat* и *zanechat* (65 к.).

3. Обобщение

Мы обсудили несколько групп переносных употреблений основных глаголов с семантикой бросания и их дериватов в русском и чешском на материале параллельного корпуса, обращая внимания на сочетания с различными типами актантов.

В заключение приведем некоторые наблюдения. Мы обнаружили, что в ситуациях, предполагающих избавление, русский и чешский демонстрируют пары глаголов, эквивалентные с учетом словообразовательной модели, однако контексты оставления оказываются недоступны глаголам бросания в чешском. В некоторых случаях языки задействуют разные лексемы с семантикой каузированного перемещения при когнатном деривационном показателе, ср. *rozhodit* (*ruce/rukama*) — *развести (руками)*, (*s*)*hodit* (*vinu na někoho*) — *свалить (вину на кого-л.)*, *prohodit* — *проронить* в речевых контекстах. В переносных употреблениях *vrhnout* предпочитается намного более употребительному в прототипической ситуации *hodit* в контекстах бросания взгляда, света и тени, ср. когнатный корень *-verg-* в русском, который употребляется только связано в переносных значениях.

Литература

- Блинова А. А. Lexico-typological study of the prefixal verbs of throwing : магистерская диссертация. М., 2019.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004.

- Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2, 3–31.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А.* Типология метафор падения // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. № 16, 64–112.
- Яковлева И. В.* «Давай ронять слова»: метафора каузации перемещения по воздуху в семантической зоне глаголов речи в русском языке в контрастивном аспекте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2015). Вып. 14. В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М. : Изд-во РГГУ, 2015, 638–649.
- Skallman E.* The interplay of synonymy and polysemy: The case of *arrojar*, *echar*, *lanzar* and *tirar* : Master's thesis. Tromsø, 2012.
- Чешско-русский словарь : в 2 т. / под ред. Л. В. Копецкого, Й. Филиппа и О. Лешки. М. : Русский язык; Прага : Государственное педагогическое изд-во, 1976.

Е. В. Разумных

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва
amilano80@mail.ru

Семантико-грамматический переход как основа формирования неопределенно-личного местоимения *tan* в древнеанглийском

Неопределенно-личные предложения с местоимением *tan* известны всем, кто так или иначе знаком с немецким языком. В современном английском языке семантика неопределенно-личности передается иначе, однако диахроническое исследование позволяет выявить аналогичную конструкцию и проследить особенности ее функционирования также и в древнеанглийском, синтаксические и грамматические параллели которого с немецким неоднократно отмечались исследователями (см., напр., [Lauridsen 2021]). В настоящей статье описываются результаты системного анализа двух древнеанглийских памятников (героико-эпической поэмы «Беовульф» и летописи «Англосаксонские хроники») на предмет функционирования в них лексемы *tan* (*mon*), которые позволяют сделать некоторые предположения о характере и когнитивной основе семантико-грамматического перехода древнеанглийского существительного *tan* (*mon*) ‘человек, муж’ в неопределенно-личное местоимение.

Исследование текста «Беовульфа», проведенное путем сплошной выборки и контекстуального анализа, позволило установить высокую полисемию указанного существительного, которое выступает в значениях ‘группа людей’, ‘любой человек из группы людей’, ‘конкретный человек (персонаж)’, ‘человеческий род’, а также входит в состав ряда сложных слов. Сравн.:

*taerne þeoden / þa him wæs **tan**na þearf* (201) – ‘славный конунг, но у него была в людях потребность’ (*перевод примеров здесь и*

далее мой – Е.Р.), сравн. художественный перевод В. Тихомирова: «найдем мы ... конунга славного, но бедного слугами!» [Беовульф 2005: 15]; *se þe manna wæs / mægene strengest // on þæm dæge / þysses lifes (779-780)* – ‘тот, кто из людей был самым сильным в тот день своей жизни’; *ða se gomela / gode þancode // mihtigan drihtne / þæs se man gespræc (1397-1398)* – ‘старец Бога возблагодарил, всемогущего властителя, за то, что тот человек сказал’; *secg wisade // lagucræftig mon / landgemyrcu (208-209)* – ‘друзинник направлял (воинов), опытный кормчий, к берегу’; *naefre hit æt hilde ne swac // manna aengum (1460-1461)* – ‘никогда он (меч) в бою не подводил кого-либо из людей’; *sibbe ne wolde // wið manna hwone / mægenes Deniga (154-155)* – ‘мира не желал с кем-либо из людей данов’; *Swa fela fyrena / feond mancynnes // atoll angengea / oft gefremede (164-165)* – ‘Множество злодеяний враг человечества, одинокий скиталец, часто совершал’.

Отличительная особенность реализации существительного *man (mon)* в тексте «Беовульфа» заключается в формульном характере и повторяемости контекста, в котором реализуется то или иное значение слова. Так, в значении ‘группа людей’ оно по большей части употребляется в форме родительного падежа множественного числа, поскольку речь обычно идет о выделении персонажа своими качествами на фоне других людей. В значении ‘любой человек из группы людей’ обсуждаемое существительное почти всегда сопровождается неопределенными местоимениями *ænig* ‘какой-либо’, *hwylc* ‘любой’, а смысл высказываний сводится к превосходству и исключительности героя по сравнению с кем-либо из других людей.

В 8 случаях лексема *man (mon)* выступает в тексте «Беовульфа» в предложениях с неопределенно-личным значением, большинство из которых также носят формульный характер в том смысле, что выполняют функцию афоризмов-поучений, которыми завершается описание некоторых сюжетов или событий в структуре повествования. Сравн.:

lofdaedum sceal // in mægþa gegwaere / man gefeorn (24-25) – ‘доблестными делами должно среди дружины славиться’; *spræc ða ides Scyldinga: // ‘Onfoh þissum fulle / freodrihten min // sincas brytta / ... / on to Geatum spræc // mildum wordum / swa sceal man doon (1168-1172)* – ‘и промолвила жена Скильдингов: «Возьми чашу

полную, мой благородный господин, сокровищ даритель, ... и с гаутами говори ласковыми словами – так должно поступать»’.

Формульность героико-эпического текста, отражающая важные свойства сознания средневекового человека и своеобразие его картины мира, неоднократно попадали в поле зрения исследователей [Гвоздецкая 1995; Смирницкая 2008; Мощанская 2009]. Примечательно, что в тексте «Беовульфа» вышеописанная афористическая формула допускает варьирование субъекта предложения, в функции которого – наряду с *man* – могли выступать также полнозначные существительные, напр.: *Swa sceal maeg don* (2166) – ‘Так должно дружиннику поступать’. Такая вариативность может свидетельствовать как о незавершенности перехода существительного *man* (*mon*) к роли неопределенно-личного местоимения в предложениях соответствующей группы, так и о возможности реализации самой формулы в различных амплуа: с неопределенно-личным значением, когда в центре внимания оказывается необходимость осуществления некоторых действий без указания на конкретного производителя (сравн.: *sceal ... man doon* ‘так должно поступать’), и с определенно-личным значением, когда потребность в описываемых действиях получает более узкое толкование, будучи отнесена к некоторому конкретному персонажу: воину, дружиннику и т. д. (сравн.: *sceal maeg don* ‘так должно дружиннику поступать’).

В некоторых случаях неопределенно-личное значение конструкций с *man* (*mon*) реализуется в тексте «Беовульфа» и за пределами эпической формулы, напр.: *þær mon Hygelac slog* (2355) – ‘там был убит Хигелак’. В летописи «Англосаксонские хроники» число похожих по форме и содержанию предложений составляет 43 случая, что намного превышает их общее количество в «Беовульфе». По сути, такая частотность данной синтаксической структуры в тексте «Хроник» позволяет говорить о наличии в древнеанглийском неопределенно-личных предложений как особой двусоставной модели. Существительное *man* (*mon*) утрачивает в них свою полнозначность и переходит в разряд неопределенно-личных местоимений, выполняя функцию формального субъекта с обобщенным, абстрактным значением. При этом инвариантность значения подлежащего в сочетании с

его выражением определенным разрядом слов становится достаточным признаком, выделяющим неопределенно-личные предложения с *man (mon)* с точки зрения формы [Ярцева 2022: 57]. Кроме того, можно полагать, что большая употребительность описываемой конструкции в прозаическом памятнике является его специфической чертой в сравнении с поэтическим текстом.

Содержание летописи, сводящееся к краткому изложению наиболее значимых для людей того времени событий, определяет и круг глаголов, выступающих в неопределенно-личных предложениях с *man (mon)*. Как правило, с помощью данных структур рассказывается о том, что кто-то был убит, похоронен, захвачен или посвящен в епископы, что-то было построено, разрушено или сожжено, был заключен мир и т.д. В центре внимания при этом оказывается само событие или действие, в то время как действующее лицо или лица не уточняются. Сравн.:

Ɔar man sloh eac .cc. preosta ɔa comon ɔyder Ɔæt hi scoldon gebiddan for Walena here (606) – ‘Там были убиты 200 священников, которые пришли, чтобы молиться за валлийское войско’; 7 forbærndon Tegntun, 7 eac fela oðra godra hama Ɔe we genemnan ne cunnan, 7 heom man syððan Ɔær frið wið nam (1001) – ‘и подожгли Тегнтун и много других хороших поместий, которые мы назвать не можем, и с ними вскоре был заключен мир’; Her mon hadode Byrnstan bisceop to Wintanceastre (931) – ‘Тогда рукоположили Бюрнстана в епископы Винчестера’; 7 wicode Ɔær Ɔa hwile Ɔe man Ɔa burg worhte 7 getimbrede æt Witham (912) – ‘и стоял там, пока та крепость строилась и возводилась в Уитгеме’.

Совокупный анализ материала двух разных по жанровой принадлежности памятников позволяет установить присущие им функциональные особенности использования лексемы *man (mon)* и вместе с тем предложить некоторые выводы относительно характеристик семантико-грамматической трансформации, связывающей данное существительное с неопределенно-личным местоимением. Представляется, что неопределенно-личное местоимение *man (mon)* развилось в древнеанглийском в результате семантического перехода из полнозначного существительного с наиболее общим значением деятеля ‘человек’. Разнообразие оттенков значений данного существительного в тексте «Беовульфа», варьирующихся от указания на конкретно-

го человека до обозначения человеческого рода, и семантическая бедность структурного элемента *man (mon)* в неопределенно-личных предложениях в тексте «Хроник» позволяют предполагать, что утрата существительным своего конкретного значения и переход к абстрактному, грамматическому по своей сути значению составляют в данном случае основное содержание семантического перехода. Важными характеристиками этого процесса являются его неразрывная связь с грамматикализацией и антропоцентрический тип мышления как ведущий принцип осмысления человеком окружающей действительности.

Суть грамматикализации заключается в том, что передача некоторых абстрактных концептов, для которых у грамматики нет готовых форм, осуществляется за счет лексем, имеющих в то же время и конкретное значение [Голубева 2017]. Применительно к неопределенно-личным структурам в древнеанглийском таким абстрактным концептом становится сам факт или необходимость осуществления некоторых действий, в то время как указание на его производителя приобретает формальный характер. Помимо изменения значения существительного *man (mon)* от конкретного к абстрактному, его грамматикализация выражается также в изменении морфосинтаксических характеристик слова [Zalizniak 2018], которое переходит в категорию местоимений, становясь структурно необходимым элементом особой модели двусоставного предложения.

Синтаксические же модели, наряду с любыми грамматическими единицами и связями суть не что иное, как формы закрепления когнитивного опыта языкового коллектива по некоторым регулярным и повторяемым образцам. Оформление модели неопределенно-личного предложения с использованием местоимения *man (mon)*, берущем свое начало от полнозначного существительного ‘человек’, указывает на то, что любые действия, события и происшествия осмыслялись в языке как происходящие только в связи с человеком, даже в тех случаях, когда упоминание действующего лица не требовалось или было не важно. В языковых фактах подобного рода отражается антропоцентрический взгляд на мир и антропоцентрическая сущность самого языка как продукта естественного развития человека.

Подобный подход, весьма популярный при анализе языковых явлений в сфере лексики, значительно реже используется в грамматических исследованиях. Применительно к формированию неопределенно-личного местоимения *man* (*mon*) в древнеанглийском можно полагать, что в его основе лежит антропоцентризм как источник некоторого типа семантико-грамматического изменения существительного, обусловленного когнитивной связью двух значений слова [там же].

Завершая обсуждение процесса формирования и особенностей функционирования неопределенно-личного местоимения *man* (*mon*) в древнеанглийском, нельзя не заметить, что все функциональные различия между двумя памятниками, а именно частотность неопределенно-личной конструкции и ее семантико-стилистическое наполнение, могут находиться в связи с жанровой принадлежностью текстов, присущими им литературными традициями, а также временем создания. Как бы то ни было, присутствие схожих структур в двух текстах подтверждает наличие в древнеанглийском так называемой ‘стратегии *man*’, которая была им впоследствии утрачена, но сохранилась в ряде генетически родственных языков.

Литература

- Беовульф: Эпос / Пер. с древнеанглийского В. Тихомирова. СПб.: Азбука-классика, 2005.
- Гвоздецкая Н.Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново: ИГУ, 1995.
- Голубева Н.А. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: «Канцлер», 2017, 81–89.
- Мощанская О.Л. Англосаксы и древние русичи: художественное видение мира. Нижний Новгород: НГЛУ, 2009.
- Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии. Москва: МАКС Пресс, 2008.
- Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М.: ЛЕНАНД, 2022.

- Lauridsen F.B.* Old English syntax and its relation to German: A comparative study // *Interdisciplinary Journal in English*. 2021. No. 7, 54–74.
- Zalizniak A.A.* The catalogue of semantic shifts: 20 years later. // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. No. 4 (22), 770–787.

Источники языкового материала

- Beowulf: dual language edition. Электронный ресурс. URL: <https://heorot.dk/beo-intro-rede.html> (дата обращения 31.07.2024).
- Anglo-Saxon Chronicles. Manuscript A. Электронный ресурс. URL: https://documentacatholicaomnia.eu/03d/0001-1154_Auctor_Incertus_Anglo_Saxon_Chronicle_EN.pdf (дата обращения 31.07.2024).

М.М. Руссо

Институт языкознания РАН
maks.rousseau@gmail.com

База DatSemShifts как каталог лексических мотиваций

Изначальный замысел «Каталога семантических переходов», воплощением которого стала база данных DatSemShift (<https://datsemshift.ru>), не включал систематизацию моделей лексических мотиваций. Однако довольно скоро в базе данных было собрано достаточно много примеров полисемии, иллюстрирующих стратегии номинации, например, 'рот' → 'устье реки' (0477), 'глаз' → 'колесо' (0456), 'ячмень' → 'воспаление глазного века' (0926). Вследствие того, что понятие семантического перехода охватывает не только полисемию, но и, в частности, деривацию, возможности для описания мотивационных моделей в базе данных еще более расширились. В итоге на данный момент значительная часть базы данных посвящена мотивационным моделям. Это привело к тому, что в базе теперь существуют даже семантические переходы, которые не могут быть реализованы в виде полисемии, этого прототипического типа реализации семантического перехода (4011 'отец' — 'мать'), а реализуются только в виде деривации или когнатов.

Для описания мотивационных схем задействован тот же концептуальный аппарат DatSemShift, что и при описании прочих семантических переходов. Так, понятие **«связанных переходов»** (related shifts) позволяет объединить несколько переходов, отражающих общую идею мотивации, которые, тем не менее, невозможно описать как единый переход. Например, растение мелисса лекарственная (*Melissa officinalis*) с античных вре-

мен было известно как хороший медонос, а также, как считалось, снижало агрессивность пчел и привлекало их, поэтому использовалось пчеловодами для удержания роя. Эти свойства отражены в связанных переходах 'пчелиный рой' → 'мелисса' (9297: арм. *jagi del* (ձազի դեղ), рум. *roiniță*, рус. диал. *роевик*, тур. *oğulotu*), 'пчела' → 'мелисса' (9302: др.-греч. *μελισσόφυλλον*, болг. *пчеляк*, галис. *abelleira*, горн.-мар. *мўкипеледёиш*, луг.-мар. *мўкипеледыш*, новогреч. *μελισσόχορτο*, окситан. *abelhana*, рус. диал. *пчельник*, удм. *муштурын*), 'мёд' → 'мелисса' (9304: чеш. *meduňka*, рус. диал. *медовка*), 'пчелиная матка' → 'мелисса' (хорв. *matičnjak*, серб. *матичњак*). Также связанными переходами будут 'коза' → 'бекас' (9040: англ. диал. *sky-goat, god's goat, air-goat, airy-goat, kid of the air, kid of the spring* 'бекас', фин. *taivaanvuohi*, франц. *chèvre céleste*, нем. *Himmelsziege* 'бекас', букв. 'небесная коза') и 'овца' → 'бекас' (0841: англ. диал. *lamb, moorlamb, summer-lamb* 'бекас', *berbecuț* 'бекас' от *berbec* 'баран', рум. *oaia-morților* букв. 'овца мертвых', рус. *барашек, лесной барашек, дикий барашек, баранчик*), оба перехода вызваны бляющими звуками, которые издает бекас своими перьями во время характерного для этой птицы пикирующего полета.

Другим способом показать единую мотивационную схему служит использование **семантических ярлыков в угловых скобках**, которые в DatSemShift соответствуют набором гипонимов для взятого в такие скобки гиперонима. Например, к переходу '<иностранец>' → 'таракан' (1160) относятся все случаи использования этнонимов для обозначения тараканов: рус. *прусак*, чеш. *šváb, кашуб. frańcuz*, сард. *cadalánu* и т. д. Всего у данного перехода 47 реализаций из 20 языков. Ярлык в угловых скобках может находиться и в правой части перехода, как, например, в переходе 'враг' → '<иностранец>' (8020): эвенк. *булэн* 'враг', 'юкагир', навахо *anaasází* 'народ анасази', букв. 'древние враги', юте *kimantsi* 'враг', 'команч' и др.

Обычно один семантический переход в DatSemShift отражает одну мотивационную схему, но есть и исключения, когда разные признаки, послужившие основой мотивации, попадают в один семантический переход. Таков переход 'собака' → 'шиповник' (6981). В целом ряде языков Европы названия шиповника,

построенные по модели 'собачья роза', отражают, на наш взгляд, использование прилагательного 'собачий' в значении 'неполноценный' (др.-греч. *κυνόροδο*, англ. *dog-rose*, лат. *rosa canina*, фин. *koiranruusu*, франц. *rosier des chiens*, итал. *rosa canina*, пол. *psia róža*, порт. *rosa-de-cão*, исп. *rosal perruno*, швед. *hundros*), тогда как в тюркских языках названия типа 'собачий нос' возникли из-за внешнего сходства плодов шиповника с носом собаки (тур. *itburnu*, шор. *итпурну*, др.-уйгур. *it burun(u)*, казах. *итмұрын*, баш. *этморон*, азерб. *itburnu*).

В рамках одной мотивационной схемы реализации семантического перехода в конкретных языках могут отличаться направлением. Например, в переходе 'ребенок' ↔ 'глупец' (9252) одно направление семантического развития представлено новогреческим *μωρό* 'ребенок' из древнегреческого *μωρός* 'глупый', а противоположное направление — португальским *parvulo* 'ребенок', 'глупый' из латинского *parvulus* 'маленький'. Двойным направлением обладает также, например, переход 'мед' ↔ 'сахар' (7932), ср. с одной стороны адыг. *шъоуцызгъу* 'сахар', букв. 'медовая соль', а с другой стороны орок. *саму* 'сахар', 'мед' из маньчж. *šatan* и в конечном итоге из кит. *shātáng* (沙糖) 'неочищенный тростниковый сахарный песок'. Переход 'сова' ↔ 'ведьма' в прямом направлении представлен итал. *strige*, астур. *curuxa*, порт. *estrige*, а в обратном направлении — исп. *bruja*, которое возводится к кельтиберскому **bruxtia* из кельт. **brixta* 'заклинание, колдовство'. Возможность двойного направления у перехода 'смотреть / видеть' ↔ 'глаз'(9095) хорошо иллюстрируют русские просторечные слова *гляделки* и *глазеть*. Всего на данный момент в базе данных насчитывается 275 переходов с двойным направлением.

Из-за переосмысления существующих названий возможно возникновение **новой мотивации**. Средневековое латинское *aquilegia* 'растение водосбор', вероятно, изначально было родственно лат. *aquila* 'орел' (ср. другие названия этого растения, связанные с птицами: лат. *colombina herba* букв. 'голубиная трава', англ. *columbine*, рус. диал. *голубок*, *голубки*), в книге Линнея «Философия ботаники» приводится более ранняя форма названия *aquilina*, явно связанная с *aquila*. Однако позже название

было сопоставлено с *aquilegus*, *aquilex* букв. 'собирающий воду', так как венчик цветка у данного растения напоминает сосуд. Оба варианта мотивации отразились в более поздних семантических кальках: рус. *водосбор*, исл. *vatnsberi* с одной стороны, белор. *ворлікі*, чеш. *orlíček*, польск. *orlik*, исп. *aguileña*, укр. *орлики* с другой. Макед. *кандилка*, серб. *кандилица* (*kandilica*) от 'лампада' и рум. *căldărușă* от 'ведро', видимо, возникли независимо, но отражают ту же мотивационную модель.

Семантический переход 'веревка' → 'гимнастический шпагат' (5260), отмеченный в русском, украинском, немецком (*Spagat*) и польском (*szpagat*) языках, возник из-за смешения итальянских слов *spaghetto* 'тонкая веревка' и *spaccata* 'шпагат', последнее представляет собой причастие от глагола *spaccare* 'раскалывать'. Но, если немецкое, польское, украинское и русское слова возникли в результате цепочки заимствований и могут быть признаны омонимами, то чешское *provaz* 'веревка' из праслав. **provorzь* 'веревка', получило значение 'гимнастический шпагат' в результате семантической кальки (видимо, из нем.).

Обусловленность лексической мотивации реальными свойствами объекта дает в некоторых случаях возможность предсказывать существование еще не выявленных семантических переходов. Часто встречающаяся полисемия 'полдень / юг' (0065: др.-греч. *μεσημβρία*. брет. *kreisteiz*, чуваш. *кӑнтӑр*, эст. *lõuna*, перс. *nimruz*, франц. *midi*, гагауз. *üülen*, венг. *dél*, караим. *даром*, караим. *tuc*, коми-перм. *лун*, лат. *meridies*, лит. *piētūs*, польск. *południe*, белор. *поўдзень*, рум. *amiază*, татар. *tөш*) объясняется характером видимого движения солнца в течение дня. Для наблюдателя, находящегося на северном полушарии Земли, в полдень солнце находится в самой южной точке своего маршрута и на самой большой высоте над горизонтом (ср. у гагауз. *üülen* также значение 'зенит'). В южном полушарии наоборот солнце в полдень находится на севере. Можно предположить, что в языках народов южного полушария может существовать полисемия 'полдень / север'. Она действительно была найдена в австралийском языке малак-малак, где *miri kantuuk* ('солнце' + 'верх') означает 'полдень' и 'север'.

Перечисление всех существующих стратегий номинации для всех имеющихся в человеческой цивилизации понятий представляет собой невыполнимую задачу. Поэтому составители базы данных сосредоточились на изучении лексической мотивации в отдельных областях, представляющих по тем или иным причинам интерес для исследователя.

Одной из таких областей стала «**лексическая аккультурация**», то есть создание названий для понятий, с которыми представители данной культуры ранее не сталкивались. Значительную их часть составляют объекты, с которыми «традиционное общество» знакомится после контакта с технологической цивилизацией: названия металлов, дней недели, понятия 'автомобиль', 'самолет', 'пуля', 'ружье', 'деньги', 'сахар', 'электричество' и так далее. Также это названия животных и растений, перемещенных в новые регионы в ходе культурного обмена. Для Европы XVI века это кукуруза, томат, картофель, пришедшие из Нового Света, а также, например, сирень, доставленная из Западной Азии. Для народов Америки — пшеница, яблоко, лошадь, корова, овца. Для средневекового Китая такими растениями стали, например, морковь, кунжут и грецкий орех, появление которых китайские источники связывают с деятельностью знаменитого дипломата Чжан Цяня (ум. 114 г. до н. э.).

Массовый сбор и анализ подобной лексики позволяет выявить возможные стратегии лексической аккультурации. Одна из важнейших подобных стратегий состоит в сопоставлении нового объекта с каким-либо уже освоенным данной культурой объектом, что порождает соответствующие семантические переходы, например, 'соль' → 'сахар' (7933: мальгаш. *siramamy*, навахо *áshijh likan*, шанск. *kōe wāan*, тетум *masin-midar* 'сахар', букв. 'сладкая соль'), 'лук' → 'ружье' (2382: лаос. *pūn*, тайск. *brinn*, ительм. *ч'um*, якут. *саа*, язгулям. *bədu*), 'баклажан' → 'помидор' (4591), 'ямс' → 'картофель' (4249), 'повозка' → 'автомобиль' (5309), 'лодка' → 'автомобиль' (5301: чаморро *sahy-an* 'автомобиль' при пангас. *sakay-án* 'лодка, судно', бикол. *sakáy-an* 'лодка'), 'собака' → 'лошадь' (3947: бивер *klin*, слэйви *klintcho* букв. 'большая собака'), 'олень' → 'лошадь' (3948: агуакатек. *cen*,

науатль *maçatl*, киче *quiej*), 'хлопок' → 'овца' (3301: уаве *sap*, науатль *ichcatl*, текстлтек. *glomol*, юкатек. *taman*).

Во многих случаях к названию нового объекта добавляется уточняющий эпитет, отражающий его характерные свойства (кантон. *hung⁴ lo⁴ baak⁶* 'морковь', букв. 'красный редис') или происхождение. В последнем случае начинают работать механизмы ксенономинии, и уточняющий эпитет может указывать не на реальный географический источник объекта, а просто обозначать его чужеродность (перс. *gowje farangi* 'помидор', букв. 'европейская слива'). Особый интерес представляют случаи, когда культурная инновация становится настолько распространенной, что ее название теряет маркированность и маркированным становится обозначение «старой» реалии. Таковы венг. *törökparadicsom* 'баклажан' (букв. 'турецкий помидор'), венг. *kékparadicsom* 'баклажан' (букв. 'синий помидор'), болг. *сини домату* 'баклажаны' (букв. 'синие помидоры').

Обозначения новых реалий могут сами становиться источниками для названий более поздних новинок. Так название жасмина (*Jasminum officinale*) в европейских языках было перенесено на другой декоративный кустарник с белыми цветами — чубушник венечный (*Philadelphus coronarius*), который стали называть садовым (рус. *садовый жасмин*, укр. *садовий жасмин*), крестьянским (нидер. *boerenjasmijn*, нем. *Bauernjasmin*) или ложным (эст. *ebajasmiin*, нем. *Falscher Jasmin*, норв. *falsk sjasmin*, *falsk jasmin*) жасмином, жасмином Мадонны (итал. *gelsomino della Madonna*) или жасмином поэтов (фр. *jasmin des poètes*) или же использовать производные названия: фин. *jasmike* 'чубушник' от *jasmiiini* 'жасмин', польск. *jaśminowiec* от *jaśmin*. Поскольку чубушник оказался более холодоустойчивым кустарником, чем жасмин, который в северной части Европы способен выжить только в условиях оранжереи, в ряде языков название жасмина было перенесено на чубушник без дополнительных уточнений, таковы обиходные названия в русском и чешском языках (*jasмін*). Особенный интерес представляет случай современного литовского языка, где название *jazminas* закрепилось за чубушником, а производное *jazminaitis* — за жасмином, то есть произошла инверсия маркированности.

Помимо лексической аккультурации были выбраны несколько тематических областей для пристального исследования мотивации в рамках DatSemShift. Среди них, например, **народные астрономы**, из которых нами рассматриваются Млечный Путь, Ковш Большой Медведицы, Плеяды и Орион, а также названия планет. Помимо них в DatSemShift описываются названия зодиакальных созвездий, которые распространяются преимущественно книжным путем. Их изучение позволяет проследить пути семантического калькирования. Другая тематическая область, широко представленная в DatSemShift, это обозначения **частей света** (cardinal directions), то есть севера, юга, запада, востока и киблы (направления на Мекку). Из хоронимов для пристального изучения были выбраны названия **дней недели, месяцев григорианского календаря и времен года**. Анализируется как народная, так и научная **анатомическая терминология**, в особенности **названия пальцев руки**. Из культурной лексики системно рассматриваются названия **игральных карт и карточных мастей**, а также **шахматных фигур**.

* Работа поддержана грантом РФФИ 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

М.М. Руссо

Институт языкознания РАН
maks.rousseau@gmail.com

Проект семантико-типологической анкеты

Хотя при возникновении лексической типологии в фокусе ее внимания были особенности фонетического, грамматического и синтаксического строя языков, в последние три десятилетия активно развивается типологический подход к лексической семантике, который призванный отвечать, например, на вопросы о том, какие значения в языках могут быть выражены словом, а какие – морфемой, какие значения выражаются одним словом, какие – сочетанием слов, какие значения выражаются производным словом, какие производным, какие значения могут выражаться одним и тем же словом, словами одного и того же корня или словами исторически производными друг от друга, каково строение терминологических систем, каким закономерностям оно подчиняется [Кортјевскаја-Тамм 2008]. В формулировке Адриенны Лерер данный раздел типологии освещает то, «какими способами язык упаковывает семантический материал в слова» [Lehrer 1992].

На данный момент имеет немало справочных ресурсов, посвященных языковой типологии, однако основное внимание в них уделяется грамматическим и синтаксическим характеристикам, тогда как данных о лексической типологии языков представлено сравнительно немного. Во «Всемирном атласе языковых структур» [WALS] раздел «Лексикон» содержит лишь десять параметров: противопоставления *hand* vs. *arm*, *finger* vs. *hand*, основания систем числительных, базовые цветообозначе-

ния, различие названий зеленого и синего, красного и желтого цветов, фонетические особенности личных местоимений и название чая.

Проект Grambank ориентирован на грамматические параметры, и наиболее близкими к лексической типологии характеристиками, описываемыми в нем, оказываются лишь вопросы, связанные с именными классами. Родственный проект Lexibank пока менее развит и позволяет получить не так много информации (связь концептов друг с другом, колексификации по CLICS-3) [List et al. 2023]. CLICS-3 в свою очередь содержит внушительный объем данных по колексификациям, но не позволяет сделать выводы о более сложном устройстве лексических систем в языке. «Диахронический атлас сравнительной лингвистики» (DiACL) содержит пока лишь организованные тематические списки (например, «цветообозначения в языках Европы»).

Следует также упомянуть некоторые проекты, посвященные отдельным языковым группам или ареалам. «Типологическая база данных финно-угорских языков Поволжья» (VolgaTyp) содержит такие параметры, отдаленно близкие к сфере лексической типологии, как этимология личных и указательных местоимений, классификаторы числительных, системы классификации существительных (грамматический род) [Navas et al. 2023]. Наиболее обширен раздел «Лексикон» в проекте «Ареальная типология уральских языков онлайн» (UraTyp), но и там преимущественно рассматриваются параметры, лежащие на границе лексики и грамматики: связь указательных местоимений с личным местоимением 3 л., отражение одушевленности в вопросительных предложениях, противопоставления инклюзива и эксклюзива, род у местоимений 3 л., дуалис, степени удаленности в пространственном дейксисе, супплетивизм существительных и глаголов, именные классы, системы счисления хотя имеются и собственно лексико-семантические характеристики: различие названий дяди по материнской и отцовской линии, названий для старших и младших родственников, температурные прилагательные при описании погоды и температуры объектов.

Подробные разборы отдельных лексических систем можно встретить в тематических монографиях по лексической типоло-

гии, посвященных, например, глаголам движения в воде [Майсак, Рахилина 2007], концепту боли [Брицын и др. 2009], глаголам звуков животных [Рахилина 2015], глаголам падения [Рахилина и др. 2020], глаголам умирания [Botne 2003], интенсификаторам [Napoli, Ravetto 2017], обозначениям частей тела [Andersen 1978], концептуализации внутренних органов [Sharifian et al. 2008] и так далее. Эти работы построены по схеме «от лексико-семантического поля к его представлению в конкретных языках, тогда как обратный принцип «от языка к его лексико-семантическим характеристикам» в литературе представлен пока еще скудно.

Чтобы хотя бы частично заполнить эту лауну, предлагается лексико-семантическая типологическая анкета для языков мира. Заполненная специалистом по данному языку, анкета будет давать читателям представление о некоторых характеристиках лексической системы языка.

В первом разделе анкеты («от паттерна полисемии к лексике») содержится информация о наличии в данном языке ряда семантических переходов, частотных в языках мира вообще или в отдельных ареалах: солнце — день, луна — календарный месяц, прямой — правильный — правый, слушать — повиноваться, человек — мужчина, мужчина — муж, женщина — жена, сын — мальчик, дочь — девочка, мальчик — слуга, девочка — служанка, grandchild — grandparent, вчера — завтра, серебро — деньги, свинец — олово, стекло — зеркало, тяжелый — трудный, горький — горестный, утро — завтра, воздух — погода, время — погода, небо — погода, глаз — лицо, земля — почва — страна — мир, земля — год, дерево — огонь, видеть — иметь мнение, считать — иметь мнение, слышать — понимать, видеть — понимать, солнце — луна, живот — беременная, тяжелый — беременная, крыло — перо — плавник, воздух — ветер, белый — серебро, солнце — время. сливочное масло — растительное масло — нефть — жир.

Второй раздел посвящен («от лексики к полисемии») описывает производные значения некоторых слов рассматриваемого языка: глаз, рот, нос, верх (верхний), низ (нижний), правый,

левый, белый, черный, отец, мать, корень растения, сердце, крыло, хвост, солнце, луна.

Третий раздел анкеты посвящен избранным лексическим подсистемам языка: сторонам света, месяцам, дням недели, пальцам руки, анатомической локализации эмоций, приемам пищи в течение дня. Данные о системах терминов родства и цветообозначениях в анкету не включены, так как для этих тематических областей существует обширная литература. Для каждой из систем рассматривается как ее синхронная структура, так и происхождение входящих в нее терминов.

Сокращения

CLICS-3 – *Rzymiski Ch., Tresoldi T. et al.* 2019. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x Available online at <https://clics.clld.org/>, Accessed on 2024-09-19.)

DiACL – *Carling G.* (ed.) 2024. Diachronic Atlas of Comparative Linguistics Online. Frankfurt am Main: Goethe University. (Available online at <https://diacl.uni-frankfurt.de/>. Accessed on: 2024-06-16.).

Grambank — Grambank v1.0 (v1.0) [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7740140> (Available online at <https://grambank.clld.org/> Accessed on 2024-06-16.)

UraTyp – *Norvik M., Jing Yingqi, Dunn M., Forkel R., Honkola T., Klumpp G., Kowalik R., Metslang H., Pajusalu K., Piha M., Saar E., Saarinen S., Vesakoski O.* Uralic typology in the light of new comprehensive data sets (submitted ms to Journal of Uralic Linguistics) (Available online at <https://uralic.clld.org>, Accessed on 2024-09-19.)

WALS – *Dryer M. S., Haspelmath M.* (eds.) 2013. World Atlas of Language Structures Online (v2020.3) [Data set]. Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533> (Available online at <https://wals.info>, Accessed on 2024-09-19.).

Литература

Andersen E. Lexical universals of body-part terminology. In Greenberg J. (ed.) *Universals of Human Language*, Stanford CAC Stanford University Press, 1978, 335-368.

- Botne R.* To die across languages. *Linguistic Typology* 7(2), 2003, 233–278.
- Havas F., Asztalos E., Gulyás N., Horváth L., Timár B.* 2023. Typological Database of the Volga Area Finno-Ugric Languages (VolgaTyp). Budapest: ELTE Finnugor Tanszék. 2023. (volgatyp.elte.hu)
- Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology. In: Vanhove M. (ed.) From Polysemy to Semantic change: Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. *Studies in Language Companion Series*, 106. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 2008, 3-54
- Lehrer A.* 1992. A theory of vocabulary structure: Retrospectives and prospectives. In: Pütz M. (ed.) Thirty Years of Linguistic Evolution. *Studies in Honour of René Dirven on the Occasion of his Sixtieth Birthday*, Amsterdam: John Benjamins, 1992, 243-256.
- List J.-M., Forkel R., Greenhill S. J., Rzymiski Ch., Englisch J., Gray R. D.* (2023). Lexibank Analysed [Data set]. In *Scientific Data*, Vol. 9, Number 316, 2023, 1–31. Zenodo. DOI: [10.5281/zenodo.7836668](https://doi.org/10.5281/zenodo.7836668)
- Napoli M., Ravetto M.* (eds.) Exploring Intensification: Synchronic, diachronic and cross-linguistic perspectives. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.
- Sharifian F., Dirven R., Yu N., Niemeier S.* (eds.) Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. Berlin – New York: Mouton-De Gruyter, 2008.
- Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* (ред.) Концепт "боль" в типологическом освещении. К.: Издавничий Дім Дмитра Бураго, 2009.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.) Глаголы движения в воде: Лексическая типология. М.: Индрик, 2007.
- Рахилина Е. В.* (сост.) Глаголы звуков животных: типология метафор / Отв. ред.: Т. И. Резникова, А.С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова. М.: Языки славянских культур, 2015.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А.* (ред.) *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. XVI. Ч. 1. Типология глаголов падения. СПб.: ИЛИ РАН, 2020.

* Работа поддержана грантом РНФ 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

А.В. Савельев

Институт языкознания РАН
НИУ «Высшая школа экономики», Москва
a.savelyev@iling-ran.ru

**Об эффектах калькирования в этимологии:
некоторые случаи из марийско-тюркской контактной зоны**

0. Начиная с болгарского времени (X–XIII вв.) общий предок современных марийских наречий находился под значительным тюркским влиянием. Наиболее интенсивными были датируемые послемонгольским периодом (вторая половина XIII–XV вв.) контакты с древнечувашским языком, а также с поволжско-кыпчакскими диалектами. Тесные связи поддерживались и в более позднюю эпоху; в результате марийский оказался наиболее тюркизированным языком уральской семьи.

Конвергентное развитие марийского языка и поволжско-тюркских идиомов (чувашского языка и татаро-башкирского языкового кластера) отчётливо проявляется на всех языковых уровнях, включая лексико-семантический. Число прямых лексических заимствований из тюркских в марийском исчисляется, по моим оценкам, тысячами. Наряду с этим обращают на себя внимание многочисленные случаи калькирования тюркских терминов марийцами. В отличие от лексических заимствований, эти кальки до сих пор почти не подвергались системному учёту и интерпретации.

1. Ниже приводятся некоторые из марийско-тюркских сходжений, обусловленных заимствованием нетривиальных паттернов полисемии и словообразования. Поскольку калькирование не предполагает заимствования звуковой оболочки, то в таких случаях не всегда можно уверенно определить язык-донор и язык-реципиент. По умолчанию целесообразно считать, что тюркские модели служили образцами для марийских, а не

наоборот. Это следует из экстраполяции наблюдений над корпусом собственно лексических заимствований между марийским и тюркскими, где определение направления влияния обычно не вызывает затруднений. В данном корпусе почти всегда обнаруживаются очевидные тюркские источники для марийских слов, в то время как обратное влияние едва заметно (более ощутимо оно только в тех диалектах чувашского и поволжско-кыпчакских, которые находились в последние века непосредственно в зоне тюрко-марийского пограничья). Можно предполагать, что калькирование происходило, как правило, в том же направлении – особенно в том, что касается слов с «культурной» семантикой.

Акцент на нетривиальности заимствуемых паттернов позволяет отличить локальные связи марийского языка внутри волго-камского ареала от более широких (условно восточноевропейских), а также от типологических фреквенталий. Отдельные мотивационные модели из тех, что приведены ниже, задокументированы и в русских диалектах – но, как правило, далеко за пределами Марийского Поволжья, так что версию о калькировании из тюркских считаю предпочтительной.

Ср. следующие марийские основы, где отмечается более или менее нетривиальная полисемия (семантические кальки) по чувашской модели¹: мар. **βer*² ‘место ~ постель’ ⇐ чув. *virân* ‘тж.’; мар. **βəž* ‘корень ~ руда, жила’ ⇐ чув. *timar* ‘тж.’; мар. **βyl* ‘верх ~ одежда’ ⇐ чув. *śi* ‘тж.’; мар. **jəl* ‘нога ~ луч’ ⇐ чув. *ora* ‘тж.’; мар. **lôgâ-* ‘бодать ~ задевать’ ⇐ чув. *tə°k-* ‘тж.’; мар.

¹ Я ограничиваюсь приведением параллелей из чувашского языка, поскольку его связи с марийским наиболее тесные, но нередко те же паттерны наблюдаются и в поволжско-кыпчакских. Многие из распространённых в данном ареале стратегий номинации присутствуют также в удмуртском языке, однако учёт и обсуждение удмуртского материала не входят в задачи настоящей статьи.

² Здесь и далее привожу марийский материал в собственной реконструкции «общемарийского» (XIII–XV вв.) состояния. Чувашские формы ориентированы на более архаичный верховой диалект, при этом транскрипция чувашского материала несколько «урализована» для демонстрации наглядности чувашско-марийских параллелей.

**nîr* ‘нос ~ краюха (хлеба) ~ росток’ ⇐ чув. *sə̌mza* ‘тж.’; мар. **pə̌ŋgadə* ‘твёрдый ~ скупой’ ⇐ чув. *xidä* ‘тж.’; мар. **sɨβä-* ‘плевать ~ колдовать’ ⇐ чув. *sor-* ‘тж.’; мар. **šmdä-* ‘сажать, ставить ~ строить’ ⇐ чув. *lart-* ‘тж.’.

Примеры заимствованных паттернов при суффиксальном словообразовании: мар. **βer-eštärä-* ‘попадать (в цель)’ < **βer* ‘место’ ⇐ чув. *tə̌l-lä-* ‘целиться’ < *tə̌l* ‘место; цель’; мар. **kər-em* ‘овраг; речка’ < **kərä-* ‘чертить, бороздить ~ размывать берег’ ⇐ чув. *širma* < *šir-* с тем же набором и соотношением значений; мар. **leβ-äks* ‘хлев’ < **leβ-* ‘крыть’ ⇐ чув. *vidä* < *vit-* с тем же соотношением значений (т.е. хлев именно как крытый загон для скота); мар. **ûw-äšt-äš* ‘верста’ < **ûw-äštä-* ‘звать, кричать’ ⇐ чув. *šoxräm* ‘верста’ < *šoyâr-* ‘орать, пронзительно кричать’ (т.е. верста как расстояние, на котором слышен крик).

Наиболее широко кальки и полукальки представлены при образовании новых терминов сложением основ. Ввиду многочисленности таких случаев ниже даю лишь некоторые показательные примеры, сгруппированные по семантическим полям.

РОДСТВО: мар. **äβä=pel* ⇐ чув. *ama=šuri* ‘мачеха’, букв. ‘пол-матери’; мар. **ät’ä=pel* ⇐ чув. *äza=šuri* ‘отчим’, букв. ‘пол-отца’.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ: мар. **ägä=βûj*, **sɔga=βûj* ⇐ чув. *aga=poš*, *soya=poš* ‘род старинного плуга’, букв. ‘плуг; пашня’ + ‘голова’; мар. **šäp=pə̌ndä* ⇐ чув. *šab=ušši* (*šap=jiväšši*) ‘цеп’, букв. ‘палка для молотыбы’.

КАЛЕНДАРЬ, включая (1) обозначение целого года как единицы календарного цикла – мар. **îj=tä(w)lək* ⇐ чув. *šol=ta(v)lāk*, букв. ‘год’ + ‘сутки’; (2) названия особых календарных периодов: мар. **sərək=jəl* ⇐ чув. *sor(ä)x=ori* ‘праздничный период в дни зимнего солнцестояния’, букв. ‘овечья нога’; мар. **kîjškə=ärnä* ‘период после охлаждения воды (в августе)’ ⇐ чув. *šə̌län=ärni* ‘Воздвижение (в сентябре)’, диал. ‘неделя после Преображения (в августе)’, букв. ‘змеиная неделя’; (3) названия месяцев, напр.: мар. **šəs=tulzə* ⇐ чув. *joba=ojäγə* ‘октябрь’, букв. ‘месяц поминок’.

2. Ввиду огромного числа заимствованных в результате тюрко-марийских отношений семантических и словообразова-

тельных паттернов эта контактная ситуация хорошо подходит для демонстрации значимости эффектов калькирования в практической работе этимолога.

Качество этимологии некоторого слова зависит не только от экстралингвистических факторов (подготовленность и мотивированность научного сообщества разрабатывать конкретную проблему), но и от интралингвистических (своеобразие фонетического облика, реальное количество идентифицируемых параллелей в других языках и т.п.). Последние могут играть определяющую роль в том, что этимологии одних слов устанавливаются на ходу, а других – навсегда остаются неизвестными. Помимо этого, этимология может пребывать во множестве промежуточных состояний, когда благодаря накопленному материалу удаётся выдвинуть ряд конкурирующих гипотез, но не хватает данных для окончательного выбора в пользу единственно верной. Трудности такого рода могут быть решены за счёт расширения инструментария этимолога, и учёт эффектов калькирования – один из наиболее очевидных способов сдвинуть с места «увязшую» этимологию. Обусловлено это тем, что в «стандартный набор» этимолога входят, как правило, навыки работы с данными конкретного языка, родственных ему языков, а также контактировавших с ним неродственных языков – но лишь постольку, поскольку речь идёт о лексических заимствованиях. Значительно реже этот набор включает углубленное владение материалом неродственных языков, достаточное для идентификации калек. Соответственно, именно здесь могут таиться значимые лакуны в разработке той или иной этимологии.

3. Примером успешного привлечения чувашско-марийских калек к решению проблем чувашской этимологии являются названия дней недели. Как и многие другие календарные термины, в марийском они заимствованы – напрямую или посредством (полу)калек – из чувашского. Ср.:

мар. *šǝ-mā ⇐ чув. *tü-n-d-i* ‘понедельник’, букв. ‘[день], когда рождается [неделя]’; мар. *koškāž-mā ⇐ чув. *ütla-r-i* (< *ütla-r-i) ‘вторник’, букв. ‘[день], когда садятся верхом’; мар. *βyr=gečā ⇐ чув. *jon=gon* ‘среда’, букв. ‘день крови [кровавых жертвоприношений]’; мар. *iz[ij]=ärñä ⇐ чув. *kāśn=ärñ-i* (<

**kázan ärń-i* ‘четверг’, букв. ‘малый недельный [день] / малая пятница’; мар. **ärńä=gečä*, **kôwg[ôw]=ärńä* ← чув. *ärńä=gon*, (СЗ) *mâ°n=ärń-i* ‘пятница’, букв. ‘(большой) недельный день / большая пятница’; мар. **šumat* ← чув. *šâ°mat* ‘суббота’; мар. **rûs=ärńä* ← чув. *vîrz=ärń-i* (< **vîräs ärń-i*) ‘воскресенье’, букв. ‘русский недельный [день] / русская пятница’.

Особый интерес представляют здесь названия понедельника и вторника.

На основе синхронных данных отдельно взятого языка чув. *tündi(=kon)* ‘понедельник’ (*kon* ‘день’) не интерпретируется. Чувашеведами был предложен ряд неудачных этимологий: к чув. *tu* ‘гора’ или *ton-* ‘отказаться от чего-л.’, к ср.-монг. *dunda* ‘средний’ и т.д. Отвергая все эти гипотезы, можно, тем не менее, с некоторым пониманием отнестись к предложенному многообразию интерпретаций. Действительно, основ с начальным сегментом *tO(n)-* ~ *tU(n)-* и в чувашском, и в контактировавших с ним языках немало, а если поставить такую задачу, то почти всегда можно подобрать и этнографические свидетельства в пользу той или иной мотивационной модели. Между тем предложить надёжное объяснение для таких сильно затемнённых образований невозможно без учёта ареального фактора. Ещё в 1875 г. Н.И. Золотницкий сопоставил чув. *tündi(=kon)* с марийским названием понедельника **ščmă*, имеющим прозрачную внутреннюю форму и значение – ‘рождение [недели]’ [Золотницкий 1875: 6]. Подобно тому, как в марийском имеем причастие от глагола **šč-* ‘родиться’, чувашское слово выглядит производным от глагола *tu-* ‘делать; родить’. В дальнейшем эта версия обсуждалась в работах [Магницкий 1881: 24; Федотов 1962: 252; Дмитриев 1982: 19; Эхмэтьянов 2015, II: 327] и др. – правда, чаще почему-то лишь наряду с другими гипотезами, хотя давно уже были найдены случаи именованья понедельника по той же модели и в других языках Волго-Камья: удм. *vordišk-on*, букв. ‘рождение [недели]’ (< *vordiškini* ‘родиться’); тат. диал., башк. диал. *tuyan kôn*, букв. ‘день рождения [недели]’. Что характерно, в марийской исследовательской традиции сомнений по поводу происхождения чувашского слова гораздо меньше: так, в специальной статье [Галкин 1985] объяснение «понедель-

ник = день рождения [недели]» дано как единственно верное. Это, как кажется, напрямую связано с тем, что для носителей марийского языка, в отличие от чувашей, производность названия понедельника от глагола ‘родиться’ совершенно прозрачна. Остаётся только объяснить не вполне очевидные детали внутренней формы чув. *tundi*. Непереходность производящего глагола как в марийском, так и в удмуртском намекает на то, что в чувашском названии элемент *-n-* должен быть интерпретирован как застывший рефлексивный аффикс (по синхронным морфологическим правилам ожидалось бы $t\hat{e}^{\circ}v-\hat{e}^{\circ}n-$, но вариант *tu-n-* выглядит вполне допустимым в архаичном образовании). От *tun-* ‘родиться’ была образована форма причастия (опять же архаичного) на *-D\hat{e} \sim -r\hat{e}* [Ашмарин 1898: 328; Левитская 1976: 85], осложнённая, наконец, субстантиватором *-i*.

Похожая этимологическая судьба – у чув. *itlari*(=*kon*) ‘вторник’. Синхронно это название воспринимается как производное от *itla* ‘лишний’, однако уже в упомянутой работе [Золотницкий 1875: 6] было высказано предположение, что о понятие о вторнике как о «лишнем» дне недели является результатом народной этимологии. Н.И. Золотницкий сопоставил чувашское название вторника с мар. **kovškâž-mâ* ‘тж.’; последнее прозрачно анализируется как причастие от глагола **kovškâž-* ‘сесть (сидеть) верхом; седлать лошадь’. В таком случае чув. *itlari* (диал. *itlarni*) должно быть возведено в конечном счёте к глаголу **ut-la-* ‘сесть верхом’ (деноминатив по продуктивной модели от *ut* ‘конь’), синхронно представленному в чувашском в усложнённом залоговым аффиксом варианте *utla-n-* с тем же значением. Отражение названия вторника в виде *utlari* известно старочувашским памятникам (есть у Г.Ф. Миллера, 1733 г.), а также и некоторым современным диалектам (говору яльчикских чувашей, см. [Федотов 1962: 256]), однако сами по себе эти факты не доказывают, что данный вариант первичен. Решающее значение здесь имеют свидетельства именно ареального характера, поскольку сложение волго-камского этнолингвистического комплекса заведомо предшествует показаниям чувашских памятников и отдельных говоров. Соображения Н.И. Золотницкого на этот счёт были несправедливо отвергнуты Н.И. Ашмариным и вслед за

ним А.Н. Самойловичем, но получили поддержку у В.К. Магницкого, М.Р. Федотова, В.Д. Дмитриева и др. Как и в случае с названиями понедельника, чувашско-марийская модель именования вторника не уникальна на Средней Волге, ср. удм. *pukš-on*, букв. ‘сидение’ (< *pukšini* ‘сидеть’); тат. диал., башк. диал. *atlanyan kön*, букв. ‘день, когда садятся на коня’. Что касается мотивации такого наименования, то в общем, наверное, можно согласиться с версией, лучше всего изложенной [Там же: 256–257] М.Р. Федотовым: вторник – это день, свободный от сельскохозяйственных работ (что подтверждается этнографическими свидетельствами); день, когда седлают коней и разбязают по делам. С точки зрения словообразовательной модели форма **utlari* построена аналогично *tundi* ‘понедельник’: от глагола *utla-* была образована всё та же архаичная причастная форма на *-Də ~ -rə*, а от неё – субстантивированная форма на *-i*. Когда причастие на *-rə* в чувашском перестало быть продуктивным, а его значение забылось, частью носителей **ut-la-r-i* (конь-VBLZ-PTCP-SUBST) было перестроено в **ut=lar-n-i* (конь=сидеть-PTCP-SUBST), букв. ‘сидение на коне’. Наконец, когда был забыт и сам обычай выезжать верхом по вторникам, эти формы были переосмыслены как производные от *itla* ‘лишний’, в результате чего и возникли варианты *itlari*, диал. *itlarni*. В плане семантики эта народная этимология могла быть поддержана уже существующей в Поволжье моделью именования вторника «пустым днём» (прежде всего – мишар. *buš kön*), а в плане формы – отмеченным в отдельных чувашских говорах фонетическим развитием *utlan-* > *itlan-* ‘сесть верхом’.

Учитывая общий характер этнокультурных связей в Волго-Камском регионе, можно уверенно говорить о позднебулгарском ~ древнечувашском происхождении мотивационных моделей «понедельник = день рождения недели» и «вторник = день, когда садятся на коня» в местных финно-угорских языках (так считали уже М.Р. Федотов, И.С. Галкин). По-видимому, к тому же источнику восходит использование этих моделей в поволжско-кыпчакских диалектах. В связи с этим интересно, что чувашские названия понедельника и вторника отмечены как суб-

стратные заимствования в говоре правобережных (подберезинских) крышен, где они имеют облик *tündikön, utlarikön*.

4. Наконец, приведём обратный пример, в котором заимствование тюркской словообразовательной модели позволяет верифицировать затемнённую этимологию марийского слова.

Имеется, на первый взгляд, непростой для интерпретации набор параллелей: мар. (луг.) *pidij*, (горн.) *pâji*, (СЗ) *pâ°dej* ‘клевц’; чув. (СЗ) *pâδ'i* ‘клевц’; чув. *pijdâ*, (СЗ) *piδ'â* ‘вошь’; тат. *bät* ‘вошь’. Марийские формы восходят к предковому **podij* ‘клевц’, а чув. *pijdâ*, тат. *bät* – к пратюркскому **bijtä* ‘вошь’. Северо-западная чувашская форма *pâδ'i* ‘клевц’ уже в [Лукоянов 1973: 60] была верно опознана как марийское заимствование³; таким образом, чрезвычайное сходство с *piδ'â* ‘вошь’ (< *pijdâ*) в том же диалекте – чистая случайность. Остаётся решить вопрос о происхождении мар. **podij* ‘клевц’. Выглядит привлекательно идея о том, что здесь отражается сложение основ **pûw* ‘древесина, *дерево’ и **fij* ‘вошь’, т.е. ‘древесная вошь’; так считают и [Moisio, Saarinen 2008: 547]. Однако проявить осторожность при таком отождествлении заставляет несоответствие в вокализме первого слога – расслабленный **o* в **podij* при напряженном **û* в **pûw*. Решающим аргументом в пользу того, чтобы всё же принять эту интерпретацию, является использование очень похожей стратегии номинации в том же ареале: тат. *urman bätä* ‘клевц’, букв. ‘лесная вошь’. По-видимому, марийский термин возник под влиянием татарского или его незафиксированного чувашского соответствия⁴. Сходство внутренних форм марий-

³ Очевидно, источником было горномарийское слово, причем *-δ'* в чувашском отражает промежуточную стадию между мар. **-d-* и современным горн. *-j-* (особое развитие в палатализирующем контексте).

⁴ Любопытно, что уже Р.Г. Ахметьянову форма и значение мар. (луг.) *pidi* ‘клевц’ напомнили о тат. *urman bätä* ‘тж.’, однако образовавшийся за XX в. глубокий разрыв между уралистической и тюркологической исследовательскими традициями помешал ему правильно интерпретировать отношения между этими формами. Вместо этого он, судя по не совсем ясной формулировке в [Ахметьянов 2015, II: 181], размышлял о возможности прямого заимствования марийского слова из тат. *bät* ‘вошь’, что неверно.

ского и татарского названий настолько несомненно, что упомянутые фонетические трудности следует признать на этом фоне несущественными⁵.

Итак, выше были рассмотрены несколько этимологий из марийско-тюркской контактной зоны, которые при поверхностной оценке могут выглядеть натянутыми ввиду неочевидности подразумеваемых мотивационных моделей в сочетании с некоторой гипотетичностью предлагаемых фонетических и морфологических решений. Однако выявление в том же языковом ареале образований, имеющих совершенно прозрачную внутреннюю форму и построенных на основе точно таких же или очень похожих мотивационных моделей, позволяет перевести данные этимологии в разряд надёжных. Это говорит о важности системного учёта калькированных структур в сравнительно-исторической работе.

Сокращения

Языки и диалекты

башк.	башкирский язык
диал.	диалектная форма
мар.	марийский язык
горн.	горное наречие
луг.	луговое наречие
СЗ	северо-западное наречие
ср.-монг.	среднемонгольский язык
тат.	татарский язык
мишар.	мишарский диалект
удм.	удмуртский язык
чув.	чувашский язык
СЗ	северо-западный (малокарачкинский) диалект

Глоссы

РТСР причастие

⁵ Тем более, что в истории марийского языка есть и другие примеры на ослабление напряженного гласного в сложении, ср. мар. *šyšVr 'молоко' по редупликации из *šûr 'тж.'.

SUBST субстантиватор
VBLZ вербализатор

Литература

- Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского Ун-та, 1898.
- Галкин И.С.* Происхождение названий дней недели в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1985, 30–43.
- Димитриев В.Д.* Чувашский календарь и метрология: учебное пособие. Чебоксары: Чувашский государственный университет, 1982.
- Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Типография Императорского университета, 1875.
- Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
- Лукоянов Г.В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1973.
- Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского университета, 1881.
- Федотов М.Р.* О названиях дней у чувашей // Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. XXI. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1962, 245–259.
- Әхмәтьянов Р.Г.* Татар теленң этимологик сүзлеге. Ике томда: I том (А–Л); II том (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015.
- Moisio A., Saarinen S.* Tscheremissisches Wörterbuch / aufgezeichnet von V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2008.

Т.В. Сивова

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы,
Гродно, Республика Беларусь
sitavi@tut.by

**Семантический переход
в пространстве флоросемантики цвета
(на фоне текстов различных дискурсов)**

Исследователи указывают на устойчивый характер связи цвета и растения: «цвет – это неперемный атрибут цветка и любого другого растения. С антропологической точки зрения цвет является одним из главных признаков растений» [Кульпина 2001: 269]. Отсюда проблематика лингвистических исследований цвета обоснованно может служить иллюстрацией семантических переходов [Зализняк 2006 и др.] у номинаций с цветовым признаком: *цвет* ‘цветок’ – *цвет* ‘цветовой тон’, ‘окраска’.

Основываясь на ставших классическими трудах, посвященных вопросам лингвистики цвета [Кульпина 2001, 2019 и др.], на некоторых наших наблюдениях над спецификой цветовой визуализации растений [Сивова 2022а, 2022б, 2023 и др.], на материале текстов различных дискурсов (лексикографических источников [БСЭ 1969–1986; БТС 2000; БЭС 2002; РАС 2002; РСС 2002; САНРЯ 1977; СИБАС 2 2022; СОТРС 2011; Харченко 2021; Цвет и названия... 2005 и др.], данных проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента, прозы К. Г. Паустовского [Паустовский 1981–1986], корпусных данных [НКРЯ], журналистских текстов (общественно-политическая газета «СБ. Беларусь сегодня» [СБ], выборка за 2003–2024 гг.), текстов рекламных объявлений [Авито]) нами проводятся наблюдения:

– над семантическим переходом по модели ‘цветовой тон’, ‘окраска’ → ‘номинация растения’ на примере переходов: **синенький** (‘цветовой тон’, ‘окраска’) → **синенький** (‘баклажан’); **красенький** (‘цветовой тон’, ‘окраска’) → **красенький** (‘помидор’) / **красенький** (‘подосиновик’); **белый** (‘цветовой тон’, ‘окраска’) → **белый** (‘боровик’). Например: *после борща, «красеньких» и «синеньких», как хозяйка нежно называла подонскому помидоры, фаршированные рисом, и баклажаны с мясом, появилась на столе и бутылочка цимлянского* (Вл. Гиляровский. Москва газетная, 1934) [НКРЯ]; *Хожу в лес по грибы. Прорва белых и подосиновиков* [Паустовский 1986: 258];

– над семантическим переходом по модели ‘номинация растения’ → ‘цветовой тон’, ‘окраска’: **василек** ‘растение’ → **василек** ‘синий цвет’; **крыжовник** ‘растение’ → **крыжовник** ‘зеленый цвет’ и др. Например: **Васильковий** ‘ярко-синий, цвета василька’. *В-ые глаза. Ткань василькового цвета* [БТС 2000: 112]; *Пилотов и бортпроводников «Белавиа» переоденут в «васильки». Уже в следующем сезоне пилотов и бортпроводников «Белавиа» переоденут в новую форму цвета василька* (СБ, 20.10.2017); *Прекрасная вещь должна кого-то радовать этой весной. Цвет – настоящий василёк, Electric Blue или кляйновский синий, Klein Blue, Yves Klein. Цвет: синий* [Авито].

Модель описания

СИНЕНЬКИЕ о баклажанах: **синенький** (‘цветовой тон’, ‘окраска’) → **синенький** (‘баклажан’). Ср.: *синенькая* – государственная ассигнация 5 рублей (1794 г.) [Музей банка...]; *Нина достала из сумочки синенькую и сунула гадалке. – На, купи спички, матушка* (Ю. Домбровский. Рождение мыши, 1951–1956) [НКРЯ].

Лексикографическая репрезентация: синенькие нар.-разг. = баклажаны [БТС 2000: 1187]; **синенькие** то же, что баклажаны [РСС 2002: 535]. См. также **баклажан**.

Ассоциативное пространство. Направленный ассоциативный эксперимент (2021 г., 332 респондента, студенты ГрГУ имени Янки Купалы: пол: 166 жен., 166 муж., возраст: 17–23). Статистика: всего «цветовых» реакций на стимул «баклажан»: 330, различных «цветовых» реакций: 27, одиночных реакций:

18, отказов: 2. Результаты НАЭ: фиолетовый 269: 138 (жен.), 131 (муж.); зеленый 13: 4 (жен.), 9 (муж.); темно-фиолетовый 11: 7 (жен.), 4 (муж.); синий 6: 5 (жен.), 1 (муж.); баклажановый 3: 2 (жен.), 1 (муж.); бордовый 3: 2 (жен.), 1 (муж.); желтый 3: 1 (жен.), 2 (муж.); индиго 2: 2 (муж.); сиреневый 2: 1 (жен.), 1 (муж.); багровый 1: 1 (муж.); белый, желтый 1: 1 (муж.); красный 1: 1 (муж.); лиловый 1: 1 (жен.); оранжевый 1: 1 (муж.); пурпурный 1: 1 (муж.); светло-зеленый 1: 1 (муж.); темно-синий 1: 1 (муж.); темно-сиреневый 1: 1 (муж.); темно-темно-фиолетовый 1: 1 (муж.); темный оттенок фиолетового 1: 1 (муж.); фиолетово-синий 1: 1 (жен.); фиолетово-черный 1: 1 (жен.); фиолетовый темный 1: 1 (жен.); фиолетовый, бело-зеленый 1: 1 (муж.); фиолетовый, очень темный 1: 1 (жен.); фиолетовый, темный 1: 1 (жен.); черный 1: 1 (муж.); нет ответа 2: 2 (муж.). Таким образом, доминанта – *фиолетовый* (не *синий*!), спектр включает 16 ТЦ, среди которых и *баклажановый* (прототипичность!). Ср. с данными других ассоциативных словарей: отсутствие «цветовых» реакций на стимул «баклажан» (при прямом поиске); единственный «цветовой» стимул, вызывающий реакцию «баклажан», – *синяк* 1 (при обратном) [РАС]. Ср. также: «цветовые» реакции на стимул «баклажан»: фиолетовый 17; синий 3; овощ фиолетовый 2; синенький; синее; синий кабачок; цвет волос; черный 1 [СОТРС 2011: 39].

Индивидуально-авторский дискурс. Проза К.Г. Паустовского: в колористических дескрипциях баклажана используется термин цвета *синий*: *Белым и синим горела земля. Белые автобусы, дороги, пески и ресницы сметал световой вихрь синего зноя, волн и синеющих от баклажанов фруктовых лавок* [Паустовский 1981: 256]; *базар, красный от помидоров, синий от баклажанов, росистый и свежий от капусты и арбузов, пахнувший топленым молоком, вишнями и сдобными ватрушками* [Паустовский 1983: 69] (подробно в [Сивова 2022а]). Фиксируется также номинация *синенькие*: *Люсьена готовила во дворе на мангале икру из синеньких* [Паустовский 1982: 281].

Корпусные данные (НКРЯ) подтверждают функционирование номинации *синенькие* в значении ‘баклажан’ в художественном, эпистолярном, автобиографическом тексте: *Им пле-*

вать, что весь Ленинград будет жрать радиоактивные яблоки и **синенькие**... (К. Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013); на цинковках прямо на земле горою вздымались помидоры, и капуста, и **синенькие** (Е. Л. Шварц. Дневник, 1953). Спорадически – с толкованием значения: *Тут же около роз находился огород с любимыми «красенькими» (помидоры) и «синенькими» (баклажаны) и другими овощами* (А. А. Хотяинцева. Встречи с Чеховым, 1904–1942); с акцентуацией пространственной обусловленности номинации: <...> *синими баклажанами, на юге везде – просто синенькими, и мы-то с вами знаем, какова икра из них* (В. Д. Алейников. Тадзимас, 2002) [НКРЯ]. Об устойчивости корреляции баклажан – синий свидетельствуют сравнительные обороты: *Нос у него стал огромный и синий, как баклажан, и висит куда-то на сторону* (М. А. Шолохов. Поднятая целина, 1959); *А тот уже начинает синеть как баклажан* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 1989) [НКРЯ].

Журналистский дискурс («СБ»; количество контекстов: 38; количество словоупотреблений: 38; временные рамки выборки: 2013–2023 гг.). Специфика функционирования номинации: 1) использование преимущественно без кавычек (27 словоупотреблений), в кавычках (10): *Вот только покоряются синенькие не всем* (СБ, 09.06.2022); *Чтобы извлечь максимум из «синеньких», следует знать, какую пользу и вред баклажан может принести организму человека* (СБ, 13.09.2021); вместе с тем (спорадически) с толкованием значения: *За вкусной едой – аутентичной мамалыгой, плациндами, «синенькими» (баклажанами во всех видах), экскурсиями на винзаводы и в подземные подвалы-пещеры, где хранятся тысячи бутылок вина* (СБ, 11.12.2019); в контаминации (ошибочно? без учета семантики?): *Красные, желтые, розовые томаты, хрустящие огурцы и перцы, витаминные салат, рукола и шпинат, синенькие баклажаны, полосатые арбузы – свыше 30 видов овощей выращивает ОАО «Тепличный комбинат «Берестье»* (СБ, 05.04.2023) или *И вскоре случилось чудо: над поверхностью земли показались коричневые шляпки боровиков и белых* (СБ, 19.10.2022);

2) внимание к цветовой составляющей (акцентируется парадоксальность номинации при многоцветности окраски расте-

ния): *Более редкое название этой культуры – «индийская ягода». В народе баклажаны ласково называют «синенькие», что не совсем соответствует истине. Форма и расцветка их плодов весьма разнообразны. Они могут быть черными, фиолетовыми, зелеными, белыми, полосатыми и даже красными и оранжевыми (СБ, 02.07.2022); Мы привычно называем баклажан синеньким, – начинает знакомство с овощем Анна Петровна. – Однако сегодня есть сорта не только с фиолетовой, но и с белой, белой в лилово-фиолетовые черточки, сиреневой с белыми полосками, зеленой, красной и даже желтой кожурой (СБ, 02.05.2020);*

3) фиксация синонимичных номинаций, созданных как на основе цветовой характеристики, так и без ее учета (на примере перехода *белый* ('цветовой тон', 'окраска') → *белый* ('боровик')): *Красавцы опята, лисички и, конечно, «белогвардейцы». Так я ласково называю белые грибы (СБ, 22.05.2021); Много у него и других названий – боровик, жатник, глухарь, коровяк, коровка, желтяк, беляк, баба, решетняк, дубровник, поддубок, медвежатник, настоящий гриб и даже справедливый... (СБ, 02.09.2016);*

4) интимизация (например: *в народе, по-простому, ласково и т.п.): баклажан, который в народе по-простому называют синеньким, не так уж и прост (СБ, 09.06.2022); на фоне фиксируемого в словарях: синенькие нар.-разг. [БТС 2000]; синенькие [РСС 2002];*

5) вовлечение номинации в процесс нейминга: *Салат «Синенький». Ингредиенты: баклажан – 3 шт., помидор – 3 шт., перец сладкий – 1 шт., чеснок – 1 зубчик, лук репчатый, тмин – 1 ч. л., масло растительное – 3 ст. л., соль, зелень петрушки (СБ, 17.05.2013); в свойственную журналистскому дискурсу языковую игру (на примере перехода *белый* ('цветовой тон', 'окраска') → *белый* ('боровик')): **Белые начинают и выигрывают.** В пунктах приема там берут почти все: лисички, белые грибы, подосиновики, подберезовики, маслята, опята, грузди и другие (СБ, 23.09.2017); также в медиатопике «Спорт»: *Жаль, что тренеры – не грибы и не растут они в наших широких лесах под кустами. Не было бы проблем <...>. Тут тебе и белые, и**

красные, и сморчки с опятами. Выбирай любой. А не понравился – ножиком по шляпке, сапогом по порам, пусть летит, кувьркается, мы еще себе насобираем. А еще лучше их, как вешенки, в домашних условиях букетами выращивать, чтоб с запасом (СБ, 31.01.2017).

Рекламный дискурс («Авито»), по нашим наблюдениям, не фиксирует термин цвета *цвет синеньких*, однако эксплицирует функционирование 61 термина цвета, основанного на колористической дескрипции баклажана (апелляция к синему в значении не прослеживается; превалирует фиолетовый). В контексте: *Платье бренда Anna Verdi, тёмно-фиолетовое. Я бы назвала цвет «Баклажан»*. Цвет: фиолетовый [Авито]. См. также (на примере перехода *белый* ('цветовой тон', 'окраска') → *белый* ('боровик')): не фиксируем ни термин цвета *цвет белых*, ни других цветообозначений, основанных на колористической дескрипции белого гриба / боровика. Вместе с тем некоторые термины цвета (немногочисленные) нашли отражение в словарях цвета: *цв. боровика* [Цвет и названия... 2005: 194]; *осенний боровик* 'цвет шляпки белого гриба, серовато-бурый' [Цвет и названия... 2005: 153].

Ср. с активностью других ТЦ (модель 'номинация растения' → 'цветовой тон', 'окраска'): фиксируем 45 терминов цвета, основанных на колористической дескрипции василька – (цв.) *василёк светлый / светлый василёк, василёк синий / синий василёк, василёк / василька / васильков, глубокий василёк, глубокий синий василёк, голубой василёк, насыщенный василёк, небесно-синий василёк, пудровый василёк, сине-голубой василёк, тёмный василёк, яркий василёк, ярко-синий василёк* и др.

Литература

Авито. Сайт рекламных объявлений. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 24.07.2024).

БСЭ – Большая советская энциклопедия. в 30 т. М.: Совет. энцикл., 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/003/392.htm> (дата обращения: 25.02.2024).

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.02.2024).
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006.
- Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М. : Московский Лицей, 2001.
- Кульпина В. Г.* Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер. М. : Макс Пресс, 2019.
- Музей банка России. URL: https://museum.cbr.ru/articles/prozvischabumazhnykh-deneg-raznoobraznye-i-mnogolikiie/#link_tsvet-deneg (дата обращения: 24.07.2024).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.07.2024).
- Паустовский К. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1981–1986. 2 т., 5 т., 6 т., 9 т.
- РАС – Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / редкол. : Ю. Н. Караулов [и др.]. М. : АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 2002. Т. II: От реакции к стимулу. 2002.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М. : Азбуковник, 2002.
- САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977.
- СБ – Общественно-политическая газета «СБ. Беларусь сегодня». URL: <https://www.sb.by/> (дата обращения: 24.07.2024).
- СИБАС 2 – Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток : в 2 т. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. Т. 1. От стимула к реакции.
- Сивова Т. В.* Цвет баклажана в цветовой концептосфере русского языка: от фиолетового до золотого и дикого // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: в 2 ч. Ч. 2 : материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7–9 апреля 2022 г. Челябинск : Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 2022а, 145–150.
- Сивова Т. В.* Василек в семиотическом пространстве белорусской культуры (на материале региональной прессы) // Журналистика в

2021 году: творчество, профессия, индустрия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 3–5 февр. 2022 г. М. : Ф-т журн. МГУ, 2022б, 218–219.

Сивова Т. В. Цвет крыжовника в цветовой концептосфере русского языка: от лексикографического к рекламному дискурсу // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2023. Вып. 2 (36), 420–431.

СОТРС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Изд-во Кем. ун-та, 2011. Т. 1. А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ).

Харченко В. К. Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысячи слов в 12,5 тысячах контекстов. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021.

Цвет и названия цвета в русском языке / под ред. А. П. Василевича. М. : КомКнига, 2005.

А.А. Смирнитская

Институт востоковедения РАН, Москва

nyushas@gmail.com

К построению типологии семантических переходов с точки зрения механизма мотивации: глаголы восприятия в языке кхойкхой

Семантические переходы в области восприятия - малоисследованный на настоящее время раздел семантической типологии. Наиболее изученной является связь семантики восприятия с семантикой когнитивных процессов, то есть, если формулировать в терминах семантических переходов [Zalizniak 2018] – семантические переходы, в которых значение-источник относится к семантическому полю «восприятие», и значение-цель относится к семантическому полю «когнитивные процессы», в частности *to see* → *to know*, *to listen* → *to remember* и др. Взаимоотношения этих семантических полей исследовались в рамках разных теоретических направлений, см. [Lakoff and Johnson 1999; Evans and Wilkins, 2000; Speed et al. 2019; Kövecses 2019]. Связь этих областей настолько глубокая, что иногда это семантическое поле так и называют «*perception-cognition semantic field*» [Georgakopoulos et al. 2022].

В то же время, возможности семантической деривации глаголов восприятия разных модальностей (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) не ограничиваются семантикой когнитивных процессов. В самом деле, многообразны семантические связи восприятия с физическими действиями (ср. в частности, семантические переходы *to look* → *to look for*; *to look* → *to follow*) с ситуациями человеческого взаимодействия (*to look* → *to look after*: рус. *заботиться*, *присматривать*; *to listen* → *to obey*: рус. *слушаться*), эмоциями (*to taste* → *to enjoy*, *to touch* → *to move/affect feelings*) и др.

В настоящей работе мы рассмотрим данные Базы данных семантических переходов в языках мира Datsemshift 3.0 [Zalizniak et al. 2024] и постараемся выявить и систематизировать ко-

гнитивные механизмы, которые лежат в основе семантических переходов с участием глаголов восприятия. В том числе, будет рассмотрено приложение разработанной классификации к данным семантического поля «восприятие» в койсанских языках, в частности, в языках кхойкхой (нама, кхоекхоеговаб) и кора. Кхойкхой - язык семьи кхое-квади, распространенный в Намибии и ЮАР, кора (корана) – малый вымирающий язык семьи кхое-квади. Материалом этого раздела исследования служат данные словарей [Haacke et al. 2002] и (Du Plessis 2008), корпус письменного и устного языка кхойкхой [Witzlack-Makarevich et al. 2024], а также элицитация с носителями языка кхойкхой¹.

Существующие классификации семантических переходов и семантических изменений (для целей настоящей работы нас не будет интересовать различие в терминологии в рамках разных теоретических подходов: *семантический переход, семантический сдвиг, семантическое изменение, семантическое расширение и семантическая деривация*) часто производятся одновременно по нескольким основаниям. В частности, в основе традиционного деления семантических переходов (см. например, “types of semantic change”, [Riemer 2010; Koch 2016]), используются параметры, относящиеся как к содержанию семантического изменения, так и к его последствиям, что детально обсуждается в статье [Koch 2016].

В методологии Каталога семантических переходов в языках мира, применяемой в базе данных (Datsemshift 3.0) классификация производится по типу реализации, то есть на основании типа поверхностного отношения лексемы, выражающей значение А, и лексемы, выражающей значение В: полисемия, семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования [Zalizniak 2018: 773 и далее]. Однако накопленный в настоящее время в Базе данных переходов материал позволяет рассмотреть этот вопрос подробнее.

¹ Автор хотел бы выразить благодарность А. Вицлак-Макаревич и коллегам из Иерусалимского университета, участвующим в проекте ISF “Peripheral Khoekhoe varieties: A comprehensive documentation and description”.

С точки зрения оснований для классификации семантических переходов, можно говорить о классификации на основании таксономического класса или семантического поля, к которому принадлежат значения А и В (ср. классификацию по значению В в Качинская 2018); о классификации с точки зрения направления связи между значениями (ср. [Руссо 2019]), о классификации с точки зрения типа реализации семантического перехода (здесь можно упомянуть классификацию реализаций в *Datsemshitt* 3.0). Помимо этого, возможно разделение переходов по типу когнитивного механизма, лежащего в их основе. Именно такие попытки классификации нас и интересуют здесь.

В методологии Московской семантической школы схожее явление описывается с помощью понятия *семантическая деривация*. В статье [Апресян и др. 2019] выделяются следующие варианты «механизма семантической деривации»: 1) метафора, то есть перенос наименования по сходству (*груша* (плод) → *груша* (боксерская)); 2) метонимия, то есть перенос по смежности (*глупый человек* → *глупый вопрос*) [человек не похож на вопрос, но глупый вопрос может быть задан глупым человеком]; 3) добавление семантических компонентов (сужение, конкретизация, обогащение значения: *равнобедренный треугольник* → *играть на треугольнике*, к компоненту ‘форма’ добавляются ‘материал’ и ‘музыкальный инструмент’); 4) утрата компонентов (расширение значения: *человек идет* → *поезд идет* [остаётся компонент ‘перемещение’, а указание на конкретный способ утрачивается]); 5) замена компонентов (*Я услышал голос* → *Мне голос был*, меняется компонент ‘чей’); 6) модализация (добавление оценки: *с трудом запихал в чемодан все вещи* → *Ну куда ты запихал мои ключи?*); 7) гиперболизация (ослабление: *Наши сантехник просто гений*); 8) смягчение (литотизация, эвфемизация: слова *сомнительный, неоднозначный* в значении ‘плохой’, у слова с более слабым смыслом появляется более сильный смысл ‘плохой’); 9) утрата агентивности (*Ребенок разбил* → *Ветер разбил*); 10) перенос по коннотациям (*разводить свиней* → *Он жуткая свинья, у него всегда такой беспорядок*, по коннотации неаккуратности); 11) перенос по имплицатуре, т. е. явно не выраженному необязательному смыслу (*добрый человек* → *добрый ку-*

сок мяса, скрытый смысл «Хороший — значит большой»); 12) десемантизация («выветривание»: *давать деньги взаймы* → *Давай пойдём в кино*); 13) внешняя мотивация (*левый* и *правый* в политическом смысле связаны с традиционным расположением мест фракций в английском парламенте); 14) конверсия (*выменять свое новое платье на туфли* — *выменять платье на свои новые туфли*) [Апресян и др. 2019:12].

Несмотря на то, что основной предмет рассмотрения в этой классификации – механизмы семантической деривации, в действительности большая часть типов, как нам представляется, описывает изменения семантических компонентов и коннотаций, входящих в лексическое значение слова, то есть фактические изменения в структуре значения слова, происходящие при расширении этого лексического значения. Механизму, то есть движущей силе семантического изменения, отводится второстепенная роль.

В статье [Zalizniak 2021], посвященной именно анализу когнитивных моделей мотивации глаголов зрительного восприятия, описаны три основных когнитивных механизма: метафорический (*to see* → *to understand* как ‘видеть внутренним зрением’ в *Теперь вы видите свои ошибки?*), метонимический (сочетание со смежной ситуацией, которая затем оказывается в фокусе, ср. *to see/ to look at* → *to visit*, как в рус. *Увидимся завтра!* и англ. *See you in a couple of days!*) и инференциальный (вывод на основании наблюдений, как в *to see/ to look at* → *to seem* в англ. *It looks like rain* и нем. *Es sieht nach Regen aus* ‘Кажется, пойдет дождь’), см [Zalizniak 2021: 268 и далее].

В настоящем очерке нам бы хотелось сосредоточиться именно на когнитивных механизмах семантического перехода в семантическом поле «восприятие», обратив внимание на происходящий при таком изменении процесс, а не на его следствия или сопутствующие явления.

Как нам представляется, на основании анализа данных переходов с участием глаголов восприятия можно выделить следующие типы семантических изменений с точки зрения происходящего при этом когнитивного процесса – *механизма семан-*

тического перехода (семантического расширения, семантической деривации):

1. Механизм метонимии – установление соответствия по смежности (либо пространственной, либо процессуальной). К этому относятся такие переходы как *ситуация – участники ситуации*, как например, to sound → noise, ср. кхойкхой полисемия lō (lòǒ), или to taste → spice, ср. семантическая деривация в кхойкхой в примере (1a):

a. Кхойкхой: Nē lamalǵaub !nâ i ge †gui **lkhoalkhoaxūna**. ‘In this shop there are a lot of fresh **spices**’.

2. Механизм метафоры – установление сходства, требующего некоторого мыслительного действия для сопоставления (в отличие от сходства на основании внешнего подобия): to smell → to detect, ср. рус. *разнюхать*; to touch → to move/affect (feelings), ср. рус. *Карикатуры на пророка затронули чувства верующих*, или в кхойкхой: полисемия tsâlkhā:

a. Кхойкхой: llis ge llis arib lloob xa lǵaisase go **tsalkhahe**. ‘She got **affected** by the death of her dog terribly’.

b. Кхойкхой: khoeb ge tí †gan !gâsa lapede go **!khawa**. ‘He **smelled** my secret intentions’.

3. Механизм изменения охвата ситуации. Сюда, как нам представляется, следует отнести случаи обобщения (генерализации) и сужения (специализации) значения, поскольку в обоих случаях происходит установление соответствия не на основании смежности, а на основании представлений о ситуации и ее объеме, как в случаях to see /to look at → to notice; и to see /to look at → to identify:

a. Кхойкхой: †Gui khoen laegub !nâ ta go **mûhō** khoes ge. ‘I was able to **identify** the lady among many people.’

b. Кхойкхой: khoe-i !kharu ra e ta ge ge **mû**. ‘I **noticed** someone passing by’.

4. Инференциальный механизм – установление соответствия на основании следствия, вывода из данной ситуации. Иными словами, семантическое развитие через вывод: выдвижение на первый план семантической имплицатуры (см. описание в [Кустова 2004], также [Traugott and Dasher 2002; Traugott 2017; Zalizniak 2021]). Например, to look → to look after в случае с рус. *присматривать*: для осуществления этого действия, в

большинстве случаев, необходимо *смотреть*. Ср. полисемию глагола *kō* ‘смотреть’ в кхойкхой:

а. Кхойкхой: *lgōana kōba te re, lase ta ge ra lkhī*. ‘**Look after** the kids, I am coming soon.’

5. Механизм смены фрейма – установление соответствия между значениями с помощью изменения точки зрения на ситуацию, и тем самым смены фрейма (ср. лексико-типологическое определение фрейма в [Рахилина, Резникова 2013]: *to see/ to look at* → *to look, have appearance*, ср. рус. *глядеть* → *выглядеть*, а также морфологическая деривация в кхойкхой *mī* ‘смотреть’ → *mūsen* ‘выглядеть’:

а. Кхойкхой: *khoes isib ge isase ra mūsen*. ‘She **looks** nice’.

Помимо рассмотренных, за пределами сферы восприятия существуют и другие типы механизмов семантического перехода, в частности (6), (7):

6. Установление соответствия по внешнему подобию сопоставимых существей: *shell (of mollusc)* → *sink (basin for water)*, ср. рус. *раковина*; *ear* → *leaf*, ср. полисемию в кхойкхой *†gae*. В основном, такой тип связи прослеживается на материале физических объектов; для действий этот тип существенно менее значим.

7. Механизм внешней мотивации – установление соответствия на основании участия в ситуации, не следующей из каких-либо свойств лексемы и связанной исключительно с экстралингвистическими реалиями, ср. семантический переход, характерный для терминов родства в тамильском языке: *name* → *grandchild*: Там. *peuyaran* ‘внук’ (морфологическая деривация от *peuyar* ‘имя’), переход связан с обычаем имянаречения.

Как нам представляется, для разных семантических полей характерно преобладание разных типов механизмов семантического сдвига. Так, для семантических переходов с участием обоняния характерны метафоры (*to smell* → *to detect* и др.), для зрительной и слуховой модальностей восприятия – инференциальный перенос, для семантического поля «термины родства» – перенос по коннотациям и системным свойствам и т.д.

В целом, установление полного списка возможных когнитивных механизмов семантического перехода в семантическом

поле «восприятие» требует привлечения дополнительных данных из разных семантических полей: как именной, так и глагольной лексики; а также расширения охвата языков.

Литература

- Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В. и др.* О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь, 2019, №1, 8–17
- Качинская И. Б.* Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). – М: Индрик, 2018.
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М: Языки славянской культуры. 2004.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. № 2, 2013, 3–31.
- Руссо М. М.* О направлении семантических переходов // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М. 2019 Выпуск 11, 181 - 190.
- Du Plessis M.* Kora: A lost Khoisan language of the Early Cape and the Gariep. Cape town: University of South Africa Press, 2018.
- Haacke W. H.G. and Eliphaz E.* A Khoekhoegowab Dictionary. Windhoek: Gamsberg Macmillan, 2002.
- Georgakopoulos Th., Grossman E., Nikolaev D., Polis S.* Universal and macro-areal patterns in the lexicon: A case-study in the perception-cognition domain // М. Коптјевскаја-Тамм, А. ШAPPER, & F. АМЕКА (eds.), Areal typology of lexico-semantics. Special issue in Linguistic Typology, 26(2), 2022, 439-487
- Koch P.* Meaning change and semantic shifts. // The lexical typology of semantic shifts, 58, 2016, 21–66.
- Kövecses Z.* Perception and metaphor. The case of smell. // Perception metaphors, Laura J. Speed, Carolyn O'Meara, Lila San Roque and Asifa Majid (eds.). [Converging Evidence in Language and Communication Research 19], Amsterdam: John Benjamins, 2019, 327–346.
- Lakoff G. & Johnson M.* Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought. New York: Basic books, 1999.
- Speed L. J., O'Meara C., Lila San Roque & Asifa Majid* (eds.). Perception Metaphors. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.
- Riemer N.* Introducing semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

- Traugott E.* (2017, March 29). Semantic Change. Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. Retrieved 1 Oct. 2024, from <https://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-323>.
- Traugott E. C. and Dasher R.B.* Regularity in semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Witzlack-Makarevich A., Job S., Ovadia M., Veselovska A., Tulchinska K.* 2024. Peripheral Khoekhoe varieties: A corpus of oral and written texts in Khoekhoegowab (Koe-Kwadi) with commentaries. Jerusalem: Hebrew University Press (in preparation)
- Zalizniak Anna A.* The catalogue of semantic shifts: 20 years later // Russian Journal of Linguistics 22 (4), 2018, 770–787.
- Zalizniak Anna A.* Cognitive Mechanisms of Semantic Derivation in the Domain of Visual Perception // Velichkovsky, B.M., Balaban P.M., Ushakov V.L. (eds.). Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Intercognsci 2020. [Advances in Intelligent Systems and Computing, 1358]. Springer, Cham, 2021, 267-274.
- Zalizniak A. et al.* Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 2024. URL: <https://datsemshift.ru/>

Г.С. Старостин

НИУ «Высшая школа экономики», Москва
gstarst1@gmail.com

**Формализация семантических переходов
в базисной лексике и ее значение
для верификации гипотез языкового родства**

Хорошо известно, что классическое сравнительно-историческое языкознание традиционно уделяет гораздо больше внимания фонетическому аспекту диахронического сравнения (установление регулярных соответствий, реконструкция фонологической системы праязыкового состояния и т.п.), чем семантическому — в первую очередь из-за невозможности на практике оперировать понятием «семантического закона», который был бы в плане рекуррентности и предсказуемости аналогичен фонетическим (см, например, [Носк 1991: 280–284]). Работы, посвященные строгой, методологически выверенной реконструкции семантического аспекта праязыковых морфем (особенно лексических), практически отсутствуют (особенно по сравнению с гигантским массивом работ, посвященных вопросам фонологической реконструкции), а «семантическая реконструкция» в этимологических словарях сводится, как правило, к инвентаризации наиболее частотных значений, зафиксированных для той или иной основы, или к элементарному выделению общего для них всех семантического инварианта (напр., ‘осина’ / ‘яшень’ / ‘клен’ → ‘вид дерева’, ‘бежать’ / ‘идти’ / ‘приходить’ → ‘передвигаться’ и т.п.); ни та, ни другая практика на самом деле не имеет никакого отношения к собственно семантической реконструкции в том виде, который она имеет, например, в основополагающем труде А. В. Дыбо [Дыбо 1996].

На практике такого рода дисбаланс между фонетикой и семантикой обычно не приводит к каким-то катастрофическим последствиям до тех пор, пока исследователь остается в рамках

относительно неглубоких, общепризнанных языковых семей (таких, как индоевропейская или уральская), хотя и здесь вопросы семантической реконструкции иногда оказываются ключевыми, например, когда речь идет о реконструкции прародины (ср. дискуссию о семантике 'лошади' и 'колесницы' в рамках конкурирующих гипотез относительно индоевропейской прародины в [Mallory 2013] и других аналогичных публикациях). Однако как только исследование переходит на макрокомпаративистический уровень (гипотезы типа индо-уральской, алтайской, ностратической, сино-кавказской и т.п. макросемей), вопрос о возможных / невозможных, высоко- или маловероятных семантических связях между лексемами с разными значениями выходит на принципиально иной уровень значимости. Поскольку общая степень надежности регулярных фонетических соответствий, устанавливаемых между потенциально родственными семьями на глубоком хронологическом уровне, неизменно оказывается не очень высокой (из-за существенно меньшего количества когнатов с точно совпадающей семантикой, чем на уровне типа индоевропейского и моложе), один из немногих способов компенсировать эту ненадежность — обзавестись доказательной или, по крайней мере, достаточно объективной базой для оценки надежности этимологий, оперирующих словами с неполностью совпадающими значениями. Иными словами, любая ностратическая этимология, в рамках которой сравниваются, например, существительные 'рука' и 'крыло' или глаголы 'глотать' и 'тонуть', требует большей степени «семантического контроля», чем аналогичные этимологии в рамках индоевропейской семьи (поскольку во втором случае достоверность этимологии будет в первую очередь определяться строгой регулярностью фонетических соответствий между этимонами).

Неслучаен тот факт, что одним из самых частых критических замечаний в адрес как перечисленных выше, так и других «макро-» гипотез оказывается т.н. *semantic overpermissiveness* — допущение к сравнению лексем со значительно отстоящими друг от друга значениями, что, по мнению критиков таких гипотез, существенно увеличивает вероятность ошибочно принять случайные фонетические совпадения за реальные исторические

когнаты (см., например, [Campbell, Poser 2008: 195–196]). Для того, чтобы снизить градус такого рода «семантической вседозволенности» в гипотезах дальнего языкового родства, необходим строгий контроль как за общетипологической реалистичностью предлагаемых семантических сдвигов, так и за тем, чтобы предлагаемые этимологии укладывались в рамки четких и прозрачных исторических сценариев, т.е. требуется переход от простого соположения сравниваемых значений к реальной семантической реконструкции с прочерчиванием линий семантического развития от «пра-значения» к значениям, зафиксированным в языках-потомках.

Основные препятствия на пути такого перехода, как нам представляется, лежат скорее в технической, чем в фундаментальной плоскости: так, например, для детальной историко-семантической верификации материала в одном только «Этимологическом словаре алтайских языков» [Starostin, Dybo, Mudrak 2003] с его более чем 2500 вхождениями потребовалось бы, вероятно, больше работы, чем было потрачено на написание всего словаря. В связи с этим внимание рабочей группы Ностратического семинара, состоящей из представителей Московской школы компаративистики, было на протяжении последнего десятилетия приковано не столько к переписыванию уже существующих этимологических корпусов, сколько к созданию принципиально нового вида диахронической базы данных — т.н. ономазиологических списков, базовым вхождением для которых оказывается не реконструированная праформа (как в обычном этимологическом словаре), а дискретное значение, входящее в подмножество базисной лексики (т.е. относительно универсальное), которому далее сопоставляются *оптимальные кандидаты* на выражение этого значения в том или ином реконструированном праязыке (подробнее об ономазиологической реконструкции см. [Jäger, List 2018]).

В рамках онлайн-проекта «400-словный список базисной лексики для потенциально "ностратических" языков Евразии» (с текущим состоянием проекта можно ознакомиться по адресу starlingdb.org/new400) такого рода ономазиологический список оказывается, по сути, промежуточным объектом между класси-

ческим этимологическим словарем и лексикостатистическим списком сводешевского типа. От последнего его, разумеется, отличает больший объем (400 лексических единиц вместо 100 или 200), а также, что еще более существенно, возможность ручного или автоматического сопоставления (как для этимологических, так и чисто статистических целей) лексем с семантически близкими, но не полностью совпадающими значениями. Для того, чтобы формализовать эту процедуру и минимизировать уровень «шума», неизбежно повышающийся при столь значительном расширении рамок сравнения, одна из задач, стоящих перед проектом — исчисление и инвентаризация семантических полисемий и переходов, наблюдаемых в языках мира между элементами, входящими в состав 400-словного списка (таких, как, например, ‘глаз’ — ‘видеть’, ‘ухо’ — ‘слышать’, ‘рука’ — ‘палец’, ‘я’ — ‘мы’ и др.).

Особая значимость учета семантических переходов в рамках 400-словного списка базисной лексики, таким образом, проявляется на двух этапах работы:

(а) семантическая реконструкция при выборе «оптимального кандидата» на выражение того или иного дискретного значения в языке. Это особенно важно ввиду того, что в современной научной литературе нередко встречаются опасения относительно использования языковых реконструкций как объектов дальнейшего сравнения (ср., например, [Ceolin 2019], где автор выступает против верификации алтайской гипотезы на основе пратюркских, прамонгольских, пратунгусских и т.п. реконструкций из-за их предположительной ненадежности). Действительно, любая попытка составить лексикостатистический список, например, праиндоевропейского языка неизбежно упрется в массовую синонимию — при условии, что отбор подходящих синонимов для сравнения не пройдет через последовательный фильтр семантической реконструкции, которая, в частности, должна опираться на типологию полисемий и семантических переходов (как это сделано, например, в работе [Kassian et al. 2021]). Именно поэтому в рамках описываемого проекта каждая реконструкция сопровождается комментарием-обоснованием: при наличии нескольких «кандидатов» на одну и

ту же позицию в списке (например, если в одной ветви семьи значение выражается корнем А, а в другой — корнем Б) требуется, насколько это возможно, построить четкий исторический сценарий, опирающийся в том числе и на типологические данные семантических переходов;

(б) автоматизированное и ручное сравнение составленных праязыковых списков для выявления их лексикостатистической близости и идентификации наиболее вероятных этимологических когнатов (или, в отдельных случаях — следов ареальных контактов). Представляется очевидным, что при расширении стандартного лексикостатистического списка со 100-200 элементов до 400-500 классическое требование к полному тождеству семантики при сравнении оказывается во многом лишеным смысла: в то время как классический список Сводеша состоит (по крайней мере, в теории) из «сверх-стабильных» элементов, способных сохранять свою базовую семантику тысячами, расширять его можно лишь за счет включения неизбежно менее стабильных концептов, которые с более высокой вероятностью подвергнутся семантическим сдвигам (тем более — на хронологических уровнях, отделяющих гипотетические «макросемейные» праязыки от общепризнанных уровней типа праиндоевропейского и т.п.).

Таким образом, сравнение 400-словных списков с целью как чисто формальной оценки их лексикостатистической близости (например, с помощью методов Левенштейна или «консонантных костяков» Долгопольского), так и выявления достоверных когнатов на глубоких хронологических уровнях требует обязательного учета возможных семантических переходов; в связи с этим 400-словная база данных сопоставляет каждому общему входу (напр., BLACK / ЧЕРНЫЙ) все элементы списка, для которых хотя бы в 2-3 языках или языковых семьях, не связанных друг с другом тесными географическими контактами, зафиксированы соответствующие полисемии или семантические переходы (напр., COAL / УГОЛЬ, DARK / ТЕМНЫЙ, NIGHT / НОЧЬ). Такая формализация позволяет привлекать к автоматизированному сравнению лексические пары, потенциально связанные типичными семантическими переходами, но при этом

отсекая пары, связанные типологически неверифицированными переходами (напр., семантическая связь между BLACK / ЧЕРНЫЙ и RAVEN / ВОРОН интуитивно представляется вполне естественной, но реально развитие из ‘ворона’ в *базовый* концепт ‘черный’ — в отличие от специализированных терминов типа русск. ‘воронóй’ — в ходе работы над проектом не повстречалось ни разу; отсутствует оно и в таких онлайн-каталогах колексификаций и семантических переходов, как CLICS и DatSemShift).

Оба вышеописанных методологических подхода уже приносят важные результаты: ономаσιологическая реконструкция применительно к общепризнанным семьям типа индоевропейской, уральской и т.п. позволяет уточнить реальную реконструируемость на этих уровнях тех или иных базовых концептов, а учет возможности семантических переходов на уровне дальнего сравнения проливает дополнительный свет, например, на проблему смешения генетических и контактных связей в решении вопроса о возможном генетическом родстве языков алтайской макросемьи (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской; этот вопрос будет рассмотрен отдельно в готовящейся к печати публикации на соответствующую тему, см. [Starostin 2025]). Представляется, что принятие такого рода методологической основы для дальнейших исследований в области дальнего (и не только) родства языков должно привести к повышению общей достоверности получаемых результатов и, возможно, даже помочь таким дисциплинам, как ностратическое, сино-кавказское и т.п. языкознание преодолеть общее состояние исследовательского «застоя», в котором они пребывают со времени публикации основополагающих трудов по их сравнительной фонетике и лексикологии (подробнее см. [Starostin, Kassian, Zhivlov 2016]).

Литература

- Campbell, Lyle; Poser, William J.* Language Classification: History and Method. / Cambridge University Press, 1991.
- Ceolin, Andrea.* Significance testing of the Altaic family. // *Diachronica*, 2019. № 36(3), 299–336.

- Hock, Hans Henrich.* Principles of Historical Linguistics. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Jäger, Gerhard; List, Johann Mattis.* Using Ancestral State Reconstruction Methods for Onomasiological Reconstruction in Multilingual Word Lists. // Language Dynamics and Change, 2018. № 8(1), 22–54.
- Kassian, Alexei; Zhivlov, Mikhail; Starostin, George; Trofimov, Artem; Kocharov, Petr; Kuritsyna, Anna; Saenko, Mikhail.* Rapid Radiation of the Inner Indo-European Languages: An Advanced Approach to Indo-European Lexicostatistics. // Linguistics, 2021. № 59(4), 949–979.
- Mallory, J. P.* Twenty-first century clouds over Indo-European homelands. // Journal of Language Relationship. 2013. № 9, 145–154.
- Starostin, George.* Contact or cognate: using onomasiological reconstruction to shed light on the «Altaic» question. // Beyond recorded history: Unlocking the past through contact linguistics : сб. ст. / отв. ред. Marwan Kilani, Rasmus Bjorn. Berlin : De Gruyter Mouton, 2025 (в печати).
- Starostin, George; Kassian, Alexei; Zhivlov, Mikhail.* The "Nostratic" roots of Indo-European: from Illich-Svitych to Dolgopolsky to future horizons. // Slovo a slovesnost, 2016. № 77, 392–415.
- Starostin, Sergei A.; Dybo, Anna V.; Mudrak, Oleg A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden : Brill, 2003.
- Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М. : Языки русской культуры, 1996.

С. М. Толстая

Институт славяноведения РАН, Москва
smtolstaya@yandex.ru

Мотивационные модели в символическом языке культуры

Естественный (вербальный) язык и символический язык культуры имеют дело с одними и теми же реалиями (явлениями) действительности, но концептуализируют и «препарируют» их неодинаково, т.е. делают акцент на разных свойствах объектов и по-разному их оценивают. Лишь немногие внешние характеристики и свойства объектов окружающего мира получают осмысление и фиксацию в языке (в номинации). Еще более избирателен язык культуры, закрепляющий за тем или иным объектом мира (предметом, растением, лицом, действием и т.д.) функцию символа, т.е. носителя того или иного признака. Как и разные классы слов в языке, разные классы культурных символов (предметные, предикатные, атрибутивные и т.д.) используют разные мотивационные модели символизации (т.е. разные признаки, формирующие символическое значение).

Предметная сфера (в широком смысле) включает артефакты, природные предметы и явления, лица, персонажи. Для каждой из этих категорий характерны собственные мотивационные механизмы. Признаки, определяющие символику предметов: **внешние признаки**: форма, размер, цвет, количество, структура и т.д., **функции**: типичные действия и состояния (в качестве субъекта, орудия, объекта, адресата, локуса и т.д.); **принадлежность** (лицу, пространству, ситуации); **происхождение, генезис** (способ возникновения или изготовления); **локализация; время** и др. Каждый из этих признаков или несколько сразу могут стать основой культурного символа конкретной реалии.

Символизация артефактов иллюстрируется следующими примерами (подчеркнуты релевантные мотивационные признаки): **Борона:** структура (переплетение, ячейки, зубья), материал (осина, бузина), функция (рыхление почвы) > символика: фаллическая, защитная (оберег). **Веник:** функция (устранение всего нечистого, контакт с мусором > орудие изгнания демонов, болезней и т.п.), «происхождение» (сухие прутья > запрет бить ребенка или скоти)ну старым веником, иначе они засохнут), структура (связанность), женский и домашний атрибут, атрибут и локус демонов и оберег от них. **Лавка:** физические свойства (устойчивость), принадлежность дому (оппозиция. внешнему миру, ср. свадебный обряд), локус сидения (оппозиция хождению, уходу), локус смерти и покойника; объект ритуальных действий (оберегов). **Лапти:** структура и изготовление (древесный материал, плетение, вязание, кручение > вегетация растений), функция (связь с хождением > выход замуж, переход в иной мир), оберег (магия связывания опасности, магия креста и перекрещивания); запреты плетения лаптей на коляды.

Символизация природных объектов. **Камень:** крепость и устойчивость (> обычай стучать камнем по голове, чтобы капуста была крепкой; стоять на камне, чтобы ноги были крепкие и не болели); неподвижность, неспособность к росту (ср. заговор от лишая: «Не расти, не расти, пятно, как не растет камень», словац.). **Ягоды** (в сновидениях): форма (шарообразность, маленький размер, множественность > слезы, деньги), субстанция (жидкость, сочность), фазы и состояния (созревание и увядание, разрывание > нарывы, волдыри, болячки), цвет (сливы > синяки), труд > тяжесть, болезни; вкус > удовольствие, развлечение, радость.

Символизация природных явлений. **Вихрь:** действие (стремительное движение, вращение, разрушительная сила > насылание бедствий, болезней), происхождение (нечистые покойники, висельники > демоническая природа), обереги и отгонные средства (крест, молитва, заклинания, плевков, нож, чеснок и др.). **Луна:** локус (принадлежность верхнему миру, небу), оппозиция солнцу (смерть – жизнь), родство с солнцем (глаз солнца), опасность лунного света (> болезни, запреты, обереги),

изменчивость: рост (прибыль) и увядание (убыток): фазы луны и их оценка (предписания и запреты).

Символизация лиц, персонажей. Беременная женщина: «структура» (два в одном, наличие двух душ > двойственность, двойственность и далее опасность), пограничное состояние > опасность для нее и для окружающих; «функция» (фертильность > плодородие). **Мальчик:** пол (> мужская символика, магия рождения мужского потомства, одежда, прическа, приобщение к мужским занятиям) и возраст (переход в следующую возрастную категорию), обрядовые роли (оппозиция девочке).

Если от физических и утилитарных свойств предметов зависит их возможность участия в тех или иных действиях, то от параметров действий и признаков (временных, локативных, орудийных и т.п.) зависит их применимость к тем или иным предметам (катать можно только круглые (шаровидные) предметы, подбрасывать – соизмеримые с размерами человека, жевать – съедобные, лить – только жидкие, ломать – только твердые и т.п.). В целом действие является более сложным объектом символизации, чем предмет (реалия), поскольку на его символическое значение влияют не только свойства самого действия, но и семантика и символика его актантов (участников ситуации – субъекта, объекта, орудия и т.д.). Ср. приход полазника на Рождество, битье вербовой веткой, смотрение в печь и т.п.

Символизация действий и состояний. Перевооруживание предметов (посуды, лавок, зеркала, метлы, двери, телеги, на которой везли гроб, колыбели умершего ребенка и т.п.) : символизирует «обратность» (по линии верх~низ, передний~задний), остановку и прекращение движения > отвращение, отгон опасности (смерти, болезней, стихийных бедствий, порчи), предотвращение возвращения покойника. **Передача предметов:** способ воздействия на адресата через передаваемый объект.

Символизация признаков. Признаки могут быть разделены на **природные** (внутренне присущие, атрибутивные) и **предикативные** (приписываемые объекту: «новый», «первый», «красивый» и т.п.), ср. признак «красный» у слова и реалии «кровь» и – в «красное яйцо», «красная лента»). Первые (внутренние) лежат в основе мотивации символического значения

предмета, действия или явления (веретено > символ остроты, колющее орудие; прыжки, подсакивания, танцы > символ роста посевов и т.п.), тогда как вторые символизируются так же, как другие предикаты (действия, состояния).

Сложная мотивация символов. Символизация конкретных объектов может базироваться на сочетании нескольких, в том числе разнородных, признаков объекта, а также на таких сближениях, как **метафора** (дождь – слезы), **метонимия** (шапка как заместитель человека), **вербальная (этимологическая) магия**: *сито – сито детето* (болг.); *сир - сирота* (серб.), *гора – горе* (русс.) и т.п. Пример косвенной символизации из полевых записей в закарпатском селе: «Говорили, сено нельзя класть. Сено нельзя класть в гроб, потому что это скошенное, и много будет людей умирать» (сено опасно потому, что его косят косой, подобно тому, как смерть *косит* людей).

Наиболее «семиотичны» (насыщены «прямой» символикой) такие жанры народной традиции, как прогностики (гадания, приметы), толкования сновидений, запреты и предписания.

И.В. Фуфаева

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
iriel@inbox.ru

Семантические переходы словообразовательного значения «уменьшительность» на материале русского языка

1. Введение

Характерность для уменьшительных суффиксов в целом семантических переходов и выражения ими различных переносных значений отмечается многими исследователями, см. напр. [Jurafsky 1993], [Jurafsky 1996]. В указанных работах семантика уменьшительности диминутивов рассматривается сама как результат семантического перехода от более конкретного значения ‘ребенок’, что вызывает критику, обзор которой см. [Тагабилева 2016: 49], см. также [Фуфаева 2020: 97–99].

В настоящей работе рассматриваются семантические переходы от словообразовательного значения уменьшительности (нейтрального, размерного), свойственные современному русскому языку. Под уменьшительностью понимается словообразовательное значение производного слова, нейтрально выражающего семантику «меньше стандартного предмета X», где X – это денотат производящего слова (обычного коррелята).

Это значение в современном русском языке выражается рядом диминутивных суффиксов, в т.ч.: продуктивными суффиксами *-к(а)*, *-чик*, *-ик*, *-ок/-ек*, *-очк(а)*, *-к(о)*: *ложечка*, *стаканчик* (например, о мерном стаканчике), *столик*, *кружочек*, *ванночка*, *блюдечко*. В ряде старых образований оно выражается и другими, сейчас уже малопродуктивными или непродуктивными в значении уменьшительности суффиксами: *-ик(о)*, *-иц(а)*, *-ьц(е)/-ец*, *-ц(а)/ец*, *-ышк(о)*, *-ышек*, и т.д.: *колёсико*, *лужища*, *зеркальце*,

дверца, колышек, причем старые размерные образования на *-ец* < *-ьць* в основном устарели или застыли: *кувшинец, ларец*.

Образования именно с этими суффиксами рассматриваются как материал для анализа семантических переходов, причем приоритетным материалом являются образования с суффиксами, которые продолжают продуктивно образовывать производные слова и с исходным, размерным значением, и с переносными значениями (результатом семантических переходов), т. е. суффиксы *-к(а)*, *-чик*, *-ик*, *-ок/-ек*, *-очк(а)*. Не рассматриваются образования с имманентно экспрессивными диминутивными суффиксами, которые не выражают и не выражали размерного значения или выражали его только экспрессивно, напр., *-ёнк(а)*, *-ушк(а)* безударный: *зимушка, собачонка*.

На базе словообразовательного значения уменьшительности развиваются нейтральные и экспрессивные значения.

2. Семантические переходы типа «уменьшительность → нейтральное значение»

2.1 Подобие

Наиболее продуктивным семантическим переходом представляется **переход «уменьшительность → подобие»**. Производное слово выражает семантику «подобный X», где X – это денотат производящего слова. Ряд русских суффиксов, выражающих значение подобия, не только исходно уменьшительных, приводится в издании [Русская грамматика 1980: 203–204].

Значение подобия выражают разнообразные исходно уменьшительные суффиксы: *бров-к(а)*, *булав-к(а)*, *нос-ик* (деталь посуды), *глаз-ок* (двери), *зуб-чик*, *зуб-ец*, *горл-ышк(о)* (часть сосуда), *уш-к(о)* (часть иглы), *плеч-ико* (деталь одежды), *пыль-ц(а)* и др. С их помощью образовано множество научных терминов, названий биологических объектов, частей тела и пр.: *пест-ик*, *тычин-к(а)*, *кот-ик* (морской), *кузнеч-ик*, *кобыл-к(а)*, (насекомое), *молоточ-ек* (косточка среднего уха), *лопат-ка*, *жгут-ик*, *тель-ц(а)* и т. д., см. [Фуфаева 2022].

Существенными особенностями механизма развития семантики подобия на базе уменьшительности представляются следующие.

1. Даже у большинства уменьшительных образований так или иначе уже имеется семантика подобия, просто потому, что уменьшенный предмет не полностью эквивалентен стандартному. Как минимум, он используется для иных целей, см. *ложечка* (чайная, мерная), *зеркальце* (карманное); часто отличается по форме, см. *шкафчик* (кухонный), *столик* (журнальный), *лопатка* (для торта) и/или изготовлен из другого сырья, см. *батончик* (шоколадный).

2. Степень присутствия семантики подобия в семантике уменьшительных образований варьируется. Так, у лексемы *аптечка* 'коробка с лекарствами' она выше, чем у лексемы *лопатка* (для торта), поскольку между денотатами пары *аптечка* и *аптека* различий больше, чем между денотатами пары *лопата* и *лопатка* (для торта). Однозначно квалифицировать словообразовательное значение таких слов, как *аптечка*, трудно, оно находится в промежуточной зоне между уменьшительностью и подобием.

3. Семантика некоторых образований со значением подобия наряду с ним включает и уменьшительность. См., напр., лексемы *рябинка* (травянистое растение), *кобылка*, *кузнечик* (насекомые), *тычинка*, денотаты которых не просто чем-то похожи на денотаты обычных коррелятов (*кобылка* способностью скакать, *кузнечик* «металлическими» звуками и т.д.), но и меньше их.

4. Семантика остальных образований со значением подобия, напр. *бровка*, *котик* (морской), не включает уменьшительности.

Итак, словообразовательное значение образований со значениями нейтральной уменьшительности и подобия представляет собой совокупность двух семантических спектров: подобия и уменьшительности, где степень выраженности обеих сем варьируется от отсутствия до максимальной выраженности; уменьшительность плавно переходит в подобие.

Важно, что в ряде случаев производные слова не образуются с этой семантикой «подобный X» сразу напрямую. Сначала у производящего слова, например, *нога* или *кот*, развивается переносное значение. Об этом говорят контексты из памятников

XVIII в. Со словом *нога*: «*стол о трех ногах*»¹, «*кроватные ноги*»². Со словом *кот* (морской): «*морских котов ловят*»³, «*Медведь Морской, или Кот Морской, по Сибирскому названию*»⁴. Далее под влиянием избегания омонимии в одном из значений (обычно в переносном) начинает использоваться диминутив и вытесняет в этом значении обычный коррелят: *ножка стола, морской котик*, в результате чего и меняется его словообразовательное значение, то есть производное слово приобретает словообразовательное значение подобия. В 1920-е гг. XX в. новый тип городского речного пассажирского судна сначала был назван «*речным трамваем*» по аналогии с самым типичным городским общественным транспортом, и лишь с 1960-х гг., судя по НКРЯ, в речь входит диминутив «*речной трамвайчик*». Этот сложный диахронический процесс, по-видимому, способствует закреплению у исходно уменьшительных формантов словообразовательной семантики подобия, и в ряде случаев они образуют слова со значением подобия напрямую.

2.2 Невзрослость

Значение невзрослости выражается уменьшительными суффиксами опционально ввиду наличия в русском языке специализированных суффиксов невзрослости; в СРЯ продуктивен суффикс невзрослости *-ёнок/-ёнк-/ят-*. Если его использование по фонетическим / морфонологическим или иным причинам затруднительно, невзрослых особей называют уменьшительными образованиями: *крокодильчик, бегемотик, дельфинчик, быч-*

¹ Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, М., 1704.

² Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российской язык переведенный Собранием ученых людей. СПб., 1786, т. 1–2. II.

³ Рапорты, донесения и другие неопубликованные материалы С. П. Крашенинникова. [30—40-е гг. XVIII в.]. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, с. 545–767.

⁴ Леклерк де Монлино Ш. А. Ж. Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов; перев. с фр. яз. Василием Левшиным. М., 1788, ч. 1–2.

ок, телоч-к(а) и т. п. Молодое деревце стандартно обозначается диминутивами: *сосен-к(а), елоч-к(а), дуб-ок* и т.д. Таким образом, исходно уменьшительные суффиксы используются для образования слов со значением незрелости ограниченно. При этом семантический переход «уменьшительность → незрелость» очевиден.

2.3 Единичность

Значение единичности также обычно выражается специализированными суффиксами: *-ин(а), -инк(а)*, образующими образования от вещественных и собирательных существительных: *песок – песчинка, горох – горошина*. Однако иногда образования от таких существительных образуются с помощью уменьшительного суффикса *-к(а)*. В словаре Ожегова диминутив *морковка* толкуется как «отдельный корень» в отличие от собирательного *морковь* [Ожегов 1985]. По-видимому, это отражает языковую ситуацию 50-х годов; сейчас диминутив *морковка* обычно используется как ласкательное образование от *морковь*, сохраняющее собирательность.

Значение единичности имеют образования с уменьшительным *-к(а)/-ок* *желез-к(а), мармелад-к(а), шоколад-к(а)* от вещественных *железо, мармелад, шоколад*. Сложнее ситуация образований со значением единичности *стекляшка, деревяшка*; при синхронном рассмотрении их соотносят с вещественными *стекло, дерево* и выделяют суффикс *-яшк(а)*, но с т. зр. исторического, диахронического словообразования это образования от прилагательных *стеклянный, деревянный* с *-к(а)* и чередованием *н/ш*, как *окно – окошко*, т.е. здесь суффикс *-к(а)* не только выражает единичность, но и транспонирует прилагательное в существительное. Названия некоторых продуктов образованы с уменьшительным суффиксом от вещественных существительных, сами не являясь вещественными: *сырок* (творожный), *колбаски* (охотничьи). Таким образом, использование исходно уменьшительных суффиксов в словообразовательном значении единичности ограничено несколькими вещественными существительными *шоколад, железо, стекло, колбаса* и пр.

Семантический переход «уменьшительность → единичность»: часть меньше целого, которым является вещество / множество «как таковое», т.е. «все вещество / множество».

2.4. Приблизительность

В некоторых контекстах использование диминутивов от названий временных периодов, мер объема, веса, количества, как можно заподозрить, вносит семантику приблизительности: «*пару ложечек*», «*ложечку-другую*», «*на минуточку*», «*килограммчика три*», «*парочку-троечку*». При этом в тех же контекстах обсуждаемая семантика выражается разными способами: инверсным порядком слов, прилагательным *другой* как приложением и т. д. Как представляется, в русском языке семантика приблизительности не оформилась как полноценное словообразовательное значение описываемых суффиксов, и семантический переход «уменьшительность → приблизительность», свойственный ряду языков, см. [Jurafsky 1996], вряд ли можно отнести к регулярным и устойчивым явлениям русского языка.

2.5 Женскость

Иногда в современном русском языке в паре «существительное общего рода – диминутив» имеется гендерное распределение: диминутивом чаще обозначают женщин, чем мужчин, и наоборот. То есть в этих случаях уменьшительный суффикс приобретает способность выражать семантику женскости. Ярким примером служит современное использование компонентов пары *бедняга* – *бедняжка*. Анализ контекстов НКРЯ с 2010 показывает, что в обоих случаях гендер (пол) в них очевиден примерно в 90% контекстов (105 контекстов для *бедняга*, 62 контекста для *бедняжка*). Из них *бедняга* обозначает мужчину в 86% случаев, женщину в 14% случаев (90 и 15 контекстов); *бедняжка*, наоборот, обозначает женщину в 86% случаев, мужчину в 14% случаев (53 и 9 контекстов). Разумеется, немногочисленность таких кейсов исключает возможность признать семантический переход «уменьшительность → женскость» устойчивым и продуктивным в современном русском языке, как и в предыдущем случае; к тому же он касается лишь суффикса $-к(a)$.

Вопрос о таком историческом переходе, то есть о происхождении суффикса феминитивов $-к(a) < -ьк(a)$, продуктивного

в различных славянских языках, из уменьшительного $-к(a) < -ък(a)$, находится за рамками настоящей работы. Есть факты в пользу этого перехода. В частности, феминитивный суффикс $-ък(a)$ возник гораздо позднее уменьшительного: в старославянских памятниках феминитивы на $-ък(a)$ отсутствуют, в древнерусских единичны, в старорусских (XVI–XVII вв.) малочисленны, особенно по сравнению с уменьшительными и отадъективными-универбативными образованиями на $-к(a)$ (типа *копейка* из *копейная деньга*). Лексические значения старорусских феминитивов на $-к(a)$: *испопинка*, *иноземка*, *бобылка*, *богаделка*, *жидовка*, *татарка* и пр. (женщины чужие или низкого статуса), с учетом востребованности уменьшительности при номинации лиц в этот период, ср. диминутивы типа *вдовка*, не исключают их исходных уменьшительно-уничижительных коннотаций.

3. Экспрессивные значения диминутивов

Семантические сдвиги от уменьшительности к экспрессивным значениям подробно освещаются в работе [Фуфаева 2020]. Для экспрессивных значений диминутивов характерно следующее: 1) они выражают различные нюансы отношения к денотату, собеседнику, самому говорящему, третьему лицу, ситуации в целом, которые представляют собой скорее фрагменты общего континуума отношения, чем четко очерченные отдельные значения; 2) они в высокой степени обусловлены конкретным дискурсом: просьбы, уговора, угощения, похвалы, разговора с пациентом, разговора с маленьким ребенком и т.д.; 3) они часто обусловлены лексическим значением и коннотациями основы, и принимают тот или иной оттенок отношения (нежность, пренебрежение, насмешка и пр.) в зависимости от них: ср. разные типы прагматики суф. $-ик$ в *котик* и *доцентик*, $-к(a)$ в *минутка* («Зайди на минутку!») и *обидка* (насмешка, сарказм).

Представляется важным выделение двух семантических континуумов, репрезентующих словообразовательную семантику экспрессивных диминутивов и развившихся на базе уменьшительности: континуума преуменьшения и континуума эмоционального отношения.

3.1 Преуменьшение

Экспрессивные значения диминутивов, выражающих преуменьшение, включают семантику уменьшительности, не существующую объективно, так как:

1. Денотат, являясь временным периодом (*год – годик*) или единичностью действия (*раз – разик*), объективно не может быть меньше или больше. Диминутивы *годик, годок, часок, часик, неделка, минутка, минуточка, секундочка* не обозначают меньших временных периодов, чем *год, час* и пр., а диминутивы *разик, разок, разочек* – меньшего количества действий, чем *раз*. В дискурсах просьбы, уговора такие образования регулярно используются говорящим, чтобы внушить собеседнику, что данный временной период или действие – это очень мало:

Ну, миленький Алинька, можно разочек? Всего один разик? (Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961, НКРЯ)

2. Денотат представляет собой нечто маленькое, и диминутив используется для преувеличения малого размера в роли интенсификатора малого размера или отсутствия чего-то, в дискурсах похвалы, жалобы и т.д.: *ни пылиночки, ни сориночки, остались лишь крошечки, по крупиночке, по линеечке*. Выражение единичности такими диминутивами, как *разочек*, и выражение малости небольших временных периодов такими диминутивами, как *минуточка*, можно отнести как к п. 1, так и к п. 2. Значения малого количества и малого размера связаны общей семей малости (ср. выражение малого количества через единственное число *денежка*). Генетическая связь морфемных значений демонстрирует связь между малым количеством и малым размером и, шире, – между размером и количеством как понятиями. В целом между п. 1 и 2 нет границ, что отражает вышеупомянутую континуальность выражения отношения;

3. Денотат представляет собой нечто нежелательное, и диминутив используется для смягчения этих коннотаций в роли эвфемизма, например, во врачебном дискурсе: *переломчик, укольчик*; в дискурсе возражения – *проблемка, замечаньица* и пр.

Таким образом, использование уменьшительных суффиксов в словообразовательном значении преуменьшения ограничено существительными со значениями относительно неболь-

ших временных периодов; обозначающими маленькие предметы; обозначающими нечто нежелательное для собеседника.

3.2 Эмоциональное отношение

Остальные словообразовательные экспрессивные значения, развивающиеся на базе уменьшительности, среди которых традиционно в лингвистике выделяют ласкательность, пренебрежительность, уничижительность (к которым далеко не сводятся выражаемые нюансы эмоционального отношения), совершенно не включают семантику размерности (семантику малого размера). Это, как сказано выше, целый континуум, в котором одни нюансы отношения перетекают в другие: ласка, умиление, нежность, нежная шутливость, снисходительность, фамильярность, ирония, насмешка, презрение и пр.

Связь «малого и милого», то есть предопределенность самой природой семантики уменьшительности развития на ее базе выражения определенных нюансов эмоционального отношения, в частности, умиления, нежности, постулировалась в русистике еще Константином Аксаковым [Аксаков 1880].

Различные нюансы отношения развиваются из различных частных коннотаций малого размера для разных классов малых объектов: милый, жалкий, незначительный, презренный, забавный, свойский и т. п., и выражают разные типы субъективно-эмоционального отношения к денотату, собеседнику, говорящему, третьему лицу, ситуации в целом: нежность, умиление, снисходительность, слащавость («сюсюканье»), шутливость, иронию, сожаление, пренебрежение, презрение, смирение, подобострастие, свойскость и пр.

Все эти нюансы отношения представляют собой по сути отношение к чему-либо как к «метафорически малому», и, как сказано выше, в значительной степени обусловлены внутрисловным контекстом и конкретными дискурсами.

Например, выражение смирения, заискивания, подобострастия связано с коннотациями собственной метафорической малости, низкого положения (униженности) говорящего, характерно для дискурсов задабривания, коммуникации неравноправных собеседников и т.д. С наивно-лингвистической точки зре-

ния такое использование диминутивов иногда воспринимается как единственно возможное, ср. пересказ воспоминаний А.И. Куприна:

*Это был язык богаделок и приживалок около «благодетельниц»: кусочек, чашечка, вилочка, ножичек, яичко, яблочко и т. д. Я питал и питаю отвращение к этим уменьшительным словам, признаку нищенства и приниженности [Куприна-Иорданская 1966, с.86]; ср. также высказывание современного писателя Леонида Сторча: *Задабривая, русский человек просит у кассира продать ему билетик подешевле на поезд; цветочник предлагает покупателю оформить букетик... Приятель просит у приятеля одолжить ему денежку (вспоминается копеечка, которую отняли у юродивого в “Борисе Годунове”)* [Сторч 2007].*

Далее выражение смирения, развившееся на базе «метафорической малости говорящего», может развиваться в уже не субъективно-эмоциональные, а чисто этикетные значения диминутивов в частных дискурсах, например, в этикете скромности, когда говорящий ритуально преуменьшает ценность своих произведений, угощения, подарка и тому подобного, обозначая их как *стишки, статейка, отчётец, картинки, подарочек, презентик* и пр. Здесь нет выражения реальной приниженности (такие выражения используют в том числе признанные, успешные писатели, художники и пр.), использование «смирненных диминутивов» носит игровой, ритуальный характер, понятный коммуникантам.

Другой пример – развитие у диминутивов функции выражения вежливости в современном просторечном и, шире, неформальном этикете на базе широкого использования их в различных дискурсах, связанных с заботой (угощение и пр.), когда говорящий общается с собеседником как с «метафорическим ребенком». Использование диминутивов в «дискурсах заботы», в свою очередь, развивается на базе «языка нянь», особого регистра, на котором говорят с маленькими детьми, и связано с наличием у семантики малого связи с семантикой детства.

Заключение

В современном русском языке словообразовательное значение уменьшительности является базой для ряда семантиче-

ских переходов как к нейтральным значениям (подобия, единичности, невзрослости), так и к экспрессивным значениям, прежде всего к выражению субъективно-эмоционального отношения и далее к выражению вежливости в различных современных частных этикетах, например, в просторечном этикете в сфере обслуживания, в этикете авторской скромности и пр.

Вместе с тем некоторые направления остаются не полностью реализованными, например, переход к выражению семантики приблизительности.

Важны детали и механизмы конкретных семантических переходов. В частности, закрепление за уменьшительными суффиксами значения подобия стимулируется фактором избегания омонимии.

В рамках перехода от выражения нейтрального значения уменьшительности к выражению экспрессивности выделяется ситуация, когда семантика малого размера сохраняется, но перестает соответствовать объективной реальности, напр., в диминутивах-эвфемизмах в дискурсе диалога врача с пациентом: *укольник*, *переломчик* и пр., что является частью континуума преуменьшения.

В остальных случаях на базе различных коннотаций семантики малого размера развивается выражение отношения к денотату, собеседнику, самому говорящему или третьему лицу как к «метафорически малому», причем это отношение находится в спектре от ласкательности до уничижения, включая подобострастие, насмешку и другие разнообразные нюансы отношения, являющиеся частью континуума эмоционального отношения.

Список сокращений

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

Литература

Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. Полн.собр.соч., т.Ш, ч.П. М., 1880.

Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М.: Худож. лит., 1966.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 31.08.2024).

- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: «Русский язык», издание 17-е, стер., 1985.
- Русская грамматика : в 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М. : Наука, 1980. Т. I.
- Сторч Л. И.* Об одержимости деминутивами в русском языке. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=163776 (Дата обращения: 19.11.2023).
- Тагabileва М.Г.* Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках). Дисс. ... канд.филол.наук. Москва, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2016_TagabilevaMG_diss_10.02.20_24.pdf
- Фуфаева И. В.* Шарички и головочки, или Откуда есть пошла научная уменьшительность // Наука и жизнь. 2022. №8, 52–54.
- Фуфаева И. В.* «Преуменьшение» и «умаление» просьбы / временного периода в семантике русских диминутивов // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. Труды и материалы международной конференции, состоявшейся в Казанском федеральном университете 14–17 октября 2018 г. Том 2. Казань, 2018, 271-274.
- Jurafsky D.* Universals in the Semantics of the Diminutive. Proceedings of the Nineteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Semantic Typology and Semantic Universals (1993), 423–436.
- Jurafsky D.* Universal tendencies in the semantics of the diminutive // Language. 1996. V.72. N 3, 533–578.

Е.Н. Цветаева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва
elenatsvetaeva@yandex.ru

**Семантическая диффузность:
путь к интенсификации и конверсии**

Рассматривая феномен интенсивности как один из аспектов языковой системы и относя его к отдельной функционально-семантической категории [Os 1988], отметим, что данное исследование рассматривает это явление в свете непосредственной зависимости развития признака интенсивности у лексических единиц от диффузного характера их семантики. Верифицировать, объяснить и интерпретировать должным образом процессы, определяющие такое развитие семантики представляется возможным в исторической семантической парадигме, включая и возможности парадигмы лингвокогнитивной.

Семантическая диффузность как таковая лежит в сфере семантической неопределенности и, безусловно, связана с понятием многозначности, которая предполагает определенную меру дискретной организации лексических значений. Однако известно, что эта мера часто бывает весьма условна [Апресян 1971]. Это хорошо видно, например, при лексикографировании. Чем меньше степень дискретности и чем более размытый характер имеют границы между значениями и их смысловыми категориями, тем больше оснований считать такую семантику диффузной. Правда, следует признать, что практически всегда мы имеем дело и с утратой внутренней формы слова, с процессом утраты первообраза (это касается как отдельных лексем, так и фразем, которые фактически лексикализируются, функционируя как интенсификатор и утрачивая идиоматичность в привычном смысле слова). Например: *elend: das schmeckt elend gut; echt: echt*

super, echt naiv; um alles in der Welt: Was um alles in der Welt hast du getan?!

Сферы применения, степень универсальности интенсификаторов, конечно, разная. Многие не выдержат сравнения с *sehr* в современном немецком, который передает высокую степень чего бы то ни было наиболее обобщенно, отчетливо и – дискретно, но в синхронном смысле, так как исторически, что закономерно, восходит к совершенно иному спектру значений, а именно: двн. *sêro*, свн. *sêre* – раненый, *sêr* – ранение, боль (подробнее: [Пярина 2011])

Но все течет и изменяется. Так, на основании многолетних наблюдений за лексемой ELEND во всех ее итерациях мы видим (учитывая диахронические исторические данные и корпусные данные последних десятилетий), что сфера ее применения постоянно расширяется. При более пристальном наблюдении и за другими единицами можно заметить (первые) признаки подобного рода. Ведь и универсальный *sehr* не сразу получил статус абсолютного интенсификатора.

Следует отметить, что степень семантической диффузности рассматриваемой лексемы со временем возростала. Подробный анализ показал, что развитие диффузности в семантической структуре лексических единиц представляет собой не просто процесс семантического расширения, реализующегося с помощью ряда механизмов. Исследование, проводимое в парадигме семантической отнесенности языковых явлений к мифопоэтической модели мира, позволяет выявить архаический «след», влияющий на эти процессы. Речь идет о мифе как феномене сознания, а не специфическом повествовательном тексте. И здесь главный аспект – синкретизм, свойственный мифологическому мышлению и выявляемый в определенном классе концептов (например, связанным с категорией пространственных отношений) и определяющий не-дискретную семантику единиц, их вербализующих.

Если искать когнитивные основания процессам, определяющим семантические трансформации и обеспечивающим постоянное движение смыслов и значений в одном знаке, то мы не найдем объяснения лучше представленного в философском сло-

варе в статье, посвященной мифу и мифологическому мышлению: «Мифологическому мышлению свойственно неотчетливое разделение субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности, безразличие к противоречию и т. п. Объекты сближались по вторичным чувственным качествам, смежности в пространстве и времени, выступали в качестве знаков других предметов и т.п.» [Мифология 2001, 581].

Итак, речь идет о словах, функция которых – усиление интенсивности семантики синтаксически связанных с ними языковых единиц [Labov 1984]. В отмеченных выше случаях, как и во многих других — например, нем. *ganz, stark, voll* и т. п. — мы наблюдаем возникновение семантики хоть и не универсальной (структурно-семантически), но тем не менее стремящейся к универсальности. В случае с *elend* мы имеем дело с практически полностью поблекшей внутренней формой интенсификатора. На первый взгляд, совершенно непонятно, откуда возник мотив усиления любого признака (современные прямые значения *ganz, stark, voll*, да и *echt* подсказывают подобную связь). Иначе обстоит дело с *elend*. Например, в высказывании *Vierzehn Jahre können eine elend lange Zeit sein, fast eine Ewigkeit* (Die Zeit, 19.07.2007, Nr. 29 [DWDS])¹ мы поймем, что речь, по мнению автора, о чрезвычайно долгом промежутке времени, однако ничто, кроме синтаксиса не указывает однозначно на функцию *elend* в предложении (контекст, языковая ситуация и носителю языка помогут верно трактовать смысл).

Исторически *ELEND* (и существительное, и прилагательное, существующие и в современном языке как омонимы) является производным от *Land*, т.е. его современные семантические особенности коренятся в сугубо пространственной парадигме.

Оппозиция *e-lend – land* вербализует архетипическую бинарную оппозицию «свой – чужой». Известно, что для мифологического пространства, откуда происходит оппозиция, характерна способность моделировать *иные*, непространственные (семантические, ценностные и т. д.) отношения» [Лотман,

1 Здесь и далее источник примеров — словарь и корпус [DWDS].

Успенский 2010]. Т. е., в данном случае противопоставляется своя земля / территория – чужой (чужбине): свн. *eli-lend*, двн. *Elilent* (*eli* «другой») [Paul 2002: 267]. И сожаления достоин тот, кто на чужбине, он несчастный, участь его плачевна, ибо он покинут «своими», без поддержки и участия влачит дни свои. Мотив «внешний», переходит в «чужой», а затем становится «ничтожным, убогим». Относительный признак – принадлежность другому/иному пространству – становится качественным, характеризует убогое (во всех смыслах) состояние того, кто относится к этому пространству. Подобный перенос мы определяем как мифосемантическую (*термин наш - ЕЦ*) метонимию.

Осознанно или нет, но в современных текстах, касающихся мигрантской или любой социальной маргинальной среды *elend* появляется достаточно часто, имея, конечно, современное (словарное) значение, никак не связанное с пространственными параметрами. Например:

Exil und Migration sind nur andere Formen der Flucht, weniger gefährlich, aber oft vergleichbar elend. (Hoffnung. Süddeutsche Zeitung, 25.04.2015). И следующий этап семантического развития – переход в разряд интенсификаторов происходит также, как и у наиболее универсальных слов этого семантического класса (см. выше).

Ср.: es ist heute elend heiß, kalt; ein elend langer Weg; das schmeckt elend gut; er hat auch dafür elend bezahlen müssen; damit ist sie elend hereingefallen; er muss sich elend anstrengen [DWDS].

Интенсификатор сопровождает не только признаки, но и действия, характеризует как положительные, так и отрицательные факторы.

Дальнейшие наблюдения выявили следующее: наиболее частотна сочетаемость *elend* с прилагательным *lang* в атрибутивной позиции к существительным, манифестирующим темпоральные и локально-темпоральные отношения. Совмещение пространственно-временных отношений — норма в семантике, совмещение *elend* и *lang* – своего рода клише, где пространственный компонент усиливает темпоральный фактор:

Er zog ihn durch die *elend langen Flure der Hierarchien* (Die Zeit, 25.01.2006, Nr. 04).

Wir haben *die elend lange Sommerpause* nämlich satt (Die Welt, 01.08.2003).

Vor allem Chirurgen haben hohe Verantwortung bei oft *elend langen Dienstzeiten* (Munter ohne Doping. Frankfurter Rundschau, 02.01.2015).

Но может усиливать и условно пространственные категории, касающиеся вербально-ментальных сфер, а также их качественных параметров, например:

Wie schafft er es, sich all diese, oft *elend langen Texte* zu merken? (Wer sich erinnern will, spricht laut. Süddeutsche Zeitung, 22.06.2013).

Sina de Malafosse hat es geschafft, diesen herrlich schwingenden Rhythmus in das ja sonst oft so *elend rechteckige Deutsch* umzuschmelzen (Kraftprobe mit der Welt. Süddeutsche Zeitung, 07.07.2021).

Muss man dazusagen, dass *die Verse* des Rappers oft *elend* sind... (Eine Geschichtslast von hundert Jahren. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20.02.2021).

Gedanke, wie *elend* doch alle *Ideologien* gewesen wären, wenn es nicht ebendiese Salon-Löwen gegeben hätte... (Gefahrgutaufkleber für Menschen. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23.07.2022).

Обращает на себя внимание и специфика сочетаемости слова в более поздних примерах употребления, а также более широкая контекстуальная и дистрибутивная специфика. В частности, в последние годы можем наблюдать исключительную частотность сочетаний *elend* в сопровождении синсемантических единиц усилительного свойства – *so* и *wie*, что, на наш взгляд, свидетельствует о следующем этапе закрепления рассматриваемой единицы в классе интенсификаторов, однако при этом сохраняется предпочтение характеристики временных параметров (сочетание с *lange*). Например:

Außerdem dauert die Pubertät auch nicht *so elend lange*, im Nachhinein betrachtet (Constanze Nauhaus: Die Wohnung wird jedes Jahr kleiner. Der Tagesspiegel, 17.09.2023).

Hier lernt man, wie Musikermynthen in die Welt kommen, und *wie elend lange* sie überleben (Kritik der reinen Musik. Süddeutsche Zeitung, 17.12.2020).

Und wenn man heute mit Empörung von der Diskriminierung von Ungeimpften im Winter 2021/22 spricht, dann vergisst man, *wie elend*

die Folgen der Corona-Wellen damals, vor Omikron, waren... (Immer schon gesagt. Süddeutsche Zeitung, 11.02.2023).

В заключение еще раз подчеркнем, что следствием семантической диффузности рассмотренной лексемы (и подобных ей) являются как сугубо формальные явления – частеречная конверсия (изначально имена существительные становятся прилагательными, наречиями, фактически превращаются в междометия), так и семантические: лексемы, называющие какой-либо признак, со временем «уходят» от именованного качества и переходят в разряд интенсификатора практически любого признака.

Литература

- Апресян Ю. Д.* О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. - Т. XXX. Вып. 6. - М., 1971, 509–523
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура//Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство - СПб», 2010, 525–543.
- Мифология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. II.
- Пярина Е. В.* Лексические и словообразовательные усилительные средства в немецком языке в диахронии / Е. В. Пярина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 610, 190–202.
- DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, <<https://www.dwds.de/>>, abgerufen am 15.09.2024.*
- Labov, W.* Intensiti // D. Schiffrin (ed.) Meaning, form and use in context: linguistic applications. Washington D. C., 1984, 43–70.
- Os, C. H. van.* Intensivierung im Deutschen. – Enschede, 1988..
- Paul, H.* Deutsches Wörterbuch. 10. Auflage. Tübingen Max Niemeyer Verlag, 2002.

В.Н. Шапошников

Московский государственный лингвистический университет,
Москва
vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

Сдвиги значений слов в современном русском языке

В сфере языкового функционирования происходят те или иные изменения слов. При употреблении слов в них происходят различные преобразования содержания. Известны образование новых значений и его основные способы, устаревание и устранение тех или иных значений. В преддверии данного семасиологического уровня на начальном этапе могут происходить сдвиги значения: переструктурирование семантических компонентов значения слова и изменение внутренней семантической структуры слова; акцентирование, актуализация и усиление одного семантического компонента; ослабление некоторых других семантических компонентов слова; добавление какого-либо семантического компонента в структуре содержания слова.

В совершающихся актах общения существует определенная вероятность выхода некоторого значения – отображения предмета за сформировавшиеся границы его смысловой области. В речи может происходить изменение круга коммуникативных типов употребления лексических единиц. При этом изменении производится ассоциативное воздействие на набор признаков каждого значения наиболее повторяющихся смысловых элементов из складывающихся контекстов употребления значения. В определенной ситуации возникает то или иное отклонение от семантического стандарта употребления слова.

Процесс функционирования и развития знака протекает на основе реализации ассоциативно-смыслового потенциала, кото-

рым он располагает. Ассоциативно-смысловой потенциал заложен в исходном значении слова. Перераспределение ассоциативно-смыслового потенциала осуществляется за счет структурирования, перемещения и отпочкования от каждого значения различных, в том числе и новых, семантических элементов. При этом перераспределении наблюдается занятие свободных ассоциативных связей исходного значения.

Изменения значения могут осуществляться по причине выпадения смысла, им выражавшегося, или из-за перенятия функции обозначения этого смысла значением другого слова. Последний случай возможен в силу постоянной конкуренции знаков как наиболее подходящих номинантов того или иного смысла.

Рассмотрим слова реляционной семантики, обозначающие общность и членскую принадлежность или участие, которые обладают соответственной структурой значения. Выделяется слово «сообщество». Структура его семантики (Толковый словарь русского языка): люди \odot цель \parallel \odot совместная жизнь. Эти фиксированные словарем значение и семантический оттенок слова различались семантическими множителями 'цель' и 'совместная жизнь'. При этом содержание слова воспринималось как одно значение. В XX в. слово толковалось как книжное, то есть сильно ограниченной сферы употребления; слово было малоупотребительным. Затем происходит большое и резкое увеличение употребительности слова в современной речи. Происходит также расширение сферы его употребления. Наблюдается сильное расширение сочетаемости слова в современном русском языке. Расширение сочетаемости имеет не только количественный, но и качественный характер. Весьма расширяется сочетаемость с согласованными определениями, в числе которых как многочисленные относительные прилагательные, так и появившиеся недавно качественные прилагательные, сообщающие качественный признак предмета. Развивается сочетаемость с несогласованными определениями, а также формируется аппозитивная сочетаемость слова «сообщество», придающие номинации предикативный характер.

Расширение круга сочетаемости дает увеличение валентностей слова. См. их состав: мировое \leftarrow Сообщество \rightarrow рецензен-

тов; главный профессиональный форум -> библиотечного <- Сообщества -> России; Сообщество -> на «Фейсбуке»; Победа фильма вызвала бурю -> в русскоязычном критическом <- Сообществе (Лит. газ. 2024.21). В целом у данного слова насчитывается пять валентностей. Они могут быть заполнены не все сразу и одновременно.

Изменяются парадигматические отношения данного слова, а именно развиваются его иерархические и, еще более, синонимические отношения. См.: Сообщество = автономия, группировка, диаспора, землячество, клан, корпорация, община, общность.... В меньшей степени изменяются у слова «сообщество» отношения целого и его элемента.

Изменяются морфологические признаки слова. Изменяется категория числа. Слово «сообщество», *singularia tantum*, получает множеств. число. Активизируется категория падежа, интенсифицируется склонение и изменение по падежам.

Изменяются синтаксические характеристики слова. Увеличивается количество синтаксических связей, которое начинает активно употребляться во всех синтаксических позициях.

В семасиологическом процессе выделяется несколько логических моделей имени: качественная (организованное, преступное, городское сообщество, при - раздраженные городские сообщества); относительная (научное, языковое... сообщество); притяжательная (хакерское, журналистское... сообщество, нашему сообществу); количественная (музейное, библиотечное, судейское сообщество); пространственная (медийное, сетевое, городское сообщество); аппозитивная (автомобильное сообщество «Смотри.гу», сообщество «Автомобилисты Москвы»); присоединительная модель (сообщество соседей, сообщество покупателей). Наряду с этим выявляется прагматический аспект именования. Выделяются прагматические ракурсы содержания слова «сообщество»: позиция наблюдателя – установление (детское сообщество); позиция субъекта – несознаваемость объединения (хакерское сообщество); позиция деятеля – направленная деятельность (сообщество худеющих); позиция предмета – орудийность (биткоин-сообщество, интернет-сообщество).

С этим развитием синтагматики и парадигматики происходит структурирование, детализация и конкретизация семантики слова. Происходит сдвиг его значения (1). В значение «сообщество» встраиваются и с тем конкретизируются компоненты 'ценности', 'интересы', 'род занятий', 'основа объединения'. При этом отметим нередкое отсутствие или неочевидное место в его содержании семы 'организованность'.

Аналогичный сдвиг значения происходит у слова «смысл». Сдвиг сопровождается грамматическим, синтагматическим и прагматическим изменениями слова. Ср. существовавшие значения слова «смысл»: 1. Устар. Разум, рассудок, 2. Внутреннее логическое содержание, значение чего-л., постигаемое разумом, 3. Разумное основание, назначение, цель [Словарь русского языка]. См. его новое употребление: Духовными *смыслами* пронизано философское исследование А. Казина; При нынешних электронных информационных средствах с их тотальным контролем, управлением *смыслами*, нарушением иерархии ценностей (Лит. газ. 2024.15); Словесная игра тонко встраивается в систему скрытых *смыслов*, которая для автора важна (Лит. газ. 2024.19). В новом употреблении происходит сдвиг значения (2).

В новой социально-политической ситуации ряд слов претерпел сдвиг значения. Обращает на себя внимание слово «прилёт». Ранее зафиксированное его содержание представляет собой следующую структуру: появление где-н. кого-н. || прибытие чего-н. [Толковый словарь русского языка]. Позднее отмечается изменившаяся семантическая структура: 1. Действие по глаг. Прилетать, 2. Появление чего-н. где-н. [Новый словарь русского языка]. Общая структура содержания слова изменилась, поскольку тот смысл, который трактовался как семантический оттенок, - 'прибытие' – стал отдельным значением, и притом первым, главным в содержании слова.

С этими значениями данное слово было малоупотребительным, см. [Частотный словарь русского языка], [Ляшевская, Шаров]. Его сочетаемость была весьма ограниченной (Прилёт птиц, прилёт дирижабля).

На фоне известных событий два года назад происходит увеличение употребительности отдельных лексем в разговорной

речи и расширяется их сочетаемость в современном языке. Появляется и расширяется сочетаемость с согласованными и несогласованными определениями. Формируется сочетаемость с глаголами, прилагательными, существительными, наречиями.

Расширение круга сочетаемости дает увеличение количества валентностей слова. См.: точечные <- *прилеты*, сообщили -> *о прилете* -> управляемой бомбы, вчера был -> *прилет*, они не могут укрыться -> от наших <- *прилётов*, по военмедам <- тоже *прилёт* был -> на эвакуации (Лит. газ. 2023.49).

Изменяются парадигматические отношения. Слово «прилёт» получает множеств. число, формы которого становятся очень употребительными. Активизируется категория падежа и интенсифицируется склонение и изменение слова по падежам. Изменяются синтаксические характеристики слова, которое начинает употребляться во всех синтаксических позициях.

С этим развитием синтагматики и парадигматики, грамматики и прагматики происходит структурирование, детализация и конкретизация семантики слова. Наблюдается сдвиг значения. Происходящий сдвиг значения создает меньшую акциональность выражаемого понятия, то есть ослабление компонента 'действие' в его структуре, ср. [Большой академический словарь русского языка]; в структуре сдвинутого значения появляется компонент 'событие'.

Сдвиги значения происходят у слов «атака» и «стрелок». Они представляют другой динамический тип семантики. См. современное употребление: жертвами *стрелка* в Казани стали... (Интернет 10.2.2023); *атака* на синагогу, *атака* беспилотников была отбита; после *атаки* дронов (Интернет 25.4.2024). Главные семы в этих словах остались прежними, однако произошло изменение внутренней семантической структуры слов.

В подобных случаях возможно иноязычное влияние на сдвиг значения. Ср. с содержанием слова «стрелок» (1. Тот, кто умеет стрелять, 2. Солдат пехотных войск [Словарь русского языка]) и его современным функционированием в английском словоупотреблении: ...*gunman* shooting the Slovakian PM (The Times 16.5.2024). Иноязычные параллели отыскиваются в некоторых других сдвигах значений слов.

Наблюдается сдвиг значения у слов «домогаться» - ‘усиленно добиваться, назойливо и упорно просить’ и «домогательство» - ‘настойчивое стремление к получению чего-н., назойливое ходатайство, происки’ [Толковый словарь русского языка] в их современном употреблении.

В сфере языкового функционирования происходит много случаев сдвигов значений. При семантическом сдвиге слова значение остается, в общем, прежним. Новое же самостоятельное значение слова представляет собой отдельную содержательную совокупность компонентов. Образуется ли на данном месте новое отдельное значение – это вопрос дальнейшего языкового развития, возможность которого эвристична, и принадлежность другого этапа семасиологии и уровня языковой структуры.

Встает вопрос лексикографической фиксации семантических изменений подобного типа. При возможной фиксации в толковом словаре сдвиг значения должен отмечаться как семантический оттенок. Так отражается место данного содержательного явления в системе языка.

Литература

- Большой академический словарь русского языка. Т. 20. СПб.: Наука, 2012.
- Зализняк А.А.* Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Ляшевская О.Н., Шаров А.А.* Частотный словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2009.
- Новый словарь русского языка. I-III. М.: Русский язык, 2000.
- Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Высшая школа, 1959.
- Словарь русского языка. Изд. третье. I-IV. М.: Русский язык, 1987.
- Толковый слова русского языка. I-IV. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940.
- Частотный словарь русского языка. Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1978.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Высшая школа, 1973.

А.А. Шахаева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва
sashash@yandex.ru, shakhaevaal@gmail.com

Структура логограммы как мотивационная модель многозначности китайского языка

На сегодняшний день проблемы полисемии занимают одно из центральных мест в изучении свойств значимых единиц языка, что подтверждается определенными результатами в разработке подходов и методов описания многозначности единиц как русского языка, так и большого круга индоевропейских языков. В данной статье представлены некоторые наблюдения над материалом китайского языка, письменное устройство которого тесным образом взаимосвязано с семантикой языкового знака, в силу того, что иероглифические знаки в первую очередь отражают не фонетическую (как в буквенно-звуковом письме), а семантическую сторону.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой ПОЛИСЕМИЯ (полисемантизм) определяется как «наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [Ахманова 1966: 323]. А.Д. Кошелев отмечает, что «лексическая многозначность, будучи языковой универсалией, является продуктом когнитивного развития человека, а именно, его дискретного и системного представления мира» [Кошелев 2011: 695]. Профессор Г. И. Кустова высказывает схожую мысль «сам факт существования полисемии является главным доказательством когнитивной природы этого явления. Полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов,

явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек НЕ изобретает НОВЫХ знаков, а использует уже существующие, приспособлявая (модифицируя) их для выполнения новых функций [Кустова 2004: 22]. То есть в процессе освоения мира человеком, дискретные представления о мире находят свое выражение в производных значениях на базе уже существующего значения. Таким образом, в основе полисемантических связей слова находится какое-то первичное значение, послужившее базой для формирования производных смыслов.

Г.И. Кустова считает, что «основное, базовое, исходное значение слова, связанное с прототипической ситуацией, заключает в себе определенный способ концептуализации этой ситуации и предоставляет говорящим своего рода ментальную схему (семантическую модель) для осмысления других типов ситуаций. И эта схема лежит в основе как метафорических, так и неметафорических значений» [Кустова 2004: 122], и А.А. Зализняк при моделировании многозначности непредметных слов предлагает использовать концептуальную схему для представления «той сущности, которая обеспечивает единство слова» [Зализняк 2013: 36], при этом отмечая, что устройство концептуальной схемы зависит от типа слова и характера многозначности.

Можно констатировать, что важным шагом при изучении многозначности той или иной языковой единицы является описание компонентов той концептуальной схемы, которая реализуется в производных значениях и объясняет некое семантическое единство многозначного слова.

Как отмечает А.А. Смирнитская, в рамках теории семантических переходов, которая разрабатывается школой А.А. Зализняк, слово рассматривается в двух временных планах: как синхронное единство слова с его полисемией и как единство слова, взятого в историческом развитии. «Именно явление полисемии становится той «связующей точкой», в которой встречаются диахроническое и синхронное измерение лексического значения. Семантический переход от одного значения к другому всегда имеет промежуточную стадию, когда два значения сосуществуют в одной и той же полисемичной лексеме» [Смирнитская 2022: 21]. Таким образом, синхронная полисемия теснейшим

образом переплетается с диахронической семантической эволюцией. Для китайского языка, где, по замечанию А.М. Карапетьянца, китайское иероглифическое письмо предполагает совпадение по границам основной единицы письма – иероглифического знака и единицы языка – слова, что практически означает одноуровневую организацию языка и иное представление о слове как таковом [Карапетьянц 2010: 79]. Данный тезис является основным при моделировании семантики многозначного слова.

Другими словами, анализ многозначности любого китайского слова должен включать и грамматологический анализ китайского иероглифического знака. О чем также говорит И.В. Шаравьева «Семантический анализ лексем индоевропейских языков позволяет исследовать значение слов с точки зрения их формы и содержания, в то время как идеографичность китайского языка дает нам возможность рассматривать знаки с точки зрения грамматологического подхода и принимать во внимание этимологию того или иного знака» [Шаравьева 2009: 42]. Соответственно, конструируя модель многозначного слова, которое выражено определенной логограммой можно определить особенности формирования системы значений в языке с идеографическим типом письма.

В системе иероглифического письма традиционно выделяют шесть типов знаков, которые восходят к теории шести категорий знаков: пиктографическая категория знаков (象形), указательная категория знаков (指事), идеографическая категория знаков (会意), фоноидеографическая категория (形声), видоизмененная категория (转注) и заимствованная категория (假借). На наш взгляд, различные типы знаков формируют разные траектории мотивационных отношений внутри многозначного слова, выраженного тем или иным типом. В рамках данной статьи мы бы хотели представить некоторые результаты исследования семантики китайских глаголов, выраженных знаками идеографической категории.

Китайский глагол 穿, русским эквивалентом которого выступают паронимы *одеть* и *надеть*, по данным Словаря совре-

менного китайского языка «*现代汉语词典*»¹ является многозначным глаголом и имеет пять значений:

1) *破; 透*разбивать; проникать.

2) *用在某些动词后, 表示破、透或彻底显露* в позиции после глагола *вносит* добавочное значение «*проникновения насквозь*» или «*стать полностью понятным*».

3) *通过 (孔洞、缝隙、空地等) проходить сквозь отверстие, щель, какое-то пространство и т.п.*

4) *用绳线等通过物体把物品连贯起来* *анизать* какие-то предметы на что-либо с помощью веревки/нитки;

5) *把衣服鞋袜等物套在身体上* *надевать на тело одежду, обувь, носки и другие предметы одежды.*

Анализ значений глагола в словаре позволяет говорить о том, что в семантике глагола *穿* содержится две ситуации:

1) Устранить/ пройти сквозь препятствие;

2) надеть что-либо на какой-либо предмет с целью объединить воедино части на фоне целого.

Как было указано выше, при описании модели китайского многозначного слова необходимо рассматривать не только синхронное единство слова с его полисемией, но и учитывать единство слова, взятого в историческом развитии. В связи с чем, важно обратиться к этимологическим данным. В первом китайском иероглифическом словаре Шовэнь цзецзы (ок.100 г. н.э.) знак относится к идиографической категории знаков, которая характеризуется тем, что значение знака отражено в составляющих его графемах: *牙* *зуб* и *穴* *пещера*. Значение знака в словаре трактуется *прогрызть отверстие острыми зубами*. На наш взгляд, этимологическое значение знака отражает концептуальную схему, которая лежит в общности всех значений современного многозначного глагола *穿*. Так, первая ситуация «устранить/ пройти сквозь препятствие» полностью передает все составные компоненты концептуальной схемы – некто X достига-

¹ *现代汉语词典*. 第版 北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2008. Словарь современного китайского языка. 5-е издание. Пекин: лексикографическая редакция Института лингвистики Академии общественных наук КНР, издательство Шанью Иньшугуань, 2008.

ет цели с помощью инструмента V путем нарушения целостной структуры препятствия Y.

Вторая ситуация представляет собой переосмысление первой на основе внешнего подобия:

Таким образом, совокупность синхронных и этимологических данных позволяет говорить о том, что концептуальную схему глагола 穿 составляют следующие компоненты: субъект X «нарушает» целостность структуры объекта/объектов Y с помощью «инструмента» V с целью пройти его насквозь и объединить на своей поверхности. При этом, в определенном конкретном употреблении могут профилироваться те или иные компоненты:

好多车穿公交站台… очень много машин пересекло [проехало] сквозь остановку общественного транспорта....好将这一根长针穿入… скоро эта длинная игла проникнет [в мое тело] 家里都穿上了孝衣… все в семье облачились в траурную одежду.... 还是不能把众多的珍珠穿成一串项链的话… если всё-таки не можешь сделать [нанизать] ожерелье из такого множества жемчужин....

Концептуальная внутренняя форма может накладывать ограничения на существительные-объекты, на которые направлено действие глагола. Рассматривая употребление глагола 穿 в конкретном значении *надевать что-либо на тело*, было установлено, что обязательным требованием для объекта является «отверстие», сквозь которое можно «пройти». Другими словами, в данном конкретном употреблении глагола профилируется идея «нанизать на тело предметы одежды». Таким образом, глагол 穿 может сочетаться с дополнениями, которые выражают только предметы одежды, в отличие от русского языка, где глагол *надевать* не имеет ограничений в использовании в сочетании с различными аксессуарами (очки, головные уборы, перчатки и т.п.), так как они имеют «отверстие», через которое могут пройти «инструменты» человека – ноги, руки, голова.

Таким образом, мы можем констатировать, что в структуре идеографических знаков китайского письма содержатся компоненты концептуальной внутренней формы многозначного китайского слова, которая является источником новых значений,

что свидетельствует о тесной связи семантики китайского слова и логограммы.

Схожие результаты показал и анализ глаголов направленного движения, а также некоторых классификаторов где концептуальная схема является тем потенциалом, который реализуется в производных значениях лексической единицы и непосредственно связана с прототипической ситуацией, что объясняет семантическое единство многозначного слова.

В заключении, необходимо отметить, что китайское иероглифическое письмо, коренным образом отличаясь от других типов письменности, позволяет нам выдвинуть предположение о наблюдаемых мотивационных отношениях, в основе которых лежат взаимоотношения между значимыми компонентами логограммы, в силу того, что письменные знаки передают не фонетическую, а семантическую сторону. Данный тезис дает основания говорить о зачастую прозрачной внутренней форме китайской лексики передающейся знаками идеографического и пиктографического характера, в символограммах (термин О.М. Готлиба) связь между означающим и означаемым не мотивирована, что открывает новые перспективы для изучения мотивационных моделей в китайском языке.

Литература

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М : Советская энциклопедия, 1966.
- Зализняк А.А.* Русская семантика в типологической перспективе. М. : Языки славянской культуры, 2013.
- Каранетьянц А.М.* У истоков китайской словесности. М. : Вост. Лит., 2010.
- Кошелев А.Д.* Почему полисемия является языковой универсалией? (когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // Слово и язык: сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011, 695 – 735.
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Смирницкая А.А. Дравидийские термины родства с точки зрения типологии семантических переходов. Дисс... канд. филол. наук. М., 2022.

Шаравьева И.В. Опыт этимологического анализа знака «人» и некоторых его производных // Вестник ИГЛУ, 2009, № 4 (8), 42-47.

А.Д. Шмелев

Институт русского языка РАН, Москва
shmelev.alexei@gmail.com

Семантические переходы и внешне сходные явления

Как известно, рассмотрение семантических переходов в типологическом ключе имеет первостепенное значение для этимологических реконструкций. В самом деле, для этимологии важна регулярность фонетических соответствий, а любые отклонения, предполагаемые этимологическим решением, должны тщательно обосновываться (напр., мы можем в каких-то случаях предполагать метатезу, если есть достоверные примеры метатезы в аналогичных контекстах). Но в отношении семантических сдвигов не вполне понятно, какая степень регулярности требуется, чтобы постулировать неочевидное семантическое изменение в каждом конкретном случае. Естественно исходить из того, что минимально необходимая степень регулярности требует наличия хотя бы одной семантической параллели, т. е. того, чтобы такой же переход был засвидетельствован еще в каком-то языке.

При этом необходимо отличать семантические параллели в указанном узком смысле слова от внешне сходных явлений. Так, не относятся к семантическим параллелям случаи, когда сходная структура полисемии в близкородственных языках легко объясняется семантическим переходом в языке-предке (часто такой переход бывает надежно установлен). Не могут считаться релевантными семантическими параллелями случаи заимствования семантического перехода (семантические кальки, вторичные заимствования). То, что в русском языке у слова *проблема* во второй половине XX в. произошел переход от смысла 'задача, требующая разрешения' к смыслу 'жизненная трудность, препятствие', легко объясняется тем, что такой же переход чуть раньше произошел в некоторых западноевропейских языках и упо-

требление слова *проблема* в этом новом значении вошло и в русский язык.

Иногда новое значение языковой единицы возникает в результате лексической контаминации или просто случайного языкового сходства. Примером лексической контаминации может служить церковнославянское слово *смирение*. Для передачи смысла греческих слов *ταπεινός* ‘humilis’, *ταπεινότης* ‘humilitas’ в ранних церковнославянских текстах использовались слова с корнем *мър* (‘мера’); вследствие контаминации с корнем *мир* слова, соответствующие греческим *ταπεινός* ‘humilis’ и *ταπεινότης* ‘humilitas’, стали передаваться как *смирень* и *смирение*, и в результате в современном церковнославянском языке слово, передающее греческое *ταπεινότης*, совпало со словом *смирение*, которое иногда использовалось для перевода греческого *εἰρήνη* ‘рах’. Возникновение семантической связи между значениями ‘humilitas’ и ‘рах’, возможно, обусловлено оттенком ‘примирения с действительностью’, характерным для восточно-христианского и особенно русского понимания ‘смирения’. Тем самым слово *смирение* в современном церковнославянском языке следует считать многозначным, но его полисемия должна рассматриваться скорее как результат контаминации, чем как свидетельство перехода от значения ‘humilitas’ к значению ‘рах’ (или обратного перехода).

Отдельно можно упомянуть случаи, когда литературное слово или словосочетание в жаргоне заменяется на другое слово (жаргонный субститут), которое в литературном языке имеет совсем иное значение, но созвучно некоторой части исходного слова. Так, *фанера* заменяет слово *фонограмма* (напр., в сочетании *петь под фанеру*), слово *дрова* в жаргоне компьютерщиков заменяет *драйвер*. При этом носители языка и даже профессиональные лингвисты пытаются и в таких случаях обнаружить семантическую мотивацию. Так, о коннотациях слова *фанера* в значении ‘фонограмма’ в словаре [Слова, с которыми... 1999] говорится: «Отрицательная оценка, поддельность, “деревянный”, неживой звук <фанера — имитирующий дерево, недоброкачественный, негибкий материал>». Относительно слова *шпора* ‘шпаргалка’ в этом же словаре высказывается такое предпо-

ложение: «Возможно, что у слова первоначально были ассоциации с приспособлением, к-рое помогает как лит. *шпора* при езде на лошади...». Однако в любом случае едва ли эти примеры можно считать базой для установления семантических переходов ‘фанера’ – ‘фонограмма’ и ‘шпора’ – ‘шпаргалка’.

Существенно, что выявление семантических параллелей не предполагает детального семантического анализа. Когда в статье [Зализняк 2009] обсуждаются смыслы ‘свобода’ и ‘воля’ (в связи с проблемой разграничения полисемии и синкретизма), естественно понимать это как значения русских слов *свобода* и *воля*. Однако значения этих русских слов представляют собою довольно сложные лингвоспецифичные семантические конфигурации, и едва ли есть шанс обнаружить язык, в котором был бы представлен семантический переход от одного из этих значений к другому. В то же время можно сказать, что русское слово *воля* демонстрирует переход от смысла ‘желание’ к смыслу ‘свобода’, используя слова ‘желание’ и ‘свобода’ как приближенные ярлыки, и в этом случае мы можем попытаться найти к такому переходу семантическую параллель. Вполне допустимо, игнорируя различия между смыслами ‘грабить’ и ‘красть’, видеть в русских словах *налет* и *налетчик* параллель к семантическому переходу ‘лететь’ – ‘красть’, демонстрируемому французским *voler* (об этимологии французского *voler* см., напр., [Dauzat 1938: 756; Бенвенист 1974: 332–333]).

В качестве инструмента, позволяющего игнорировать нерелевантные семантические нюансы при установлении семантических параллелей, можно упомянуть обобщенные характеристики сравниваемых смыслов (в статье [Грунтов 2007] такие обобщенные характеристики названы «переменными»). Так, мы можем обозначить переход от названия слона к названию верблюда (это принятая этимология многих славянских обозначений верблюда, в частности русского *верблюд*) как переход от обозначения одного биологического вида к обозначению другого биологического вида (часто это касается названий животных, недостаточно известных носителям соответствующего языка). Тогда в качестве семантической параллели мы можем указать переход от названия быка (ср. *taurus*) к названию горного козла

(если принять именно такую этимологию русского *тур*). И наличие этой параллели может служить аргументом в пользу одной из конкурирующих этимологий русского слова *слон*. По этому поводу В. Р. Кипарский пишет: «Из приведенных Фасмером объяснений слова *слон* следует, безусловно, отдать предпочтение теории заимствования из татарского *aslan* “лев”. Изменение значения здесь так же мало удивительно, как и смешение слона с верблюдом, бегемота с носорогом, тура с зубром и т. п.» [Кипарский 1956: 137].

Переход от значения ‘трапеза, связанная с некоторым временем суток’ к значению ‘некоторый вид трапезы’ иллюстрируется русскими словами *полдник* и *ужин*, хотя ни полдник, ни ужин (для слова *ужин* существенна еще связь значений ‘полдень’ и ‘юг’, о которой речь пойдет ниже) в современной понимании не связываются с полуднем; оба слова могут служить параллелями к слову *вечеря*, а также к немецким *Mittagessen* и *Abendessen*.

При подходе, последовательно ориентированном на диахронию, отчасти снимается проблема разграничения синкретизма и полисемии. Не так важно, считать ли отнесенность русского слова *рука* к значениям ‘кисть руки’ и ‘часть руки от плеча до кисти’ манифестацией синкретизма или полисемии. Гораздо важнее, обнаруживаются ли языки, в которых в процессе исторического развития был зафиксирован переход от значения ‘hand’ к значению ‘arm’ (или наоборот), и если это обнаружится, то в качестве семантической параллели можно указать переход от значения ‘горло’ к значению ‘женская грудь’ у французского слова *gorge*. Обобщенная характеристика сравниваемых смыслов в этом случае вполне укладывается в общую схему перехода от названия некоторой части тела к названию смежной части тела. И тогда вполне естественно включить туда же «полисемию» слов *angine* ‘тонзиллит, ангина’ во французском языке и *angina* ‘грудная жаба, стенокардия’ в английском языке в качестве семантической параллели.

Вполне понятно, что обращаясь к обобщенным характеристикам сравниваемых смыслов мы приходим к давно известной классификации семантических переходов (метафора, метони-

мия, от родового обозначения к видовому обозначению и наоборот и т. п.). Установление того, в каких случаях такой переход особенно вероятен, составляет отдельную задачу диахронической семантики. В любом случае внимание к конкретным случаям переходов может помочь оценить степень правдоподобности этимологических гипотез.

Так, если мы обратимся к названиям кушаний и пищевых продуктов, мы легко увидим, что здесь не обойтись без обобщенных характеристик сравниваемых смыслов. Связь английского *marmalade* ‘апельсиновый джем’ и русского *мармелад* не нуждается в отдельном обосновании. Русское слово *овощи* имеет в качестве соответствия во многих славянских языках слово со значением ‘фрукты, плоды’ (хорватское *voće*, чешское *ovoce*, польское *owoc*).

В связи с этим проблема французского *fromage*, соединяющего значения ‘сыр’ и ‘творог’ [Зализняк 2009: 109] теряет остроту. Вполне обычен переход от обозначения одного молочного продукта к другому (часто это связано с брожением), так что семантическая параллель здесь может быть установлена независимо от решения вопроса о синкретизме или полисемии. Переход смыслов ‘сливки’ и ‘сметана’ вполне надежно установлен в славянских языках.

Но в некоторых случаях все сказанное не дает достаточной базы для оценок конкурирующих этимологических решений. Для русского слова *сыворотка* конкурируют две этимологии. Одна из них связывает слово *сыворотка* со словом *сыр* с постулированием метатезы. Такая этимология хорошо соответствует аналогам слова *сыворотка* в других славянских языках: укр. *сироватка*, белорусск. *сыроватка*, болг. *суроватка*, с.-хорв. *сурпутка*, словенск. *sirotka*, чешек, *syrovátka*, словацк. *srvátka*, польск. *serwatka*. Однако для всех этих слов трудно установить общую праформу и объяснить особенности ударения. Альтернативная этимология было предложена И. Г. Добродомовым [Добродомов 1979: 13–14]: слово восходит к одному из тюрских названий кислого молока, которое в другой огласовке дало в русском языке слова *ягурт*, *югурт*, *йогурт* (с вставным *г*: могло быть и вставное *в*) Действительно, в неко-

торых тюрских языках исходный начальный звук *j* отражался как *s*, а в первом слоге гласный звук мог переходить в *i*. При таком объяснении формы всех языков, кроме русского, объясняются народной этимологией, связавшей интересующее нас слово со словом *сыр*. Но семантически обе этимологии равно правдоподобны. И переход, связывающий сыр с сывороткой, и переход, связывающий кислое молоко с сывороткой, поддерживаются семантическими параллелями, предполагающими переход от обозначения одного молочного продукта к другому.

Важно, что при установлении семантических параллелей при помощи обобщенных характеристик сравниваемых смыслов необходимо избегать решений, основанных на безудержной фантазии. Может показаться соблазнительным сопоставление русской пары *кабак – кабачок* и французской *auberge – aubergine*). Понятно, что кабачок и баклажан – разные плоды, но ведь мы видели, что сдвиг от одного биологического вида к другому вовсе не редкость. Однако учет дополнительных данных показывает, что никакой параллели здесь нет. Для русского слова *кабак* одна из конкурирующих этимологий связывает это слово с названием тыквы, из которой изготавливались кружки, перешедшим на название питейного заведения (ср. в Москве название сети пивных «Большая кружка»). Но для французских слов *auberge – aubergine* этимология установлена довольно достоверно: слово *auberge* связано с глаголом *héberger*, тогда как слово *aubergine* восходит к арабскому слову, в свою очередь восходящему к персидскому [Dauzat 1938: 58].

Важно также, что установление семантических параллелей должно учитывать не только лексические единицы, но и различные морфемы, в том числе служебные, которые тоже участвуют в семантических переходах. Когда Анна Зализняк пишет о глаголе *переизбрать* <*X-a*> ‘избрать *X*-а еще раз’ и ‘избрать другого человека вместо *X*-а’, что «как бы ни трактовать источник его энантиосемии (восходят ли два его противоположных значения к одному и тому же значению приставки *пере-* или к двум разным), это единичный казус» [Зализняк 2013: 43], то безусловно можно согласиться с тем, что не играет существенной роли, «восходят ли два его противоположных значения к одному и

тому же значению приставки *пере-* или к двум разным»: в некотором смысле это одно и то же, поскольку речь идет о различной реализации концептуальной схемы префикса. Более естественным представляется описание, в соответствии с которым смысл ‘сделать повторно’ может предполагать получение того же самого результата или иного результата. И тогда нельзя согласиться с тем, что «это единичный казус». Глагол *переписать* (некоторый текст) может предполагать точное копирование (*дать рукопись прочесть и переписать*) или же создание качественно нового текста (*Перепиши сочинение, пока что оно нигде не годится*). Семантическая параллель к данным двум переходам иллюстрируется, напр., английским глаголом *rewrite*. В предложении *They had to rewrite hundreds of books manually* речь, очевидно, идет о точном копировании текста, тогда как в предложении *My teacher asked me to rewrite my essay* – о написании нового текста, предполагающем исправление каких-то недочетов. Кроме того, несколько удивительным представляется замечание, сделанное в той же статье в сноске: «...употребление глагола *переизбрать* в значении ‘сместить с должности, не избрав на следующий срок’ весьма ограничено (а некоторыми носителями русского языка оно вообще отвергается)». Но примеров именно с таким пониманием глагола *переизбрать* в реальных текстах едва ли существенно меньше, чем в значении ‘избрать еще раз’. Даже не надо обращаться к поисковым системам, чтобы вспомнить отрывок из «Жить не по лжи!» Солженицына:

Нам заклипили рты, нас не слушают, не спрашивают.

Как же заставить их послушать нас?

Переубедить их – невозможно. Естественно было бы их переизбрать! – но перевыборов не бывает в нашей стране.

Однако необходимо подчеркнуть, что сама по себе энантиосемия глаголов *переизбрать*, *переписать*, *rewrite* и т. п. представляет собою лишь курьезный побочный эффект семантических переходов ‘сделать повторно’ – ‘сделав повторно, получить тот же самый результат’ и ‘сделать повторно’ – ‘сделав повторно, получить иной результат’, и лишь для этих переходов мы можем устанавливать семантические параллели. Точно также единицы со смыслом ‘перемещение из более закрытого про-

странства в более открытое пространство' могут иметь фокус 'откуда' и фокус 'куда'. Это создает базу для семантических переходов 'перемещение из более закрытого пространства в более открытое пространство' – 'исчезновение/отсутствие' и 'перемещение из более закрытого пространства в более открытое пространство' – 'появление/наличие'. Для каждого из этих переходов можно обнаружить семантические параллели. При этом возможность таких переходов иногда приводит к энантиосемии, которая и в этом случае может рассматриваться как их курьезный побочный эффект. Так, можно говорить об энантиосемии английского *out*: предложение *the lights are out* означает, что свет выключен (не горит), т. е. отсутствует, а *the stars are out* – что звезды видны (т. е. присутствуют, «горят»). Сходный эффект имеет место в русских *вывести тараканов* и *вывести кроликов* (см. [Shmelev 2016: 87]).

При установлении семантических параллелей необходимо учитывать экстралингвистические факторы. Переход от значения 'полдень' к значению 'юг' (напр., у французского *midi*) естественно может происходить в языках северного полушария, а если на этих языках начинают говорить в южном полушарии, это может казаться парадоксальным. Но если в каком-то из языков южного полушария произошел переход от значения 'полдень' к значению 'север' (мне, правда, такие случаи неизвестны), то это было бы точной семантической параллелью к переходу от значения 'полдень' к значению 'юг'.

Переход от значения 'рах' к значению 'mundus' вполне обычен, но для славянского слова *mirъ* существенно было решение переводчиков использовать его в богослужении в качестве соответствия греческим словам *εἰρήνη* и *κόσμος* (с большой долей вероятности обусловленное поэтическими соображениями). Оно привело к тому, что этот «переход» осуществился в церковнославянском, а вслед за тем и в русском языке (но не в других славянских языках). Но мы не можем считать этот «переход» семантической параллелью к аналогичному переходу в языках, в которых он произошел независимо от переводческих решений.

Отдельного обсуждения заслуживают переходы, связанные с используемой системой письма: появление значения ‘звук’ у слов со значением ‘буква’ (*букву “эр” не произносит*), метафорические значения названий знаков препинания (*он сказал это в скобках*). К таким случаям примыкают такие употребления, как *Это для меня китайская грамота*, и разнообразные аналоги этого выражения в других языках.

Литература

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974
- Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» — база данных по типологии семантических изменений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2007. М.: 2007, 157–161.
- Добродомов И. Г. Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках // Советская тюркология. 1979. № 5, 8–19.
- Слова, с которыми все мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Ермакова [и др.]. Под общим рук. Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999.
- Зализняк Анна А. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2009. М.: 2009, 107–111.
- Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2, 32–51.
- Кипарский В. Р. [рец. на] Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I, II, III (2 Lief.). – Heidelberg, 1950–1955 // Вопросы языкознания. 1956, № 5, 130–138.
- Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris : Larousse, 1938.
- Shmelev A. Semantic shifts as sources of enantiosemy // The lexical typology of semantic shifts, ed. by Päivi Juvonen, Maria Koptievskaja-Tamm. [Cognitive linguistic research, vol. 58.] Berlin: Mouton de Gruyter, 2016, 67–93.

Д.И. Эдельман

Институт языкознания РАН, Москва
joy.edelman@gmail.com

**Ареальный и этнокультурный компоненты
в семантическом переходе**

Семантические переходы в разных языках имеют определенные исторические перспективы, как внутриязыковые, так и стимулированные заимствованиями. Особый интерес представляют собой изменения семантики слов, которые употребляются в качестве иносказаний. В этом отношении особенно показательны слова-табу и эвфемизмы, которые заведомо неродственны (или даже просто несхожи) с прямым обозначением объекта. Они могут представить интерес не только для традиционной лингвистики, но и для этнолингвистики, поскольку выявляют линии семантических ассоциаций между названиями разных объектов и их зашифрованными обозначениями.

Для лингвистики эти данные интересны тем, что предоставляют информацию о разных способах пополнения лексического и фразеологического фонда языка, о степени продуктивности моделей и материальных языковых средств (включая фонетические), участвующих в этом пополнении. Они же содержат сведения о разновременных языковых контактах, если слова (или модели) были заимствованы.

Рассмотрим примеры табуизмов, применявшихся в Памиро-Гиндукушском ареале для обозначения волка. Выбор этого разряда слов-табу продиктован тем, что здесь названия волка отличаются от названий других животных самим семантическим принципом табуирования. Обычно слова-табу для обозначения диких животных связаны с названиями цвета или с указанием на специфику строения тела. Слова, относящиеся к волку,

иные по существу. Они ориентированы на отражение отношений «человек – волк».

1. В языке пушту и близких к нему малых языках и диалектах зоонимы *lewə*, *lewa*, *lew*, *levue* ‘волк’ этимологически восходят к слову-табу **daiwiya-*, суффиксальному производному от древнеиранского **daiwa-*. То есть это производное слово буквально значит «относящееся к **daiwa-*». Проблема более или менее точного значения производного слова **daiwiya-* могла бы быть решена установлением семантики самого производящего имени **daiwa-* в момент словообразования. Однако это затруднительно.

Имя продолжает праиранское **daiya-* ‘Бог, божество’, но его продолжения в средние века, после распространения в регионе ислама, получили отрицательные значения ‘дьявол, демон, сказочное чудовище – Дэв, Див’. Более или менее реалистичное представление о семантике производного слова-табу **daiwiya-* зависело от установления времени его лексикализации относительно времени «поворота» семантики производящего имени **daiwa-*. Если лексикализация производного имени произошла в глубокой древности, то, очевидно, подразумевалось «божье (животное)». Историческая фонетика (переход **d-* в *l-*) свидетельствует о древней лексикализации слова-табу. Предполагавшееся раньше вторичное значение «дьявольское (животное)» могло быть результатом позднейшего переосмысления слова.

С точки зрения семантической типологии важным представляется распространенность в разных языках мира описательных названий животных и растений с определением «божий» в значении «природный, дикий», то есть не прирученный, не одомашненный в противовес домашнему. окультуренному. В частности, можно сравнить табуистические названия волка (и других животных) в других языках мира, включая славянские, балтийские и др. например, в русском колымском говоре *божий олень* – «дикий олень», в отличие от домашнего.

2. В барвозский диалект шугнанского языка и в сарыкольский язык. слово *xiḍr* ‘волк’ заимствовано – с фонетическими искажениями – из ваханского *ḡart* ‘волк’, которое в свою очередь усвоено из языка кховар. Современное звучание в языке

кховар *šapīr* ‘волк’ произошло из раннего состояния этого языка **šap(i)ta*, а далее по цепочке заимствований из дардских и индоарийских языков оно восходит к древнеиндийскому **śapta-* ‘проклятый’.

Заимствования слов-табу вообще нередки в данном ареале. Отмечено, например табуированное название *urk* ‘волк’ в языке бурушаски, заимствованное из индоиранского источника. Нередки и случаи нарочитого искажения слов-табу.

3. В некоторых языках Памиро-Гиндукушского ареала для табуирования названия именно волка используются различные термины, обычно тоже связанные с негативными эмоциями или с названиями враждебных потусторонних сил, типа *sabil*, *sabilak*, *bilisak* и т.д.

Рассмотренная зависимость семантического перехода в языках Памиро-Гиндукушского ареала стимулирована такими различными историческими аспектами ареальной этнокультуры, как традиционные способы хозяйствования, диктуемые природными условиями. К ним относится, в частности, отгонное животноводство в горных долинах с особой культурой летних пастбищ, где человек чувствует себя особенно одиноким и беззащитным перед силами природы. Особое внимание к табуизации названия волка вызвано тем, что в отличие от других крупных хищников волки могут заходить в деревни, а это требует постоянной настороженности человека. Все это стимулирует особый стиль ареальной этнокультуры и, в частности, особые устойчивые народные верования как элементы психологии данного этноса.

Примечание

Материалы см.: [Morgenstierne 1974: 104; 2003: 45; Стеблин-Каменский 1999: 344; Edelman 2003: 124-126; Эдельман 2009: 244-249].

Литература

Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.

- Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2009.
- Edelman D.I.* Some Taboo words in Iranian Languages of Central Asia // Language in Time and space. A Festschrift for W. Winter on the Occasion of his 80th birthday. Belrlinn-New York, 2003.
- Morgenstierne Georg.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden: Reichert, 1974.
- Morgenstierne Georg.* A New Etymological Vocabulary of Pashto (NEVP), compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Williams, Beitrage zur Iranistik, Bd. 23, Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden 2003, ISBN 3-89500-346-6.

И.В. Яковлева

Московский городской педагогический университет, Москва
irinadubrov@gmail.com

Глаголы звука в семантическом поле глаголов речи

1. Постановка проблемы

Глаголы звука представляют особый интерес, поскольку в семантическом плане они, на первый взгляд, оказываются значительно ближе к глаголам речи, чем предикаты других донорских зон, например, каузации перемещения и физического воздействия. Семантика и сочетаемостные свойства глаголов звука неоднократно подвергались самому тщательному анализу [Падучева 2004] и др.. Особое значение для нашего исследования имеют также работы [Рахилина 2010] и [Рахилина (сост.) 2015], где анализируются не только прямые, но и переносные значения глаголов, описывающих звуки животных. Данная группа глаголов весьма не однородна: здесь выделяются глаголы, описывающие звуки неодушевленных объектов (*скрипеть, грохотать, гремять*) и предикаты, описывающие звуки живых существ (*хрипеть, рычать*).

Мы предполагаем, что глаголы данных подгрупп будут в разной степени обладать способностью встраиваться в такие характерные для глаголов речи конструкции, в которых заполняется валентность содержания, в частности, в конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным.

2. Глаголы звуков неодушевленных объектов

В целом, глаголы, описывающие звуки неодушевленных объектов, обнаруживают не очень высокую способность встраиваться в указанные конструкции. В НКРЯ мы обнаруживаем не так много контекстов, где такие глаголы, как например, *проскрипеть* и *прогрохотать* метафорически подчеркивают сходство человеческого голоса с теми или иными звуками. Так в

НКРЯ найдено 50 контекстов, где глагол совершенного вида *проскрипеть* вводит прямую речь, при этом глагол несовершенного вида *скрипеть* встречается в данной конструкции 35 раз:

(1) *И, уловив в глазах комбата удивление, еще жестче проскрипел: - Да, именно к Герою.* (В. Курочкин. На войне как на войне. 1965)

(2) *Дед скрипел: = А коровка у нас есть, это верно.* (В. Я. Шишков. Пейпус-озеро. 1924)

Способности встраиваться в конструкцию с придаточным изъяснительным данные предикаты не развили. Однако один подобный контекст найден для другого глагола из рассматриваемой группы - *прогрохотать*:

(3) ... *а он вдруг, рубя ручищей, прогрохотал, что один бэ – из-менники родины, и им простить нельзя.* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. 1958-1973)

Прямую речь глагол *прогрохотать* вводит в 4 контекстах, в то время как количество употреблений глагола *грохотать* в данной конструкции насчитывает 20 контекстов.

Для глагола *програть* количество употреблений в конструкции с прямой речью составляет 2 вхождения, а для глагола *греть* - 11 вхождений.

Мы видим, что, несмотря на определенное семантическое сходство с глаголами речи, предикаты, описывающие звуки неодушевленных объектов, встраиваются в характерные для глаголов речи конструкции значительно хуже, чем глаголы каузации перемещения и физического воздействия на объект с изменением его состояния: способности встраиваться в конструкцию с придаточным изъяснительным рассматриваемые глаголы звука практически не обнаруживают, в то же время количество контекстов, в которых данные предикаты вводят прямую речь, также остается незначительным. Вероятно, подобные особенности поведения глаголов, описывающих звуки неодушевленных объектов, связаны с их семантикой в реципиентной зоне: они, в отличие от предикатов других донорских зон, передают не какой-либо специфический характер действия (резкость, быстроту), а сходство человеческого голоса с каким-либо звуком природы, что само по себе оказывается не очень информативным с коммуникативной точки зрения, следовательно, потребность в

данной метафоре возникает не столь часто. Подобная семантика глаголов звука неодушевленных объектов приводит к некоторому противоречию с семантикой рассматриваемых конструкций: дело в том, что данные предикаты как в донорской, так и в реципиентной зоне обнаруживают тенденцию к описанию действия как процесса, к концентрации на его длительности, а не на результате (например, глагол совершенного вида *проскрипеть* имеет значение ‘скрипеть некоторое время’, а отнюдь не ‘сделать X результатом процесса’), что на первый взгляд может способствовать более частому употреблению глаголов несовершенного вида в зоне глаголов речи. Однако конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным накладывают, как мы наблюдали, некоторые ограничения на вид глагола. В результате слабая соотнесенность семантики данных предикатов с семантикой рассматриваемых конструкций приводит к нечастому и нерегулярному употреблению этих глаголов в данных конструкциях. Как было показано, подобные контексты весьма немногочисленны и не однородны: если для передачи сходства человеческого голоса со скрипом чаще употребляется глагол совершенного вида, то при передаче сходства голоса с грохотом наблюдалась противоположная тенденция.

3. Глаголы звуков живых существ

При изучении глаголов, описывающих звуки живых существ, важным для нас оказывается их подразделение на две группы:

- 1) глаголы, описывающие физиологические звуки, присущие как человеку, так и животным (*стонать, хрипеть, пыхтеть*);
- 2) глаголы, описывающие непосредственно звуки животных (*мурлыкать, каркать, щebetать, пищать* и т. д.).

Употребление предикатов первого вида в характерных для глаголов речи конструкциях обусловлено, в первую очередь, метонимией: человек произносит что-либо, сопровождая речь хрипом, пыхтением или стоном. В то же время для глаголов второго вида подобные употребления оказываются метафорическими: данные глаголы передают сходство человеческого голоса и манеры речи со звуками, издаваемыми каким-либо животным:

(4) *Ему было жаль Клавдию, та плакала, но он ничего не мог припомнить, объяснить и только, напряжи силы, прохрипел: «Хозяин – барин...»* (Юрий Трифионов. Дом на набережной. 1976)

(5) *Товарищ Бокова всю дорогу щебетала о самых разнообразных вещах* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 2. 1934)

Кроме того, глаголы второго вида также способны передавать определенные эмоции: злость и угрозу (*рычать*), бессильную или сдерживаемую злость (*шипеть*), беззаботность (*щебетать*) и т. д.. В нашем исследовании мы не будем останавливаться на вопросе о том, какие типологические характеристики способствуют такому семантическому переходу (этот вопрос подробно рассматривался в работах [Рахилина 2010] и [Рахилина (сост.) 2015]), а обратимся непосредственно к сочетаемым особенностям рассматриваемых глаголов.

Способность глаголов, описывающих физиологические звуки, встраиваться в характерные для глаголов речи конструкции зависит от того, кто выступает прототипическим носителем такого звука: человек или животное. В частности, не вызывает сомнений, что такие предикаты, как *вздыхать* и *стонать*, обозначают, в первую очередь, физиологическую реакцию, присущую человеку (см. такие примеры, как *Корова стонала, как человек*). С другой стороны, такие глаголы, как *пыхтеть* и *хрипеть* описывают звуки, не специфические для человека и, напротив, характерные для животных: *конь хрипит, еж пыхтит*. Вполне ожидаемо, что глаголы, описывающие физиологические звуки, присущие, в первую очередь, человеку, встраиваются в конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным значительно лучше, чем предикаты, описывающие физиологическую реакцию животных. Так сочетаемостные свойства предикатов *вздыхать* и *вдохнуть* позволяют рассматривать их как периферию семантического поля глаголов речи и смежной с ним лексической зоны глаголов «горестного чувства». Использование данных глаголов в характерных для глаголов речи конструкциях вполне согласуется с аспектуальными ограничениями, выделенными для глаголов *говорить* и *сказать*: так в конструкции с прямой речью глагол совершенного вида *вдохнуть* встраивается чаще, чем глагол несовершенного вида

вздыхать (1006 и 578 вхождений соответственно). Примеры употребления данных предикатов в конструкции с придаточным изъяснительным (которая является специфической для глаголов речи и с большим трудом принимает новые глаголы, чем конструкция с прямой речью) не столь многочисленны и исчисляются двумя десятками контекстов. В то же время в конструкции с предлогом *о*, вводящим валентность темы, чаще употребляется глагол несовершенного вида *вздыхать* (94 вхождения против 45 вхождений для глагола *вздохнуть*). При этом данные предикаты совсем не употребляются в синонимичной конструкции с предлогом *про*, что обусловлено их семантической близостью к глаголам «горестного чувства», которые не допускают употребления в конструкции с предлогом *про* [Яковлева 2014а]. О таком семантическом сходстве с глаголами «горестного чувства» свидетельствует способность данных предикатов встраиваться в конструкцию с предлогом *по*, вводящим семантическую роль стимула: в НКРЯ содержится 117 примеров употребления в данной конструкции глагола *вздыхать*, а для глагола *вздохнуть* количество подобных употреблений сводится к 18 контекстам.

Глагол *стонать* встраивается в конструкции, требующие заполнения валентности темы / содержания, несколько хуже, чем глагол *вздыхать*. Тем не менее, в НКРЯ найдено 290 случаев употребления глагола *стонать* в конструкции с прямой речью (для глагола *простонать* количество таких употреблений составляет 609 вхождений), а придаточное изъяснительное данный глагол вводил в 18 контекстах (для глагола *простонать* подобные употребления составили 4 контекста). Для данного глагола найдено также 10 случаев употребления в конструкции с предлогом *о*, в то время как контекстов с предлогом *про* в НКРЯ обнаружено не было. При этом глагол совершенного вида *простонать* не обнаруживает способности встраиваться в предложные конструкции, требующие заполнения валентности темы.

Переходя к глаголам, описывающим неспецифические для человека звуки, отметим, что они несколько реже, чем предикаты из предыдущей подгруппы, употребляются в конструкциях, требующих заполнения темы / содержания. И хотя количество употреблений глагола *хрипеть* в конструкции с прямой речью

насчитывает в НКРЯ 280 контекстов, в то время как глагол совершенного вида *прохрипеть* встречается в данной конструкции целых 500 раз, для каждого из этих глаголов найдено всего по 2 употребления в конструкции с придаточным изъяснительным и по 1 употреблению в конструкции с предлогом *о*.

Глаголы *пыхтеть* и *пропыхтеть* в рассматриваемых конструкциях оказываются еще менее частотными. Так прямую речь глагол *пыхтеть* вводит в 22 случаях, а для глагола *пропыхтеть* подобные употребления составляют 39 контекстов. Примеров потребления данных предикатов в конструкции с придаточным изъяснительным обнаружено не было.

Обращаясь к глаголам, описывающим сугубо звуки животных, напомним, что в данной работе нас интересуют не просто случаи, когда человек выступает в качестве источника звука при таких глаголах, а именно те контексты, в которых глаголы звуков животных используются для передачи семантически значимой речи и употребляются в конструкциях, требующих заполнения валентности содержания / темы сообщения. Поэтому контексты, в которых глаголы звуков животных метафорически обозначают нечленораздельную речь, выбывают из нашего поля зрения. В пределах данной группы глаголов мы рассматривали такие предикаты, как *мурлыкать*, *каркать*, *щелбеть*, *пищать*, *шипеть*, *рычать*, *ворковать* и т. д.. В целом, в характерных для глаголов речи конструкциях они употребляются реже, чем предикаты, описывающие физиологические реакции. В этом плане они оказываются ближе к глаголам, описывающим звуки неодушевленных объектов: в ходе метафорического переноса также происходит некоторое противоречие между семантикой самих предикатов и семантикой принимающих конструкций. Дело в том, что предикаты, передающие сходство человеческого голоса с каким-либо звуком, обнаруживают тенденцию к описанию действия как процесса, в то время как в конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным легче встраиваются новые глаголы совершенного вида, обозначающие события. В результате, количество случаев употребления данных глаголов в конструкции с прямой речью остается незначительным по сравнению с предикатами из других донорских зон (при этом для

отдельных глаголов наблюдается некоторое нарушение общей тенденции к превалированию форм совершенного вида в данной конструкции), а примеры употребления рассматриваемых предикатов в более чувствительной к глагольной семантике конструкции с придаточным изъяснительным можно назвать единичными, что отражено в таблице.

Употребление глаголов звуков животных в семантической зоне глаголов речи по данным НКРЯ.

глаголы звуков животных	количество употреблений в конструкции с прямой речью	количество употреблений в конструкции с придаточным изъяснительным	количество употреблений в конструкции с предлогом <i>о</i>	количество употреблений в конструкции с предлогом <i>про</i>
шипеть	306	7	3	2
прошипеть	561	3	0	0
пищать	93	6	5	2
пропищать	130	8	0	0
рычать	190	13	2	2
прорычать	126	3	0	1
каркать	29	3	4	3
прокаркать	24	2	0	0
щебетать	61	1	22	7
прощебетать	11	0	0	0
мурлыкать	47	2	1	1
промурлыкать	35	1	0	0
ворковать	45	2	16	5
проворковать	44	1	0	0

Как видно из приведенной таблицы, в предложных конструкциях доминируют предикаты несовершенного вида. При этом глаголы звуков животных чаще употребляются в конструкции с предлогом *о*, чем конструкции с предлогом *про*. Особенно показательны в этом отношении предикаты *щебе-*

тать и *ворковать*, которые оказываются в предложных конструкциях самыми частотными среди глаголов звуков животных. Все это говорит о том, что конструкция с предлогом *о* является в некотором роде «дефолтной», доминирующей конструкцией, способной принимать новые глаголы. Это хорошо согласуется с достаточно широкой семантикой самой конструкции, способной также реализовывать семантическую валентность стимула при глаголах «горестного чувства». Как показано в работе [Яковлева 2019] базовые глаголы данного семантического поля *говорить* и *сказать* также до определенной степени тяготеют к конструкции с предлогом *о*.

4. Заключение

Предикаты донорских зон легче всего проникают в конструкцию с прямой речью, поскольку она наиболее нейтральна по отношению к содержанию речевого акта: валентность темы передается здесь несколько опосредованно – с помощью дополнительного предложения. Глаголы из донорских зон передают в данной конструкции специфический характер действия: резкость, быстроту и т. д.. В то же время конструкция с придаточным изъяснительным имеет более тесную связь с содержанием речевого акта, и это делает употребление в ней глаголов из донорских зон более ограниченным по сравнению с предыдущей конструкцией. Конструкция с прямым дополнением при базовых глаголах *говорить* и *сказать* также обнаруживает тесную связь с передаваемой в ходе речевого акта информацией: валентность содержания при этих глаголах зачастую заполняется не нейтральной в отношении передачи информации лексемой (*говорить слова*), а лексемой, в той или иной мере отражающей содержание передаваемой информации (*говорить / сказать правду*). Большинство новых глаголов неспособно осваивать эту конструкцию. Еще одна характерная для глаголов речи конструкция, в которую неспособно встраиваться абсолютное большинство глаголов из донорских зон, – это предложная конструкция *о*+Предл. / *про*+Вин.. Исключение составляют несколько глаголов, обозначающих звуки животных, а в реципиентной зоне передающих особенный характер речи: это такие глаголы, как *щебетать*, *ворковать*, *мурлыкать*, *каркать* и т. д..

Определенное предпочтение при этом отдается конструкции с предлогом *о*, поскольку именно она оказывается дефолтной при заполнении валентности темы в семантической зоне глаголов речи, а отчасти и за ее пределами. И если в конструкции с прямой речью и придаточным изъяснительным легче встраиваются глаголы совершенного вида, то для конструкции с предлогом *о / про* действует противоположная тенденция.

Литература

- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Рахилина Е. В.* Звуки Му // В. Ф. Выдрин и др. (ред.) Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Недялкова (1928-2009). М.: Знак, 2010, 283-302.
- Рахилина Е. В.* (сост.) Глаголы звуков животных: типология метафор. М.: ЯСК, 2015.
- Яковлева И. В.* Синонимичные предложные конструкции с точки зрения грамматики конструкций. / ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Изд-во «Наука», 2014, 220-247.
- Яковлева И. В.* Семантические переходы в лексико-семантическое поле глаголов речи в русском языке: грамматические ограничения на метафоризацию. // Acta Linguistica Petropolitana, 2019. Т. 15, ч. 3. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 207-222.

Semantic shift in World Languages : Proceedings of the Annual Linguistic Forum held in the Institute of Linguistics of Russian Academy of Science. 21–23 of November 2024. Institute of Linguistics RAS. – Moscow : MAKS Press, 2024. 274 p.

ISBN 978-5-317-07279-7

<https://doi.org/10.29003/m4248.978-5-317-07279-7>

The forum discuss semantic shifts in their diversity and at the same time aims to demonstrate their typological universalities. Semantic shift is considered in different focuses: lexical semantic, etymology and language reconstruction, lexical typology, grammaticalization, cognitive linguistics, cultural anthropology. Semantic calques and borrowings, motivation patterns and nomination strategies in specific thematic areas and languages are also described.

Key words: Semantic shift, polysemy, linguistic typology, nomination strategies, cultural anthropology.

Научное издание

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ В ЯЗЫКАХ МИРА

Материалы к лингвистическому форуму 2024 года

Ответственный редактор Т.А. Михайлова

Подготовка оригинал-макета: *Т.А. Михайлова*

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Обложка: *А.В. Кононова*

Напечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 16.10.2024 г.

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 17,125. Тираж 100 экз. Заказ 171.

Издательство ООО «МАКС Пресс» Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н